

**Министерство общего и профессионального образования
Российской Федерации
Уральский государственный университет им. А.М.Горького**

О.А.Михайлова

ОГРАНИЧЕНИЯ В ЛЕКСИЧЕСКОЙ СЕМАНТИКЕ

**Семасиологический и лингвокультурологический
аспекты**

**Екатеринбург
Издательство Уральского университета
1998**

ББК Ш141.12-3

М 69

Научный редактор д-р филол. наук, проф. Т.В.Матвеева

Рецензенты: д-р филол. наук, проф. Уральского гос. ун-та Л.М.Майданова;

д-р филол. наук, проф. Пермского гос. ун-та В.А.Мишланов

Михайлова О. А.

Ограничения в лексической семантике: Семасиологический и лингвокультурологический аспекты. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1998. 240 с.

ISBN 5-7525-0631-X

В монографии исследуются компоненты лексического значения, отражающие типовое представление языкового коллектива о называемом объекте или ситуации, – лимитирующие семы. Выявляется природа данных сем, предлагается их типология, определяется связь лимитирующей семантики с национально-языковой картиной мира.

Книга адресована филологам – специалистам по русскому языку, общему языкознанию, русскому языку как иностранному, аспирантам, студентам.

М $\frac{4602000000}{182(02)-98}$

ББК Ш141.12-3

ISBN 5-7525-0631-X

© О.А.Михайлова, 1998

ОГЛАВЛЕНИЕ

ОТ АВТОРА	4
ВВЕДЕНИЕ. К ПРОБЛЕМЕ ВЫЯВЛЕНИЯ ЛИМИТИРУЮЩИХ СЕМ	7
Глава I. ЛИМИТИРУЮЩИЕ СЕМЫ В КОНТЕКСТЕ СЕМЕМЫ:	
СИСТЕМНО-СЕМАСИОЛОГИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ	42
1.1. Предварительные замечания	42
1.2. Лимитирующие семы в их связи с мыслительными категориями	44
1.3. Лимитирующие семы на фоне современных теорий значения	58
1.4. Типология лимитирующих сем	87
<i>Специализированные лимитирующие семы</i>	94
<i>Альтернативные лимитирующие семы</i>	95
<i>Вероятностные лимитирующие семы</i>	99
ВЫВОДЫ	103
Глава 2. ЛИМИТИРУЮЩАЯ СЕМАНТИКА И ВЕЩНЫЙ МИР:	
ОНОМАСИОЛОГИЧЕСКАЯ И ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ	105
2.1. Предварительные замечания	105
2.2. Система лимитирующих сем как отражение национального восприятия вещного мира	110
<i>Лимитирующие семы в семемах глаголов</i>	113
<i>Лимитирующие семы в семемах прилагательных</i>	164
<i>Лимитирующие семы в семемах существительных</i>	194
ВЫВОДЫ	219
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	220
ЛИТЕРАТУРА	222

От автора

Язык человека есть средство общения и сообщения, средство кодирования и декодирования определенной информации. Наряду с коммуникативной и номинативной, язык обладает еще и кумулятивной функцией – он является хранителем внеязыковой, общественно и культурно значимой информации. Накопление и сохранение информации происходит в словаре, из чего следует, что целостное теоретическое описание языка требует полного семантического описания лексических единиц языка. Каждый национальный язык по-своему членит действительность. Обращаясь к словарю, к составляющим содержание слова компонентам во всей их полноте, можно реконструировать национальную картину мира.

Обращение к отдельным компонентам значения определено тем, что сейчас совершенно очевидно, что получать новые лингвистические знания, работая с классами слов, невозможно. Новых результатов исследователи добиваются, совершая прорыв от слова в макромир – к тексту либо в микромир – семантическое пространство, в котором обнаруживается сущность значения.

В данной книге рассматривается семантика русского слова с ограничительными компонентами семантического характера, зафиксированными в словарном толковании. Первоначально автором исследовался класс глаголов, объединяющим семантическим компонентом которых является сема ‘специализированный субъект действия или состояния’, типа: *подскакать* ‘приблизиться вскачь к кому, чему-л. (о лошади, а также о всаднике)’; *исписаться* ‘утратить способность к свежему и оригинальному творчеству (о писателе, художнике, композиторе)’; *хохлиться* ‘ежась, втягивать голову, взъерошивать перья (о птицах)’; *вянуть* ‘лишаться свежести (о растениях)’; *кропить* ‘падать мелкими каплями (о дожде)’; *мельть* ‘становиться менее глубоким (о водоемах)’ и др. [см. Михайлова 1984; 1985; 1987]. Семантическое сходство подобных единиц обуславливает формальное сходство в способе подачи этих глаголов в словаре

– сема специализированного субъекта заключается в скобки. Такое оформление связано с особым статусом названной семы. В семемах глаголов семы специализированного субъекта не просто открывают субъектную валентность, но ограничивают денотативное поле глагольного действия, образуя узко-референтное значение глагольной семемы. Названные семы входят в селективный компонент значения, обуславливающий соответствующую семантическую сочетаемость лексемы в составе высказывания.

Наблюдения над более широким лексическим материалом показали, что, во-первых, данная модель лексикографической интерпретации встречается не только в словарных дефинициях глаголов, но также и в толкованиях других частей речи; во-вторых, сочетаемостные ограничения могут распространяться не только на субъектную, но и на другие валентности слова. Это обстоятельство закономерно поставило перед автором следующие вопросы: Какая информация выделяется составителями толковых словарей в качестве особой (заключаемой в скобки)? Какое место в семеме занимает ограничительный компонент? Какова природа этого компонента? Есть ли различия между ограничительными компонентами, входящими в значения разных частей речи? Какая часть вещного мира находит отражение в ограничительном компоненте?

Для сбора материала был использован прежде всего “Словарь русского языка” в четырех томах (Малый академический словарь, далее – МАС); по мере необходимости привлекали также 17-томный “Словарь современного русского литературного языка” (Большой академический словарь, далее – БАС), вышедшие тома 2-го издания “Словаря современного русского литературного языка” (далее – ССРЛЯ) и “Словарь русского языка” С.И.Ожегова (под ред. Н.Ю.Шведовой, далее – СОШ). Методологически работа построена на сочетании индуктивного метода с гипотетико-дедуктивным, так как они взаимодополняемы, а их жесткое противопоставление противоречит логике когнитивного процесса. На первом этапе анализа применялся индуктивный подход, целью которого было установить с помощью формальной процедуры некоторую совокупность слов, имеющих в толковательной части скобки. Затем, на основе “челночного” метода – от словарной дефи-

ниции к семантике и обратно, – были выделены семемы, содержащие ограничительный компонент (как оказалось, не обязательно заключенный при толковании в скобки).

В качестве гипотезы выдвигается следующее положение: компонент-ограничитель манифестирует особую, лимитирующую, часть семантики слова, обращенную в реальную действительность, связанную с типовыми представлениями коллективного языкового сознания о денотате или ситуации и отражающую особенности национального мировосприятия.

Введение

К проблеме выявления лимитирующих сем

Обращение к лексикографическим источникам для лексико-семантических исследований неизбежно и необходимо, так как в толковых словарях (при всем их несовершенстве) отражен стандартный язык [Поливанов 1968], то есть кодифицированная форма национального языка, употребляемая достаточно широким кругом его носителей в качестве образца. Кроме того, толковый словарь ориентирован на систему языка, в нем (хотя и на интуитивной основе, а по данной причине непоследовательно и неполно) отражены системные отношения слов. В толковых словарях собран, систематизирован и достаточно единообразно представлен обширный эмпирический материал – результаты самонаблюдений составителей, данные карточек, в которых содержатся выписки из текстов разных жанров и записи живой разговорной речи. Безусловно, толковый словарь может быть признан достаточно объективным источником для изучения лексической семантики.

Словарная статья толкового словаря русского языка включает много разнообразной информации, так как “берет на себя сразу много различных задач. Она должна дать всесторонние характеристики самого слова, вынесенного в заглавную часть; удовлетворительно информировать о разных видах его окружений, о контекстных, парадигматических, синтагматических связях слова, о силе и слабости этих связей” [Шведова 1988: 6]. Действительно, в существующих толковых словарях русского языка слова получают достаточно обширную, комплексную характеристику: определение лексического значения, грамматическую характеристику, сведения о парадигме, управлении, стилистическую характеристику и пр. По подсчетам Ю.Н.Караулова, в “Толковом словаре русского языка” под редакцией Д.Н.Ушакова отражено 38 лексикографируе-

мых параметров, хотя общее их число может достигать 70 [Караулов 1981].

Ф.П.Сороколетов считает, что количество «параметров, которые могут быть “лексикографированы”, трудно исчислить (во всяком случае, их число может простирается далеко за пределы 70)» [Сороколетов 1988: 21].

Ю.Д.Апресян выделяет в структуре словарной статьи несколько лексикографических зон, в которых объединяются различные параметры – типы информации, соответствующие семиотически значимым аспектам языкового знака: 1) морфологическая, 2) стилистическая, 3) семантическая, 4) прагматическая, 5) просодическая и коммуникативная, 6) синтаксическая, 7) сочетаемостная, 8) фразеологическая [Апресян 1995]. Однако такие зоны определены ученым для разрабатываемого им в течение многих лет “интегрального описания языка”. Применительно к существующим толковым словарям русского языка релевантными из этого перечня являются зона семантической информации (аналитическое толкование данного лексического значения и семантические связи данной лексемы с другими лексемами на парадигматической оси – синонимические, антонимические), зона стилистической информации (указание на эмотивное отношение субъекта речи к обозначаемому и социально-стилевую языковую сферу функционирования лексемы), зона морфологической информации (указание с помощью ряда ключевых форм на тип парадигмы и на соответствующие ограничения в образовании определенных форм), синтаксическая зона (информация о моделях управления; указание на синтаксические условия, необходимые для реализации данного значения), зона сочетаемости (информация о возможности данной лексемы распространяться другими словами в линейном ряду).

Качественное многообразие информации о свойствах языковых единиц фиксируется с помощью различных лексикографических средств, являющихся элементами метаязыка словаря. К числу лексикографических средств относятся цифровые обозначения, указывающие на семантическую структуру слова; условные знаки и шрифтовые выделения; различного рода вербальные пометы: функционально-стилистические, эмоционально-экспрессивные, грамматичес-

кие (например, *перех...*, *без доп.*), лексические (например, *о человеке*) [см. разделы: “Знаки” в МАС и “Перечень условных знаков” в ССРЛЯ].

В качестве лексикографического казуса отметим тот факт, что во всех толковых словарях русского языка в правой части словарной статьи встречается знак “круглые скобки”, однако ни в одном словаре в перечне используемых знаков он не указан. Это можно объяснить только тем обстоятельством, что названный знак многофункционален и его значение четко не определено. Во введении к МАС “Как пользоваться словарем” определены две функции круглых скобок: а) употребление этого знака в морфологической зоне словаря для указания на парный видовой глагол; б) употребление круглых скобок в стилистической зоне словаря – для указания на стилистические ограничения в употреблении определенного значения [МАС, т.1: 9–12]. Во “Введении” ССРЛЯ об употреблении круглых скобок упоминается лишь один раз – при объяснении включения семантико-стилистических комментариев, которые даются после толкования слова в скобках и позволяют уточнить особенности употребления слова в современном литературном языке [ССРЛЯ, т.1: 11]. Большее разнообразие функций круглых скобок определено в СОШ. Во вступительной статье “Сведения, необходимые для пользующихся словарем” указано, что, помимо употребления в морфологической и стилистической зонах словарных статей, скобки используются в семантической зоне словарной статьи при толковании производного слова для указания на номер отсылочного значения и при указании “на условия правильного употребления”. Однако последний случай вызывает досадное недоумение, так как в словарных статьях, на которые дается отсылка как на примеры соответствующего употребления скобок: “см., напр., указание при словах *заимобразно*, *кушать*, *ностальгия*” [СОШ: 8], круглые скобки вообще отсутствуют.

Таким образом, ни один из современных толковых словарей русского языка не определяет, какая же информация помещается в скобках при их использовании в семантической, синтаксической и сочетаемостной зонах словарной статьи.

Выборка словарных дефиниций, содержащих скобки, показала,

что последние используются достаточно регулярно в следующих случаях:

– при отсылке к соответствующему лексико-семантическому варианту многозначного слова, используемого в толковании: *авантюрный* ‘являющийся авантюрой (в 1 знач.)’¹;

– при указании формы единственного числа в названиях национальностей: *абхазы* (ед. ч. *абхаз* и *абхазец*);

– при толковании к иллюстрациям-словосочетаниям: *автомобиль... легковой автомобиль* (пассажирский автомобиль с небольшим числом мест);

– при указании на синтаксические или морфологические особенности употребления: *аж* ‘так что; что даже (употребляется при придаточных предложениях следствия)’; *ан* ‘...Употребляется в начале предложения (в диалоге)’; *абстракт* ‘о том, кто (или что) лишен (лишено) конкретных, индивидуальных признаков’;

– при указании на орфографические нормы употребления: *антарктика* ‘(с прописной буквы)’; *сезам* ‘(с прописной буквы)’; *христос* ‘(с прописной буквы)’; *октябрь* ‘(с прописной буквы)’, а также на просодические особенности: *верно* ‘(с восклицательной или вопросительной интонацией)’.

Во всех названных случаях фрагменты толковательной части, заключенные в скобки, манифестируют информацию, не входящую в состав семемы. Это дополнительная информация, предназначенная для более точного использования языка как средства общения и относящаяся к тем или иным особенностям употребления лексемы. Приведенные факты расширяют и дополняют оговоренные во вступительной части условия употребления скобок в морфологической, синтаксической, фразеологической зонах (указание на орфографические нормы используется в единичных случаях, поскольку такого рода информация не обусловлена целью толкового словаря).

¹ Здесь и далее при подаче материала словарная дефиниция не приводится полностью, а дается лишь необходимый фрагмент. Также не указывается номер лексико-семантического варианта по словарю, так как различия между ними по признаку ‘основное – неосновное’ не имеет принципиального значения. Кроме того, паспортизация материала дается только в том случае, когда словарные статьи извлечены не из МАС, а из какого-либо другого словаря. Отсутствие отсылки означает, что фрагмент дефиниции приводится по МАС.

Кроме того, в словарных дефинициях встречаются скобки и в семантической зоне. В этом случае информация, содержащаяся в скобках, предназначена:

– для пояснения или иллюстрации значений слов, используемых в толкованиях терминов, с целью сделать их более понятными среднему носителю языка: *агглютинация* 1. Биол. Склеивание в комочки и выпадение в осадок частиц (например, красных и белых кровяных телец, бактерий и пр.), взвешенных в жидкости. 2. Лингв. Явление, характеризующее грамматический строй целого ряда языков (тюркских, монгольских, финно-угорских и др.) и заключающееся в том, что грамматические отношения (падеж, число и т.д.) обозначаются посредством специальных приставок или частиц (каждая из которых имеет самостоятельное и постоянное значение), присоединяемых к корню или к неизменяемой основе слова: *гироскоп* ‘свободно подвешенное, быстровращающееся тело (волчок)...’; *геоботаника* ‘наука, изучающая распространение и распределение растений на земном шаре в зависимости от географических факторов (климата, почв и т.д.)’;

– для уточнения значений некоторых слов, используемых в толковании общеупотребительной лексики: *гиря* ‘металлический груз определенного веса, служащий мерой массы (веса) предметов при их взвешивании’; *глициния* ‘южный вьющийся декоративный кустарник (лиана)’; *артель* ‘объединение лиц той или иной профессии (ремесла)’... и под.

Подобная функция скобок (введение разъяснительной информации) в семантической зоне толкования имеет, на наш взгляд, прямое отношение к проблеме “словарь и человек”, причем “человек” в этом сочетании понимается не как лексикограф, а как пользователь словарем, “которых в обществе должно быть подавляющее большинство” [Караулов 1988]. Анализ уточняющих компонентов, заключенных в скобки, показал, что составители словаря учитывают оппозицию ‘лексикограф – читатель’ (или в самом общем виде – ‘говорящий – слушающий’). Если экстраполировать предложенную Б.А.Успенским понятие *точки зрения* [Успенский 1995] на словарь, то можно утверждать, что составители словаря при семантизации слов становятся на различные точки зрения. В одних случаях толкования

ориентированы на языковую компетенцию усредненного пользователя языком (в этом со всей очевидностью проявляется антропоцентризм словаря). Другие толкования представляют собой результат абстрагирующей деятельности составителей словаря и свидетельствуют о преимущественной реализации интересов лексикографа.

Уточнение, равно как и объяснение и иллюстрация, обычно дается с точки зрения среднего носителя языка. В одних случаях в скобках приводится слово, являющееся (для обыденного сознания) денотативным синонимом уточняемому. При этом слово в скобках более употребительно в речи для обозначения соответствующего явления, хотя и менее корректно с научной точки зрения. Так, *масса* и *вес* (см. выше *гиря*) тождественны для обыкновенного человека, незнакомого с физикой, но с точки зрения специалиста-физика это различные явления. В научно корректном толковании значения *гиря* должно использоваться слово *масса*, что и делается, но для облегчения восприятия наивного носителя языка в скобках приводится слово *вес*. В других случаях в скобках приведено слово, вызывающее у рядового члена языкового коллектива определенный предметный образ, с помощью которого легко представить толкуемый предмет, ср. описательное определение *южный вьющийся декоративный кустарник*, которое не всегда вызовет нужное представление о предмете, обозначенном лексемой *глициния* (см. толкование выше), и название конкретного растения *лиана*, создающее вполне четкий и определенный образ и с этой целью приведенное в скобках (аналогично: *быстровращающееся тело* и *волчок* в дефиниции *гироскоп*).

Вместе с тем, как было сказано, уточнение может быть сделано с точки зрения составителей словаря – исследователей языка. В этих случаях в объяснительную часть включается тот из синонимов, который входит в активный словарь наивного носителя языка, но по смыслу является не вполне точным, тогда как в скобках приводится слово, более точно передающее сигнификативное содержание толкуемого. Например, в дефиниции слова *артель* использованы слова *профессия* и в скобках *ремесло* (см. толкование выше). Ремесло, в отличие от профессии, предполагает изготовление каких-

либо изделий посредством ручного труда. Артели на Руси создавались как объединения мелких товаропроизводителей для совместного выполнения вручную трудовых процессов. И, конечно, более точной для толкования значения слова *артель* является лексема *ремесло*, однако существительное *профессия* в дефиниции предпочтено как основное, вероятно, потому, что оно обладает большей активностью в словарном запасе носителей языка.

Таким образом, уточнения с помощью денотативных синонимов в дефинициях общеупотребительных слов призваны, на наш взгляд, “примирить” языковое коллективное сознание и научную корректность.

Объясняющий фрагмент дефиниции, заключенный в скобки, часто представлен не отдельной лексемой, а рядом лексем. Если в словарной дефиниции используется родовое или в значительной степени обобщенное понятие, то оно конкретизируется с помощью перечислительного ряда: *камелек* ‘небольшой очаг, камин для обогрева жилища (палатки, юрты и т.п.)’; *волчец* ‘название различных сорных, большей частью колючих растений (осота, чертополоха и др.)’; *говор* ‘прерывистый шум, гул (щебетанье птиц, журчанье воды и т.п.)’; *голый* ‘лишенный растительного покрова (волос, шерсти, перьев, листьев и т.п.)’; *овощи* ‘огородные плоды и зелень, употребляемые в пищу (огурцы, морковь, помидоры, свекла и др.)’; *люмпен-пролетариат* ‘ деклассированный слой людей в капиталистическом обществе (босяки, бродяги, нищие и т.п.)’; *мегалит* ‘древнее сооружение (памятник, гробница и т.п.) из огромных камней’; *чужеземщина* ‘все чуждое, иностранное (культура, обычаи, мода и т.п.)’. Во всех случаях перечислительные ряды являются открытыми, выполняя своеобразную иллюстративную функцию с целью уточнения области номинации, а союз *и* использован для обозначения неопределенного множества членов ряда.

Члены перечислительного ряда входят в одну тематическую или лексико-семантическую группу, а поясняемое слово является идентификатором [см.: Кузнецова 1969]. Можно сказать, что само уточнение отражает таксономические связи и включено в словарную дефиницию также в интересах пользователя языком, так как, во-первых, частичное представление семантического множества ак-

тивизирует в сознании человека весь участок парадигматически связанной лексики, и говорящему несложно продолжить соответствующий перечислительный ряд, а во-вторых, иллюстрация помогает лучше понять значение толкуемого слова.

Перечислительный ряд может уточнять не только номинант-идентификатор, но и неопределенное местоимение (дейктический идентификатор), при этом члены перечислительного ряда обязательно должны иметь какие-то общие семантические признаки. Например: *выражение* ‘какая-л. особенность во внешнем виде чего-л. (лица, глаз и т.п.), отражающая внутреннее состояние человека’. Существительные *глаза*, *лицо* связаны привативными отношениями: *глаза* – ‘часть лица’, но еще большее сходство между этими словами можно наблюдать по ассоциативным семам: *глаза* и *лицо* – ‘зеркало души’. Или другой пример: *выстукать* ‘выполнить работу, стуча по чему-л. (по клавишам пишущей машинки, на телеграфном аппарате и пр.); отстукать’. Дейктический идентификатор *что-либо*, судя по рядовым членам группы, равен по смыслу номинативному идентификатору *прибор*, *механизм*, а в перечислительный ряд входят члены одной тематической группы.

Слова, уточняющие дейктический идентификатор, часто сами обладают обобщенно-отвлеченным значением. *Верить* ‘иметь твердую уверенность, быть убежденным в чем-л. (в неизбежности, правильности, успехе и т.п. чего-л.)’; *гореть* ‘быть охваченным каким-л. сильным чувством, со страстью отдаваться чему-л. (какому-л. чувству, делу и т.п.)’; *выставить* ‘направить, представить кого-л. для участия в чем-л. (в какой-л. работе, состязании и т.д.)’. Возможно, именно абстрактный характер значения уточняющих слов заставляет использовать в качестве идентификатора только дейктические слова. Уточнение с помощью перечислительного ряда также выполняет иллюстративную функцию и ориентировано на среднего пользователя языком.

Особый случай уточнения семантики слова представляют взятые в скобки обороты в виде предложно-падежных форм со значением отличия: *верх* ‘наружная лицевая сторона чего-л. (преимущественно одежды), имеющего подкладку, а также самый материал, поставленный на наружную сторону (в отличие от изнанки,

подкладки)'; *вольнонаемный* 'работающий по найму, производимый, выполняемый по вольному найму (в отличие от крепостного и принудительного)'. Мы наблюдаем здесь уточнение по способу исключения. В скобках приведены лексемы, противопоставленные в сознании носителей языка заголовочному слову, и сопоставление вокабулы с антонимичными словами, как и в рассмотренных выше случаях, позволяет пользователю языком составить более полное и точное представление о предмете или явлении, названном толкуемым словом.

Итак, уточняющую функцию (отношение частного к общему) приобретают:

- адъективные перечислительные ряды по отношению к определяемому существительному. Например, *баллон* 'закрытый сосуд (стеклянный, металлический, резиновый и т.д.)'; *депеша* 'спешное уведомление, донесение (дипломатическое, военное и т.п.)';

- субстантивные однородные ряды по отношению к обобщающему слову: *вылинять* 'сбросить свой старый, ненужный покров (шерсть, оперение и т.п.), сменив его на новый';

- словоформы с предлогами *в отличие от*, *в противоположность*: *феллахи* 'сельское оседлое население в арабских странах, занятое земледелием (в отличие от кочевников-бедуинов);

- словосочетания, вводимые парентезой *например*: *каблучок* 'архитектурная деталь (например, у колонны)'; *горб* 'жировые отложения в виде одного или двух наростов на спине у некоторых животных (например, у верблюдов)'.

Отдельные лексемы, заключенные в скобки, выполняют собственно поясняющую функцию (отношение тождества между перифразом – описательным названием и универбом): *горох* '...растение... с круглыми семенами (горошинами)'; *бадминтон* 'спортивная игра, состоящая в перебрасывании маленького мяча с оперением (волана) ракетками через сетку'; *глициния* 'южный вьющийся кустарник (лиана)'.

Включение в словарную дефиницию разного рода уточняющих фрагментов вызвано, на наш взгляд, стремлением составителей сделать словарь полезным для читателя. В каком случае говорящий обращается к словарю? Словарь используется самыми широкими слоями читателей как справочник, к нему обращаются, чтобы уз-

нать значение слова. Приводимое толкование соответствующего понятия может оказаться по объективным причинам недостаточно ясным, и уточняющие фрагменты толкования дают возможность конкретизировать семантическую характеристику вокабулы, повышая полезность словаря. При этом уточняющие фрагменты в скобках лишь косвенно связаны с семантикой толкуемого слова и потому сами они не могут быть признаны компонентами семемы. Заключенные в скобки такого рода фрагменты так или иначе связаны с коммуникативной рамкой высказывания и обеспечивают точность словоупотребления.

Однако есть словарные дефиниции, в которых скобки используются при выделении некоторых семантических признаков, входящих в структуру толкуемого значения, в частности селективного компонента в семемах глаголов: *жужжать* ‘производить однообразно дребезжащий звук крыльями при полете (о насекомых)’; *печься* ‘приготовляться для еды сухим нагреванием на жару (о пище)’; *взмутить* ‘взбалтывая, или приводя в движение, сделать мутным (воду, жидкость)’; *косить* ‘срезать травы или хлеба (косой, косилкой)’; *облетать* ‘испытать в пробном полете (самолет, дирижабль)’ и под.

В именах существительных и прилагательных, реже – в наречиях также встречается выделение с помощью скобок некоторых семантических признаков: *бездна* ‘беспредельная глубина (моря, неба)’; *артерия* ‘путь сообщения (особенно водный)’; *вириши* ‘стихи вообще (обычно о плохих стихах)’; *дубленый* ‘обветренный, огрубелый (о коже лица)’; *дикий* ‘не прирученный, живущий на воле, в отличие от домашнего (о животных и птицах)’; *дидактический* ‘имеющий характер наставления, поучения (о литературных произведениях и жанрах)’; *вполнакала* ‘тускло, слабо (о свечении лампы накаливания при значительном падении напряжения в электрической цепи)’; *кантата* ‘жанр торжественной лирики (в русской поэзии 18 – нач. 19 вв.)’; *камергер* ‘старшее придворное звание (для лиц, имевших чин III и IV класса)’; *людоедство* ‘употребление в пищу человеческого мяса (у некоторых племен на стадии первобытной культуры)’; *двуперстный* ‘производимый при помощи двуперстия (о крестном знамении старообрядцев)’; *коляда* ‘старинный рождественский и

новогодний обряд (преимущественно на Украине)’ и др. Приведенные примеры отличаются от рассмотренных выше случаев выделения уточняющего фрагмента с помощью скобок. Здесь компоненты в скобках являются не уточняющими, поскольку в основном фрагменте дефиниционного высказывания нет уточняемого члена, а ограничительными. Ограничение заключается в том, что семантический признак, объективированный в дефиниции словом или словосочетанием в скобках, имеет не обобщенное, а относительно конкретное содержание. Он распространяется не на неопределенное множество предметов какого-либо класса или частных разновидностей какого-либо признака, а лишь на небольшой набор или единственный предмет из множества. Так, например, в значении глагола *крентить* ‘наклонять набок (судно, самолет)’ сема ‘объект действия’ теоретически может быть представлена всеми членами семантической группы “транспортные средства”, но в словарном толковании лексическая помета в скобках ограничивает содержание этой семы лишь двумя членами множества. Приведенные в МАС иллюстрации к этому значению также подтверждают, что в высказываниях названная сема эксплицируется существительными *судно*, *самолет* или другими существительными этих тематических множеств, ср.: *Волна, шипя, кренила его [баркас]...* (Л.Соболев); *Немногие из них сознавали, что это гибель, что дрянной пароход идет порожняком, что его крентит на сорок градусов* (К.Паустовский); *Самолет кренило, машина входила в штопор* (Б.Полевой). Казалось бы, возможно замещение позиции, связанной семой ‘объект действия’, и другими существительными – названиями средств передвижения (ср.: *машину крентит; автобус кренило*), однако при этом мы наблюдаем речевую модификацию – расширение значения, которая формально проявляется в том, что предложения с объектом – наземным транспортом могут быть только безличными, тогда как с объектами *судно*, *самолет* – и личными, и безличными (см. примеры выше). Функцию воздействующего субъекта выполняет водная или воздушная среда, способная изменять боковой наклон (крен) движущегося транспортного средства. Твердая поверхность не может оказывать такого воздействия. Системное значение глагола

крентить связано только с денотативной областью, охватывающей водный и воздушный транспорт, но не наземный. Этим, как нам кажется, и объясняется наличие в словарной дефиниции глагола соответствующего ограничительного фрагмента. Возьмем другие примеры: в семантике прилагательного *дрессированный* ‘прошедший дрессировку (о животных)’ сема ‘субъект – носитель признака’ может быть представлена только названиями животных, о чем сигнализирует ограничительный компонент в скобках; в значении существительного *коляда* (см. толкование выше) семантический признак ‘место существования явления’ конкретизирован (хотя и не абсолютно) указанием на типовую локальную привязку – ‘преимущественно на Украине’.

Таким образом, можно сказать, что функция подобных компонентов – ограничительная и, следовательно, одно из назначений скобок в словарной дефиниции – маркировать ограничительные компоненты, которые по своему содержанию очень разнородны: они ограничивают круг денотатов, которым может быть приписан признак, ограничивают ситуацию, в которой может проявляться признак, ограничивают частные разновидности проявления признака и проч. При этом необходимо заметить, что характер и сущность ограничительных фрагментов в значительной степени различаются в зависимости от их принадлежности к предметным или признаковым именам. В признаковых именах – глаголах и прилагательных – ограничения связаны с селективным компонентом, с избирательностью сочетаемости, т.е. в скобках перечисляется ряд или указывается один денотат, который может вступать в синтагматические связи с заглавной лексемой. В именах существительных фрагменты толкования в скобках указывают на ограничения в частных проявлениях какого-либо свойства именowanego объекта. Эти фрагменты нельзя отнести к селективным компонентам, потому что предметные имена, особенно с конкретной семантикой, являются с точки зрения теории валентности и падежной грамматики зависимыми от признаковых имен. Фрагменты с ограничительной функцией в толкованиях имен существительных являются семантическими конкретизаторами.

Итак, скобки как лексикографическое средство служат для выделения разных типов информации, и круг обязанностей этого средства гораздо шире, нежели это определено во введениях словарей. Из всех рассмотренных случаев для нас представляют интерес только те фрагменты толкования, которые выполняют ограничительную функцию.

Ограничения появляются в языке в тех случаях, когда есть тот или иной выбор: выбор вариаций и вариантов в пределах заданного инварианта, выбор единиц языка из некоторой парадигмы, выбор, в конце концов, самой парадигмы из языковой системы. Процесс выбора является многоступенчатым, и на всех ступенях выбора действуют определенные ограничения. Язык испытывает множество разнообразных ограничений: экстралингвистических и собственно языковых – ограничения системой и ограничения нормой. Соблюдение всех видов ограничений в речевой коммуникации является непреложным требованием правильной речи. Нарушение их приводит к затруднению общения и даже к разрыву коммуникации. Как пишет Л.Н.Мурзин, “системные ограничения более сильные, они в основном связаны с репрезентативной функцией языка, так как система призвана разграничивать значимости и значения, выражаемые единицами. Нарушения системных отношений между единицами в процессе коммуникации приводит к серьезным дефектам общения. Игнорирование ограничений, накладываемых нормой на свободу языка, также приводит к дефектам общения, но принципиально по-другому: если результатом нарушения системы является непонимание и разрыв коммуникации, то результатом нарушения нормы – только затруднение общения, так как внимание реципиента переключается с содержания речи на ее форму...” [Мурзин 1997: 129–130].

В лингвистической литературе термин “ограничители” (*hedges* – буквально “ограды”) использует Г.Лакофф [Lakoff 1975]. К ограничителям он относит слова типа *регулярный, настоящий, очень, в формальном смысле* и под., то есть это разного рода добавления к смысловой структуре предложения, которые “относятся к степени истинности, а также выделяют или подавляют различные измерения истинности”, другими словами, “ограничители” указывают на степень принадлежности

к классу. Л.Заде выделяет “степенные” ограничители: *довольно, во многих отношениях, немного, слегка* [Zadeh 1972]. Для названных ученых ограничители – синтаксический показатель истинности суждений, не связанный со значением конкретного слова.

Вместе с тем об ограничениях говорится и в лексической семантике. Так, об ограничительном компоненте применительно к значению слова пишет Н.Ю.Шведова: “Семантические связи выделяются посредством ограничивающего элемента толкования (ср. *алеть* – ‘об алом: виднеться’; *гнедой* – ‘о масти лошадей’), ограничивающими указаниями типа о ком (чем)...” [Шведова 1988: 8]. Ю.Д.Апресян уделяет большое место сочетаемостным ограничениям в интегральной концепции описания значения [Апресян 1986а; 1995], при этом сочетаемостные ограничения, понимаемые автором предельно широко, специфицируют различные свойства лексической единицы и, как следствие, могут быть разных типов. Выделенные в концепции исследователя типы сочетаемостных ограничений повторяют типы информации, соответствующие семиотически значимым аспектам языкового знака. Такое комплексное описание сочетаемостных ограничений определено как перспектива и имеет место лишь в пробных “лексикографических портретах”, созданных автором, но, к сожалению, отсутствует в типовых толковых словарях.

В работах других лексикологов и лексикографов сочетаемостные ограничения понимаются более узко и термин *ограничения* используется применительно к показателям грамматической и лексической валентности. Ограничения синтаксической и лексической сочетаемости попадали в поле зрения лингвистов, исследовавших семантические классы слов [см. библиографию в кн.: Классы слов... 1979: 145–152; Михайлова 1985; а также: Классы слов... 1988]. При изучении единиц какой-либо семантической группы выяснялось влияние типовой семантики на типовую сочетаемость единиц, а также выявлялись причины появления индивидуальной сочетаемости у некоторых членов класса. В результате определялись лексические ограничения, накладываемые на сочетаемость некоторых лексем системой или нормой, и способы их лексикографирования.

Отдельные наблюдения, связанные с сочетаемостными огра-

нениями, находим в работах, посвященных теории валентности и падежной грамматике [Апресян 1995; Арутюнова 1973; Богданов 1977; Богданова 1995; Власова 1995; Грубер 1995; Золотова 1982; Комри 1995; Рахилина 1990; Саевич 1986; Филлмор 1981]. В работах западноевропейских и американских ученых, посвященных толкованиям семантики лексических единиц, строго разграничиваются собственно содержательная и селекционная часть определения: “Каждое из *n* лексических толкований представляет собой набор символов, называемых семантическими признаками (*markers*), и сложного символа, называемого сочетаемостным ограничением” [Катц 1981: 35. См. также: Бирвиш 1981; Вейнрейх 1981; МакКоли 1981].

Большинство словарей фиксирует системные отношения в языке, и все современные толковые словари русского языка являются нормативными. Следовательно, в них обязательно находят отражение различные ограничения – и ограничения системой, и ограничения нормой. При этом далеко не всегда ограничительные компоненты оформляются в дефиниции с помощью скобок. Лингвисты неоднократно обращали внимание на разного рода ограничения, которые учитываются или должны учитываться лексикографами.

Во-первых, исследователи лексической семантики говорят об ограничениях, связанных с употреблением слова в аспекте стилистической дифференциации. Г.П.Скляревская отмечает, что в наших толковых словарях принят ограничительный принцип: пометы характеризуют область преимущественного употребления [Скляревская 1995а]. Стилистические ограничения в толковых словарях неоднородны и обусловлены следующими причинами: а) принадлежностью слова к тем пластам лексики, которые находятся за пределами литературного языка или на его границе: *мужлан*, прост.; *легковушка*, прост.; *ларечник*, разг.; *мяучить*, прост.; *лабаз*, обл. ‘навес, сарай для хранения чего-л.’; *куш*, разг. ‘большая сумма денег’; *кучиться*, обл. ‘усиленно просить о чем-л.’; б) узкоспециальным характером терминов науки, техники, искусства: *ласточка*, спорт. ‘гимнастическая фигура, при которой положение тела напоминает птицу в полете’; *лакуна*, анат. ‘углубление, свободная полость между тканями или органами’; *лаг*, мор. ‘навигационный прибор’; *маточник*, пчел. ‘наиболее крупная ячейка в улье для выведения пчелиной матки’; в) ис-

торической перспективой развития языка: *ластовка*, устар. ‘то же, что ластовица’; *ласкатель*, устар. ‘лысец, низкопоклонник’; *лицедей*, устар. ‘актер’. Стилистические ограничения оформляются с помощью стилистических и другого рода помет и входят в зону стилистической информации.

Зона стилистической информации не выделяется в качестве самостоятельной Ю.Д.Апресяном, так как, по его мнению, “стилистическая информация в толковых словарях не отделяется в достаточной мере от семантической, коммуникативной и прагматической” [Апресян 1986: 66]. И указания на стилистическую информацию исследователь вводит в зону сочетаемостных ограничений, что соответствует ограничительному принципу традиционной лексикографии. Например, в описании лексикографического портрета глагола *быть* находим указание: “Стилистическая (сочетаемостная информация. – О.М.), ср. устарелость или книжность конструкции типа *Мой брат был <будет> профессор*, со связочным *быть* (в значении ‘являться’. – О.М.) в форме ПРОШ или БУД” [Апресян 1995: 517]. Или в другом месте: “глагол *быть* в значении ‘прибывать, приезжать’ употребляется в стилистически нейтральной конструкции типа *Ивана сегодня не будет* и в устаревшей конструкции типа *Вы будете к нам завтра?*” [там же: 489].

В обычном толковом словаре ограничения стилистического характера представлены не столь широко, как в “лексикографических портретах” слов, разрабатываемых Ю.Д.Апресяном. Ограничительные функционально-стилистические и эмоционально-экспрессивные пометы, как известно, отражают закрепленность слова за определенной речевой сферой и манифестируют собой слова, являющиеся средством вторичной номинации. Стилистически маркированная лексика неоднократно являлась и является предметом изучения лингвистов в связи с проблемами образности, экспрессивности и шире – коннотации [Башиева 1995; Бебчук 1991; Говердовский 1977; 1979; 1989; Лукьянова 1979; 1986; Матвеева 1986; Моран 1989; Петрищева 1984; Склярская 1978; 1983; 1988; 1995а; 1995б; 1996; 1996а; Телия 1986; Трипольская 1984; 1985; Черемисина 1979; Шаховский 1982; 1983; 1987 и др.]. Стилистически маркированные значения так или иначе связаны с характеристикой говорящих

по их социальному, культурному или межличностному статусу. Стилистические ограничения имеют форму модальной рамки, ибо указывают, к какому пласту или форме существования языка принадлежит соответствующая лексема.

Во-вторых, существуют синтаксические ограничения, сопровождающие синтаксически обусловленные значения [Виноградов 1977] указанием на соответствующие условия употребления. Эти ограничения вводятся формулой “о ком-, чем-л.”, которая указывает, что “слово употребляется в качестве характеристики, какой-л. оценки и т.п.” [МАС, т. 1: 8], а также описанием синтаксических позиций, типовых для данного значения. Синтаксические ограничения входят в синтаксическую зону словарной статьи: *мастодонт* ‘о громадном неуклюжем человеке’; *лакей* ‘о раболепствующем, выслуживающемся человеке’; *высокоуважаемый* (обычно в обращении); *ад* (обычно какой и где); *лежаться* (чаще с отрицанием); *кухня* с определением ‘кушанья’; *ломать* ‘в безличном употреблении’ и др. Влияние синтаксической функции, в частности функции сказуемого, на изменение значения слова в современной науке изучено достаточно хорошо [см., напр.: Ермакова 1995; Сергеев 1983; Черемисина 1976; Шатуновский 1983].

В-третьих, в словарных статьях выделяются морфологические ограничения, т.е. дается перечень обязательных форм синтагматически связанных слов. Морфологические ограничения подаются в виде обобщающих местоимений, которые фиксируют закрепленные в окружении толкуемых лексем формы зависимых слов, маркируя конструктивно обусловленные значения [Виноградов 1977]: *обвинять* в чем ‘полагать, считать виновным в чем-л.’; *напороться* на что ‘повредить, поранить себе что-л., наткнувшись на что-л. острое’; *напомнить* о ком, чем ‘привести на память что-л., заставить вспомнить о ком-, чем-л.’; *состоять* из кого, чего ‘иметь в своем составе кого-, чего-л.’; *состоять* в чем ‘заключаться в чем-л.’; *склонный* к чему и с неопр. ‘имеющий склонность к чему-л.’; *положение* о чем ‘свод правил, законов по определенному вопросу’ и под. Названные ограничения входят в зону сочетаемости, так как содержат информацию об обязательной грамматической валентности толкуемой лексемы. Грамматическая сочетаемость активно изучалась лексикологами и семантиками, исследовавшими семантические классы

слов. Не имея возможности перечислить даже малую часть существующих по этой проблеме трудов, отошлем к монографии “Лексико-семантические группы русских глаголов” [1989], где имеется обзор и обширный список литературы.

В-четвертых, выделяются лексические ограничения, задающие список контекстных партнеров, в сочетании с которыми реализуется толкуемое значение: *влачить* ‘в сочетании с сущ.: жизнь, существование, век, дни’; *возлагать* надежды; *надирать* глотку (или горло); *сидеть* ‘со словами: на земле, на месте’. Лексические ограничения выступают как разновидность мотивации [см. Комлев 1988], когда лексическая дистрибуция единственно определяет значение слова, не имеющего в современной языковой системе прямого номинативного значения. Круг слов, входящих в постоянный контекст, в значительной степени определяется узусом.. Такие ограничения располагаются в зоне сочетаемости и свидетельствуют о фразеологически связанном значении слова [Виноградов 1977]. Лексические ограничения традиционно рассматриваются как сочетаемостные ограничения. Вообще, в изучении сочетаемости можно выделить следующие направления: сочетаемость как средство выявления значения слова или как средство разграничения отдельных значений полисемантического слова; сочетаемость слов разных частей речи; сопоставительное изучение сочетаемости в разных языках; обусловленность сочетаемости предметно-логическими связями реальной действительности либо определенными правилами и закономерностями, существующими в языке; лексикографический аспект сочетаемости [Бацевич 1993; Брагина 1991; Григоренко 1994; Дивина 1996; Зимин 1994; Лексико-семантические группы 1989; Соловьева 1989]. Связанные значения слова были предметом изучения в работах: [Копыленко, Попова 1978; Телия 1981; 1995].

Перечисленные типы ограничений – это ограничения нормой или системой. Они выработаны обществом, кодифицированы, и их роль состоит в том, чтобы фиксировать особые типы маркированных или несвободных значений: стилистически окрашенных, синтаксически или конструктивно обусловленных, фразеологически связанных. Эти ограничения отражают факторы и причины появления подобных значений как средств вторичной номинации.

Вместе с тем в словарных дефинициях встречаются ограничения другого рода, не влияющие на изменения характера значения в плане его связанности или маркированности. Эти ограничения обусловлены внеязыковыми причинами (культурно-историческими, предметно-логическими), способом вычленения данным языком “фрагментов действительности”. Подобные ограничения объективируются в толковых словарях, однако, насколько нам известно, они не имеют лингвистического обоснования. Опираясь на материалы МАС, мы выделили следующие ограничения, связанные с экстралингвистическими факторами:

1. Ограничения обстановочного контекста

Н.Ю. Шведова под термином *обстановочный контекст* понимает указание на локальную и/или хронологическую прикрепленность слова. Это указание реализуется не только “средствами специальных, обычно недостаточно соотнесенных друг с другом помет”, но также “информирующим компонентом толкования” [Шведова 1988]. Говорить о необходимости контекста для реализации всех лексических значений можно, лишь имея в виду философскую сторону вопроса, понимая контекст как “единственно данную в опыте речевую деятельность” [Щерба 1974], поэтому мы несколько шире трактуем данный термин, включая в него все характеристики ситуации: место, время, причины и условия существования объекта, действия или явления, принадлежность к определенной сфере жизни общества. Эти ограничительные фрагменты представлены в словарной дефиниции прямым комментарием, предваряющим собственно толковательную часть или заключенным в скобки: *высочайший* ‘в дореволюционной России :императорский, царский’; *гольф* ‘игра в мяч... (распространена в Англии, США и др.)’; *гладиатор* ‘в Древнем Риме: борец из рабов или военнопленных...’; *гильдия* 1. ‘В средние века в Западной Европе: объединение купцов и ремесленников...’. 2. ‘В дореволюционной России: один из трех сословно-податных разрядов...’; *гетман* 1. ‘В 16–17 вв. на Украине: выборный начальник казацкого войска; в 17–18 вв. – верховный правитель Украины’. 2. ‘В 16–18 вв. в Польше и Литве: главнокомандующий вооруженными силами’; *гетера* ‘В Древней Греции: образованная незамужняя женщи-

на...'; *гайдук* 1. 'В 15–19 вв. у южных славян: участник вооруженной борьбы против турецкого владычества'. 2. 'Выездной лакей в богатом помещичьем доме (в 18–19 вв.)'; *стихия* 'у древнегреческих философов-материалистов: один из основных элементов природы...'; *вытянуться* 'стать прямо (по требованию воинской и служебной дисциплины)' и под.

Как отмечает Н.Ю.Шведова, слово существует в системе классов и принадлежит им. В числе 14 выделенных ею классов назван класс "хронологический (локально-хронологический) или локальный" [Шведова 1988]. Именно в этот класс входят слова, в толкованиях которых есть ограничения обстановочного контекста. Названные ограничители задают хронотоп высказывания или текста. Ср. замечание Болинджера: "За столь широкой пометой, как *Rom antiq*, стоит целый мир всего связного текста" [Болинджер 1981]. Чем сложнее значение слова (в смысле сложности обозначаемого им понятия), тем более широкий контекст приходится привлекать при его семантизации. Поскольку словарь строит дефиниции в виде относительно коротких текстов, включающих минимальный набор элементов, соответствующих сущностным признакам семемы, постольку при описании слов со "сложным" значением приходится к этому набору добавлять важные признаки уже не только онтологического, но также логического и культурного характера.

История входит в современность, и предшествующие этапы развития общества, национальной культуры, накопленный предыдущими поколениями коллективный опыт закрепляются в формах языка. Именно слово становится "памятью культуры" [Верещагин, Костомаров 1980: 95], а словарь отражает кумулятивную функцию языка – функцию накопления и хранения внеязыковой информации. Иначе говоря, культура включается в язык, а язык в культуру, образуется взаимосвязь языка и культуры. Слово не только классифицирует предметы или явления, но одновременно выступает как носитель знаний, присущих обществу. Каждое слово накапливает и сохраняет знание об окружающем мире. Это знание существует как всем известные факты – "взвешенные факты" [Верещагин, Костомаров 1980], поэтому оно должно найти отражение в словаре. Ограничения

обстановочного контекста – это и есть отражение известных фактов ситуации, которые сопрягаются с данным словом и обязательны для его понимания.

Многие слова, в толковании которых есть ограничения обстановочного контекста, являются историзмами, но при них помета “устар.” не ставится, хотя, по мнению некоторых ученых, эта помета может быть “в равной степени отнесена как к устаревшему референту, вышедшему из употребления, так и к устаревшему языковому знаку, который был вытеснен другим, синонимичным ему по значению” [Микулина 1981: 69]. Нам кажется, что нет оснований использовать в обоих случаях одну помету “устар.”. Составители словаря совершенно справедливо маркируют этим показателем только архаизмы – устаревший языковой знак, а применительно к историзмам используют не помету, а ограничительный компонент толкования. Помета “устар.” является, наряду с другими пометами, показателем стилистических ограничений. Все стилистические ограничения передают модальные характеристики соответствующей лексемы, определяют прагматический контекст, релевантный для ее использования. Слова-историзмы обозначают понятия, предметы исторического прошлого, хотя и отжившие, но в силу важности своего значения в истории народа широко известные и сохранившие как в исторической науке, так и в литературном языке свои названия. Они, как правило, лишены модальных значений, и поэтому для их определения представляется единственно возможным использование информационного компонента толкования – ограничителей обстановочного контекста. Таким образом, мы считаем очень существенным разграничение стилистических ограничений, связанных с коннотативно-оценочной функцией языка, и ограничений обстановочного контекста, являющихся нейтральными с точки зрения модальных значений и обусловленных кумулятивной функцией языка. Эта проблема в особенности актуальна для современных словарей, в задачу которых входит отражение, фиксация, интерпретация массива новоисторизмов.

2. Ограничения логико-предметного содержания слова

Любое знаменательное слово обладает логико-предметным содержанием, которое фиксируется в словаре. Вслед за А.А.Уфим-

цовой под понятие “логико-предметное содержание” слова мы подводим как отраженный в сознании образ предмета, вещи, так и отношения между этими предметами, вещами в реальном мире. Ср.: «В понятие “логико-предметное содержание” слова, по нашему мнению, входят два компонента: а) идеальный образ будь то класса предметов, единичного явления, то есть собственно “вещественный” компонент; б) логико-семантические отношения, отображающие реальные связи данного предмета, явления, свойства по отношению к другим» [Уфимцева 1986: 24].

Ю.Н.Караулов, разрабатывая вопрос о “слагаемых смысла словарных определений”, выделил три таких слагаемых: лексическое, то есть значения самих слов, составляющих толкование; логико-семантическое, отражающее отношения между предметами реального мира, обозначенными этими словами, и формально не всегда выраженное; синтаксическое, или в широком смысле грамматическое, эксплицитно представленное в виде отношений между словами на синтагматической оси” [Караулов 1981: 209]. Однако исследователь считает, что “смысл выраженных в дефиниции логико-семантических отношений не принадлежит непосредственно ее семантике, не является реальной составляющей ее собственного смысла, а есть показатель системных связей более высокого уровня абстракции” [там же: 318]. Последнее замечание едва ли справедливо: во многих словах, особенно с релятивной семантикой (глаголы, прилагательные), именно логико-семантические отношения являются основным компонентом, формирующим лексическое значение слова.

Термин “логико-предметное содержание” имплицитно подразумевает два составляющих это явление компонента: 1) отображение субстанции (предмета, явления), ее наиболее существенных признаков и свойств и 2) отображение ракурса отношений, как они складываются по логике внешних связей вещей. И, как следствие, наличие двух разновидностей: ограничений, связанных с прототипическими признаками денотата, и ограничений, очерчивающих область денотативной приложимости действия/признака.

Ограничения первой разновидности характерны для толкования

значений имен существительных и являются следствием сопряжения лексических понятий с денотатами. По охвату множества семантических объектов слов создаются как бы “с запасом”, чтобы можно было охватить все денотаты класса, хотя у них могут быть глубоко индивидуальные черты. Значение слова как классифицирующий феномен включает только существенные, инвариантные признаки, которые должны быть присущи предмету для его идентификации как представителя данного класса. Эти признаки составляют первый компонент логико-предметного содержания и объективируются в словарной дефиниции. Все прочие признаки реалии (а индивидуальных или групповых свойств может быть неизмеримо больше) не являются типологическими и потому не семантизируются. Однако в языковом сознании имеется достаточно устойчивая модель когеренции лексического понятия с образом реальной или воображаемой действительности. Слова, помимо знания их значений, вызывают у говорящего (и у слушающего) определенное представление о том, какими свойствами обладают прототипические, идеальные предметы этих классов. Поскольку в словарях провозглашен антропоморфный способ подачи материала, среди позиций словарной статьи появляются не только классифицирующие и конкретизирующие компоненты, но и компоненты, ограничивающие частные проявления какого-либо свойства (например, цвета, формы) типовым представлением о нем, сложившимся в коллективном сознании. Например: *бутылка* ‘сосуд для жидкостей с узким продолговатым горлом, обычно цилиндрической формы’ – первая часть толкования включает классифицирующие компоненты, а выделенный фрагмент представляет собой ограничительный компонент, отражающий типовое усредненное представление о форме этого сосуда: наличие другой формы, хотя и менее типично, но бывает (например, пластиковые бутылки в форме параллелепипеда), поэтому отсутствие у референта соответствующего признака не вызывает проблем с его номинацией. Или другой пример: *волк* ‘хищное животное семейства псовых, обычно серой окраски, родственное собаке’. Выделенный фрагмент указывает на прототипическое свойство этого животного, однако волк другой масти не перестает быть волком.

Можно полагать, что всякая дифференциальная сема в составе семемы выполняет рестриктивную функцию по отношению к категориально-лексической семе (архисеме), так как любой дифференциальный признак – это признак, отличающий одну семему от другой в составе какого-либо семантического класса. Дифференциальные семы отражают особенности денотатов, их обязательные, инвариантные признаки, входящие в число классифицирующих свойств. Например, белый цвет входит в число инвариантных свойств ландыша, поэтому в семеме слова *ландыш* мы выделяем дифференциальный признак ‘белого цвета’, который является структурно-релевантным для данной семемы.

Те составляющие словарной статьи, которые мы выделили как указания на типовое усредненное представление об объекте, нельзя признать отражением дифференциальных признаков. На уровне языка признаки, манифестируемые семантическими конкретизаторами с ограничительной функцией, не могут быть выделены методом оппозиции и не являются существенными с точки зрения взаимосвязи данной семемы с другими в составе лексических парадигм. Свойства, формирующие прототипическое представление о предмете, не всегда являются инвариантными. Так, для гвоздики и розы цвет не является инвариантным признаком, в отличие от ландыша, однако на них распространяется свойство быть розовым, красным, желтым, белым. Вероятно, поэтому в дефиниции слова *гвоздика* мы находим перечислительный ряд ‘с цветками красной, розовой, белой окраски’, в котором названы типовые признаки денотата, но не дифференциальные признаки семемы.

Ограничения второй разновидности – ограничения области денотативной приложимости какого-либо действия или признака – связаны с семантикой глаголов и прилагательных и очерчивают круг объектов, которым может быть предсказан данный признак. Например: *вянуть* ‘лишаться свежести (о растениях)’; *обуять* ‘охватить (о чувствах)’; *пикировать* ‘снижаться на большой скорости в почти вертикальном положении (о самолете)’; *беззвездный* ‘с невидимыми звездами (о ночи, о ночном небе)’; *восковой* ‘бледно-желтый, мертвенно-бледный (о цвете кожи)’ и под. Эти случаи необходимо со всей определенностью отграничить от слов с фразеологически связанным значением.

Сочетаемость слова в одних случаях представляет собой его имманентные характеристики, присущие ему как бы “до сочетания”, а в других случаях ее можно оценить как статистическое обобщение сопутствующих употреблению слова элементов структуры словосочетания. Ограничения на сочетаемость слова может накладывать как система языка, норма языка, так и логико-предметные отношения в реальной действительности.

Н.З.Котелова, анализируя “Словарь современного русского литературного языка” (БАС) [Котелова 1995: 159], приводит такой пример: слова *пленарный* и *творительный* оформлены одинаково, им приписывается единичная лексическая сочетаемость: *пленарное заседание* и *творительный падеж*. Между тем первое сочетание обозначает лишь обычную в действительности реалию – ограничения связаны с экстралингвистическими факторами, слово же может сочетаться и с другими словами: *доклад, комиссия, обсуждение, протокол*. Во втором случае мы имеем действительно языковую единичную лексическую сочетаемость и несвободное сочетание (нельзя сказать, например, **творительная надежная форма*). “Разграничение языковой и внешней регламентации осложняется тем, что первая отражает вторую и складывается под ее влиянием” [Котелова 1977: 39]. Для характеристики сущности ограничения лексической сочетаемости Н.З.Котелова вводит противопоставления: устойчивость (ограниченность распространителей по числу) – неустойчивость; несвободность (ограниченность распространителей по набору) – свобода. Свободная устойчивая сочетаемость обусловлена лексическим значением слова, его объемом и содержанием. Несвободная сочетаемость – это избирательность состава распространителей, не обусловленная ни значением слова, ни внеязыковыми факторами. Ср. аналогичное утверждение В.Н.Телии о связанном значении: “связанные значения обозначают безотносительно существенный и непреходящий признак единичного для них референта” [Телия 1980: 271]. При исключении слова со связанным значением из словосочетания меняется “знаковая функция семантически ключевого слова, и оно говорит о другом обозначаемом” [там же: 270].

Говоря о несвободной сочетаемости (связанном значении), мы имеем дело со связанностью грамматического слова, его избирательной формальной сочетаемостью с другими словами. Например: *бисерный почерк* (но не *письмо*); *питать надежду, уважение, ненависть* (но не *радость, любовь*).

Лексемы, содержащие селективный компонент значения, не относятся к группе слов со связанным значением. Их сочетаемость регламентируется не внутриязыковой сочетаемостной нормой, а семантическими и предметно-логическими отношениями, т.е. такие лексемы легко вступают в соединение с синонимами основных распространителей, со словами, обозначающими другие реалии при расширении ряда однотипных распространителей. Например, в глаголе *приземлиться* селективный компонент представлен вариантами ‘о самолете, парашюте’, однако с появлением новых реалий (к примеру, космического корабля) он может быть расширен, что приведет к изменению, но не нарушению сочетаемости. Такую сочетаемость Н.З.Котелова определяет как свободную устойчивую лексическую сочетаемость [Котелова 1995]. Л.В.Щерба выделяет в свободной сочетаемости «“ближнюю”, выражающую признак, семантически как бы включенный в состав определяемого», и “дальнюю”, выражающую отношение с предметом, существующим как бы вне определяемого слова [Щерба 1974]. Лексемы, у которых ограничена область их денотативной приложимости, обладают ближней свободной лексической сочетаемостью и являются словами с “референтно ориентированной” [Арутюнова 1980] семантикой, с “узко-признаковым значением” [Уфимцева 1986].

Итак, аналитический взгляд на словарную статью толкового словаря позволил выделить в ней особые фрагменты толкования, выполняющие ограничительную функцию. Подобные фрагменты чрезвычайно разнообразны, поскольку они могут касаться разных лексикографических параметров, число которых, как известно, довольно велико. Большинство ограничительных фрагментов задает условия употребления слова относительно его связей – морфологи-

ческих, синтаксических, лексических – с другими словами и поэтому является системными и узувальными ограничениями. Они складываются под давлением системы языка, под влиянием узуса и исторической инерции словоупотребления. При этом подобные ограничения обуславливают появление несвободных или маркированных типов лексических значений, находящихся на периферии языка. Но, как показали материалы, есть ограничения, опирающиеся на воспринимаемый мир, имеющие отчетливую соотнесенность с внеязыковой реальностью. Эти ограничения не выступают как системные факторы, формирующие особые типы лексических значений, они не связаны со сферой литературного языка, с его функционально-стилевым расслоением. Они направлены не на толкуемую лексему, а на содержательную сторону знака – семему. В соответствии с выполняемой функцией назовем их семантическими компонентами-ограничителями (КО). В нашем понимании КО связаны не только с сочетаемостными ограничениями, но с любого рода информацией, отражающей внеязыковую действительность.

Способы оформления КО в словарных толкованиях не отличаются единообразием. В абсолютном большинстве случаев фрагменты с ограничительной функцией заключаются в скобки, но могут оформляться и без скобок.

КО может быть представлен предложно-падежной словоформой: *взломаться* ‘разломаться, разрушиться при вскрытии реки (о льде)’, *проворковать* ‘издать непродолжительные переливчатые звуки (о голубях)’, *глубокий* ‘уходящий в высоту, не имеющий видимого предела (о небе)’. Ограничительный фрагмент толкования может оформляться также в виде словосочетания, построенного по модели N + Atr: *барельеф* ‘скульптурное (с низким рельефом) изображение на плоской поверхности’; *веять* ‘дуть (о слабом ветре)’. В этом случае мы имеем дело с самым строгим и конкретизированным ограничением.

КО в словарной дефиниции может быть оформлен перечислительным рядом, причем ряд может быть только закрытым, то есть в нем перечислены все возможные элементы. От-

крытый перечислительный ряд, как мы указывали (см. выше), тоже встречается в словарных статьях, но он предназначен для иллюстрации или уточнения какого-либо понятия и является, как справедливо отмечает Т.Е.Недашковская, средством выражения семантической неопределенности лексического значения [Недашковская 1990]. Закрытый перечислительный ряд выполняет ограничительную функцию, так как он очерчивает круг тех членов класса, которые связаны с соответствующим понятием, и отражает типовое представление о денотате. Конечно, в ряде случаев возможно расширение перечислительного ряда, но при этом происходит размытие типового представления. Например: *бросать* ‘быстро, небрежно произносить, обращать к кому-л. (слова, замечания, реплики)’; *процешивать* ‘проговорить быстро, торопливо (о детях и женщинах)’; *грубый* ‘неприятный на слух, резкий (о голосе, смехе)’; *восход* ‘появление над горизонтом (небесного светила, утренней зари)’; *каменка* ‘печь, сложенная из камней, не имеющая трубы наружу (в черной избе, черной бане, в овине)’; *колики* ‘резкие, колющие боли, резь (в боку, животе)’; *голубятник* ‘ловчая хищная птица (ястреб, сокол), выпускаемая на голубей. Перечислительный ряд может быть союзным (с соединительным союзом *и* либо с разделительным союзом *или*) или бессоюзным.

Единично встретилось такое оформление КО, когда второй член перечислительного ряда дан в скобках без всякого союза. Например: *гильза* ‘цилиндрическая трубка с закрытым дном, в которой... верхняя часть приспособлена для закрепления пули (снаряда)’.

Собственно конъюнкция, выражаемая союзом *и*, когда члены соединительного ряда занимают позицию соподчиненных, синтаксически идентичных членов по отношению к общему члену, в словарных дефинициях представлена редко. Это двучленные ряды, в которых союз *и* свидетельствует об исчерпанности описания. Члены ряда, объединенные союзом, называют предметы, признаки, имеющие общие смысловые компоненты. Например: *дикий* ‘не прирученный, живущий на воле в отличие от домашнего (о животных и птицах)’; *дидактический* ‘имеющий характер поучения, наставления (о литературных произведениях и жанрах)’. В первом примере члены ряда связаны привативными отношениями: значение ‘животное’ включается

в значение ‘птица’. Во втором примере существительные *произведения и жанры* объединены смыслом ‘литературные’, который эксплицирован в соответствующем определении.

Гораздо чаще, по нашим материалам, КО представлен перечислительным рядом с разделительным союзом *или*: *колесо ‘круг (со спицами или сплошной), вращающийся на оси и служащий для приведения в движение повозок и др. средств передвижения’; выстукавать ‘исследовать состояние внутренних органов посредством легкого постукивания (пальцами или молоточком) по поверхности тела’*. Иногда один член ряда включается в толкование, а другой член (члены) заключается в скобки. Ср.: *бегб ‘гонки, состязания упряжных рысистых лошадей (или оленей, собак) на скорость’*. Союз *или* является выразителем дизъюнкции и означает несоподчинимость соединяемых им слов в синтагматическом ряду.

В абсолютном большинстве случаев КО представлен бессоюзным перечислительным рядом. Союзные ряды обоих видов могут комбинироваться с бессоюзной связью. Однако в материалах не встретились случаи с союзом *и*, присоединяющем последний член ряда и сигнализирующем об исчерпанности описания. В роли замыкающего слова в словарных дефинициях выступает союз *или*, который в комбинации с бессоюзной связью выражает отношения разделительного перечисления – выбора. Союз *или* в зоне нестрогой дизъюнкции имеет значение “соотнесение двух гипотетических версий” (возможно А – возможно Б), это “идея выбора” [Ляпон 1988].

В двучленных соединительных рядах союз *и* тоже является, хотя и не напрямую, выразителем “идеи выбора”, что подтверждается возможностью мены союза. Ср.: *дикий* – о животных и/или птицах; *дидактический* – о литературных произведениях и/или жанрах. Поэтому вполне закономерно, что в многочленных бессоюзных рядах союз *и* не употребляется, так как он вносил бы собственно соединительную семантику и тем самым как бы перечеркивал альтернативное значение. При подаче материала в виде перечислительного ряда ограничения столь же строги, как и при одночленном КО, но при этом возможность выбора как бы раздвигает указанное ограниченное пространство, охватывая более широкий круг явлений.

Еще один способ оформления КО – предикативная конструкция. Это, как правило, контекстуально-неполные предложения с опущенным подлежащим, восстанавливаемым по слову-идентификатору в дефиниции. Позицию предиката-сказуемого замещает глагол в форме средневозвратного залога (в абсолютном большинстве случаев это глаголы *употребляется, используется*). Например: *камфора* ‘бесцветное кристаллическое вещество с сильным характерным запахом (используется в медицине и технике)’; *газолин* ‘жидкий продукт получаемый из естественного нефтяного газа или путем перегонки нефти (перерабатывается в автомобильный и авиационный бензин)’; *вобла* ‘мелкая промысловая рыба семейства карповых (употребляется в пищу главным образом в копченом и вяленом виде). Реже предикативная конструкция в скобках является собой двусоставное предложение: *бадан* ‘травянистое растение семейства камнеломковых, с красными или белыми цветками (в листьях и корневищах содержатся дубильные вещества)’.

Синонимично такому оформлению КО выступают полупредикативные конструкции, выраженные оборотом со страдательным причастием. Например: *гимнастерка* ‘верхняя рубашка из плотной ткани, обычно с прямым стоячим воротом (принята как военная форменная одежда)’; *готовый* ‘окончательно сделанный; завершенный, законченный в своем изготовлении, производстве (сшитое в мастерской, на фабрике и т.д. и продаваемое в магазине)’; *вызов* ‘требование, просьба (выражаемая аплодисментами, криками) о выходе к зрителям исполнителя или автора’; *гейша* ‘профессиональная танцовщица и певица в Японии, приглашаемая для приема и развлечения гостей (первоначально увеселявшая посетителей в так называемых чайных домиках)’; *гематоген* ‘лекарственный препарат (применяемый при малокровии, истощении).

Предикативные и полупредикативные конструкции выполняют парентетическую функцию – функцию добавочного сообщения по отношению к основной части толкования.

Следует заметить, что скобки, как самый изолирующий, комментаторский знак, подчеркивают самостоятельность заключенного в них фрагмента, дополнительность КО по отношению к основной части семемы. Это, вероятно, может расцениваться как указа-

ние на специфический характер КО и их особое место в структуре семемы.

Довольно часто слова, словосочетания, перечислительные ряды и, реже, предикативные конструкции сопровождаются словарными маркировками, количественными “оговорками”, в роли которых выступают наречия *обычно, большей частью, особенно, иногда, преимущественно, чаще, реже*. Например: *кольцо* ‘предмет (чаще всего из металла), имеющий форму обода’; *веснушки* ‘желтоватые или коричневые пигментные пятнышки на коже (преимущественно лица), особенно заметные весной и летом’; *бушевать* ‘бурно, стремительно проявлять какое-л. движение, силу (преимущественно разрушительную)’; *дыбом* ‘торчком, стоямя (обычно о волосах, шерсти)’; *гуртовой* ‘гуртом покупаемый, продаваемый (обычно о скоте), оптовый’; *ком* ‘кусочек какого-л. вещества, обычно мягкого или рыхлого’; *выстоять* ‘простоять где-л. в течение какого-л., обычно длительного, времени’; *дубрава* ‘лиственный лес, обычно с преобладанием дуба’ и др.

Эти наречия характеризуют КО в том отношении, что последние могут быть обнаружены в соответствующей семеме лишь с известной долей вероятности. Впервые обратил внимание на такие маркеры в толковании Д.Н.Шмелев. Он писал: «В значительном числе случаев лексическое значение слова невозможно охарактеризовать с полной определенностью: некоторый элемент значения не может быть приписан слову безусловно. Такая ситуация достаточно определенно отражена в толковых словарях, где указание на некоторые семантические признаки ряда слов сопровождается своеобразными оговорками: “обычно”, “преимущественно”, “главным образом” и т.п.» [Шмелев 1973: 21].

Несмотря на тот факт, что группа кванторных наречий значительно больше, например, *порой, подчас, зачастую, частенько, изредка, нередко, время от времени* и т.д., словари используют в толковании ограниченный набор лексем – “объективных” и “нейтральных”. Все прочие временные квантификаторы, как справедливо отмечают исследователи [Булыгина, Шмелев 1988; Падучева 1989; Яковлева 1994], имеют модально-оценочный компонент, который определяет особенности их комму-

никативного поведения и, следовательно, делает невозможным их употребление в словаре. Названные наречия сохраняют в дефинициях свое лексическое значение, но при этом играют роль формальных элементов, обозначающих необязательность признака, названного КО: они выделяют самый характерный из возможных вариантов (*обычно* и т.п.) или указывают на избирательность использования какого-либо варианта (*иногда* и т.п..).

Опираясь на семантику наречий, включенных в словарные дефиниции, можно построить шкалу вероятности, которая отражает степень возможности появления признака. *Особенно* = *в особенности* ‘в первую очередь, прежде всего, более всего’. *Преимущественно* ‘главным образом, большей частью’. *Обычно* ‘большой частью, постоянно’. *Чаще* (*частый*) ‘происходящий, повторяющийся через короткие промежутки времени, с небольшими промежутками, как правило’. *Реже* (*редкий*) ‘бывающий, повторяющийся через большие промежутки времени’. *Иногда* ‘время от времени, порой’. Таким образом, получается следующая шкала вероятности:

**ОСОБЕННО – В ОСНОВНОМ – ПРЕИМУЩЕСТВЕННО –
ОБЫЧНО – ЧАСТО/ЧАЩЕ – РЕЖЕ – ИНОГДА**

Ср. соответственно: *артерия* ‘путь сообщения (особенно водный)’; *графика* ‘вид изобразительного искусства, воспроизводящий предметы и явления реального мира при помощи линий и штрихов, в основном в черном и белом цвете’; *табакерка* ‘коробка для табака, преимущественно нюхательного’; *лебеда* ‘травянистое сорное растение с листьями, обычно покрытыми мучнистым налетом’; *буря* ‘ненастье ...часто с дождем или снегом’; *калика* ‘нищий, чаще слепой, собирающий милостыню пением’; *бричка* ‘легкая повозка, иногда с откидным верхом’.

Центральное место на шкале занимает наречие *обычно*. В одну сторону от него находятся слова, указывающие на возрастание степени вероятности, а в другую – слова, свидетельствующие об уменьшении вероятности существования КО. Очевидно, по этой причине “серединности” наречие *обычно* является самым частотным среди всех перечисленных на шкале. По материалам МАС

квалификатор *обычно* использован в 326 дефинициях, *преимущественно* – в 114, *главным образом* – в 43, *большей частью* – в 10, *часто, чаще, чаще всего* – в 29, *иногда* – в 24.

Итак, основной критерий выделения в лексической единице КО – это наличие в словарной дефиниции такого элемента, который указывает на неклассифицирующий характер соответствующего семантического признака и/или ограничение этого признака одним или несколькими вариантами. Элементы, выполняющие в толковании такую функцию, разнообразны, но они в известной степени определяют форму лексикографического описания этой стороны лексической семантики и поэтому обладают статусом формальных лексикографических показателей КО. К таким формальным лексикографическим показателям относятся: скобки, союзы *и, или*, кванторные наречия *обычно, иногда* и под., синтаксические единицы в парентетической функции.

Будучи связанными с планом содержания, КО, представленные в дефиниции формальными лексикографическими показателями, манифестируют особые семантические признаки. Поскольку составляющими элементами семемы являются семы, следовательно, и выделенные нами КО – это манифестаторы сем, которые мы назовем **л и м и т и р у ю щ и м и с е м а м и** (далее – ЛС) в соответствии с выполняемой ими ограничительной функцией.

В работах семасиологов, предлагающих типологии сем, не выделены семы такого типа, хотя встречаются отдельные наблюдения в связи с выделением потенциальных сем [Арнольд 1979; Гак 1977], вероятностных сем [Никитин 1974; Попова, Стернин 1984; Стернин 1985], синтагматических сем [Гак 1972; Васильев 1981], субстанциональных сем [Гайсина 1981]. В исследованиях лингвострановедческого и социолингвистического направлений есть перекликающиеся с нашими замечания, касающиеся фоновых знаний и национально-культурного компонента значения [Алексеева 1987; Верещагин, Костомаров 1980; Воробьев 1997; Воробьев Ю. 1993; 1994; Вучкова 1984; Денисова 1987; Комлев 1966; 1969; Пацева 1991; Пестова 1988; Хмелевский 1989]. Однако авторы всех указанных работ обращают внимание на семантические признаки, которые мы назвали ЛС, лишь попутно, решая собственные исследовательские задачи.

Наша цель заключается в том, чтобы описать ЛС во всем их многообразии, провести их комплексный анализ, определить

природу и место этого компонента в семном пространстве слова, значимость его для носителей языка. Эта задача представляет особую актуальность именно сейчас, когда создается новый академический толковый словарь (НАС). Составители этого словаря – словарный отдел ИЛИ РАН – провозгласили принцип “увеличения семантической емкости” толкования слова, что должно осуществляться следующими путями:

- путем “расширения набора дифференциальных признаков значения, ориентированного на “образ вещи” (ее внешний вид, размеры, форму и цвет...), местоположение в ряду однородных предметов, качество, устройство и др. параметры”;

- путем “повышения функциональности определения в лексике, обозначающей как собственно природные явления, так и продукты человеческой деятельности. Назначение реалии или сфера ее применения должны стать одним из ведущих дифференциальных признаков толкования”;

- путем “подключения ментальных (эстетических, психологических, мировоззренческих, символических) нагрузок в дополнение к толкованиям самых обычных обиходно-бытовых значений. Раньше такие представления были задействованы, как правило, лишь в тех случаях, когда они составляли концептуальное ядро семантических единиц (см. *рука* – символическое обозначение трудовой деятельности, *красный* – красивый, прекрасный или революционный и т.п.)”;

- путем “включения в состав дефиниции сочетаемостных свойств значения слова (прежде такой прием распространялся лишь на фразеологически связанные значения; отныне в сферу его действия должны попасть значения с широкой семантикой, признаковые значения, значения близкозначных слов и некоторые другие типы семантических единиц)” [Корованенко 1995: 60–61].

Приводимые в качестве образцов словарные статьи свидетельствуют о том, что в НАС большое место отводится фиксации КО. Ср.: *аист* ‘крупная перелетная птица наподобие журавля, селящаяся вблизи человеческого жилья (символ семейного благополучия и пополнения семьи потомством)’; *целитель* ‘тот, кто лечит методами и средствами нетрадиционной медицины (о враче или знахаре, костоправе и т.п.)’; *азбука* ‘алфавит, созданный на основе кирилли-

цы (обычно как предмет истории языка или обучения навыкам письма и чтения в младшем или дошкольном возрасте)'; *возлежать* 'лежать полусидя (обычно в свободной непринужденной позе)'; *здоровьишко* 'здоровье (обычно плохое, никуда не годное)' [там же].

Итак, объектом нашего исследования являются КО, а предметом исследования – лимитирующие семы. Материалом для исследования послужили словарные дефиниции, содержащие семантические КО, определяющие обстановочный контекст и логико-предметное содержание слова, которые были извлечены методом сплошной выборки, по возможности исчерпывающе, из МАС, а затем проверены по СОШ и ССРЛЯ – свыше 10 тыс. единиц.

Задачи определяются особенностями предмета исследования:

1. ЛС, не являясь классифицирующими, в отличие от дифференциальных и интегральных сем, предназначены отразить типовые знания среднего носителя языка о специфике прототипических свойств денотатов, о специализации связей и отношений в денотативном пространстве языка и об особенностях бытия денотата. В связи с этим встает вопрос о соотношении лексического значения и мыслительных категорий, в частности понятия и представления, а также о природе ЛС.

2. ЛС – это семантические признаки, ограничивающие частные проявления какого-либо свойства предмета, или номинативную приложимость признака, или ситуативную сферу существования денотата. Такое содержательное многообразие и особая природа ЛС, частично отраженные в различной фиксации ЛС в словаре, потребовали для них нетрадиционных семасиологических классификаций.

3. ЛС – это часть семемы, которая обращена в реальную действительность и определяет место предмета или явления в сфере вещного мира, а также в национальной культуре соответствующей эпохи. Такая особенность ЛС обусловила их исследование в ономазиологическом аспекте, а также их лингвокультурологическую интерпретацию.

Глава I

Лимитирующие семы в контексте семемы: системно-семасиологическая интерпретация

1.1. Предварительные замечания

В истории развития науки закономерен переход от обобщенного представления об объекте к его аналитическому изучению, а затем, на следующем витке спирали, вновь к интеграции. Преобладание какого-то одного подхода к языковому материалу характерно для определенных периодов, хотя границы этих подходов в концепциях и во времени очертить бывает не всегда легко. Подобный путь прошла и лексическая семантика (семасиология) при изучении лексического значения слова, традиционно находящегося в центре внимания этой области языковедения. Значение слова, как ни одна другая категория языка, являлось и является предметом постоянных дискуссий, ареной острой борьбы мнений, научных трактовок. Выяснению подлежит прежде всего онтологический статус лексического значения, а также коммуникативный аспект, учитывающий функционирование слова в языке и речи. В настоящей главе, во-первых, дается систематизация существующих научных взглядов на значение слова, во-вторых, на основе представленного синопсиса точек зрения предлагается авторский подход к обозначенной выше проблеме.

Семасиология начинала свой путь как сугубо историческая лингвистическая дисциплина, ибо историзм в тот период был стержнем, на котором держалось языкознание. Исследователи занимались выявлением различных видов изменения значений и их классификацией. В дальнейшем исторические принципы изучения смысловой стороны языка трансформировались в генетическое направление, в рамках которого определялись факторы, влияющие на становление и развитие значений. К. Рейзиг, определяя предмет семасиологии, отмечал, что им дол-

жно стать изучение закономерностей изменения значений слов [см.: Уфимцева 1986: 25]. На этом этапе развития науки лексическое значение трактовалось обобщенно, как бесструктурное образование. Генетический подход к изучению значения явился фундаментом отражательной концепции, ставшей практически общепринятой в отечественной лингвистике. Отражательная концепция значения сложилась в период доминирования логического и психологического направления в языкознании. В рамках отражательного подхода значение определялось как языковая форма отражения действительности, как интеллектуально-эмоциональная, психическая сущность, и оно приравнивалось к понятию или представлению [см.: Буслаев 1959: 151]. Наиболее известным в этом плане является определение, данное А.И.Смирницким: значение рассматривается как “известное отображение предмета, явления или отношения в сознании (или аналогичное по своему характеру психическое образование, конструированное из отображений отдельных элементов действительности), входящее в структуру слова в качестве так называемой внутренней его стороны, по отношению к которой звучание слова выступает как материальная оболочка” [Смирницкий 1956: 152].

Сходное толкование находим в работе Б.И.Косовского: “Под значением слова следует, по-видимому, понимать исторически образовавшуюся связь между звучанием слова и тем отображением предмета или явления, которое происходит в нашем сознании. <...> С этой точки зрения значение слова, его внутреннюю, содержательную сторону следует рассматривать как известное мыслительное образование, результат абстрагирующей работы мышления” [Косовский 1975: 22–23].

Принципиально отличается от “отражательного”, “субстанционального” понимания так называемый релятивный подход, сторонники которого (Ч.Пирс, Ч.Моррис, Ч.Огден, И.Ричардс, Ч.Фриз и др.) считают, что значение – это релятивная сущность, сложное отношение, объединяющее все те отношения (к предмету, к понятию, к другим языковым знакам, к речевому акту и его участникам), через которые проявляется существование языковых знаков [обзор различных точек зрения на понятие “значение” см.: Ахманова 1957; Васильев 1990; Комлев 1969; Шмелев 1964]. Понимание значения как релятивной сущности уходит корнями в знаковую теорию языка. Подобное понимание привело к выделению разных типов значений: денотативное (отношение знака к денотату, предмету, обозначаемой вещи), сигнификативное (отношение

знака к сигнификату, к понятию, к мысленному образу), прагматическое (отношение знака к ситуации речевого общения и ее участникам), структурное (отношение между знаками). Л.М.Васильев, выступая в защиту субстанциональной природы значения, приводит следующие аргументы: "...любая конкретизация отношения слова к предмету или понятию неизбежно приводит к необходимости формулировать (или, по крайней мере, осмыслить) те признаки предмета, которые лежат в основе этого отношения, а следовательно, и в основе значения как более или менее абстрактной модели, образа предмета" и далее: "знание говорящими чисто реляционных, несодержательных свойств единиц языка (например, знание их отношений друг к другу в составе формальных парадигм и синтагм, их связей с определенными сферами употребления и т.п.) представляет собой своеобразный тип знания языка, коренным образом отличающийся от знания языковых значений" [Васильев 1990: 71-72].

В понимании сущности лексического значения мы придерживаемся субстанциональной точки зрения, т.е. считаем значением определенное отображение предмета, явления или отношения действительности в сознании говорящих.

1.2. Лимитирующие семы в их связи с мыслительными категориями

Психологические и логические трактовки значения определили центральный для теории значения и очень важный для семасиологического анализа вообще вопрос, разрабатываемый в русском языкознании советского периода. Им стал вопрос о связи между значением и понятием как результатом познавательной деятельности. Наряду с этим в лингвистике и смежных гуманитарных науках до сих пор не решен однозначно и вопрос о том, какой категории человеческого мышления соответствует семантика слова.

Процесс отражения действительности состоит из нескольких этапов. Сначала через посредство ощущений и восприятий в нашем сознании возникает представление о каком-либо предмете. Представление является умственным аналогом конкретных реально су-

существующих наблюдаемых (либо мыслимых) единичных предметов. Затем в результате абстрагирующей деятельности человеческого мышления возникают понятия, отражающие общие и существенные признаки предметов. Благодаря понятиям, мышление приобретает характер обобщенного отражения действительности.

“Ощущения, восприятия и представления по своей природе конкретны, непосредственно связаны с вещами, которые отражаются ими. Способность человека к обобщению своего жизненного опыта, приобретенного при помощи ощущений, восприятий и представлений, находит свое выражение в *понятиях* (здесь и далее выделено автором. – О.М.) – одной из важнейших форм человеческого мышления. В них человек закрепляет при помощи слов *общие признаки вещей*, какие он накапливает в процессе своего общения с внешним миром, постоянно подвергаясь его воздействиям и реагируя на них своими действиями” [Булаховский 1954: 17]. В этом замечании Л.А.-Булаховского ценно указание на важнейшую черту понятий – существование их только в форме слов.

Эту же мысль со всей определенностью высказывает Е.К.Войшвилло: “Невозможно расчленение предмета на отдельные свойства и тем более выделение определенной совокупности этих свойств и отвлечение ее от всего другого, не прибегая к языку как средству фиксирования и выделения этих свойств и отношений” [Войшвилло 1967: 111].

Здесь уместно вспомнить философский принцип единства языка и сознания. Э.Б.Маркарян пишет: “Тождество языка и сознания проявляется в тождестве содержания сознания и языка; содержание сознания как отображения объективного мира есть вместе с тем и содержание (семантика) языка” [Маркарян 1987: 31]. Ранее об этом же говорил П.В.Копнин: “...если язык и познание взять в их полном объеме со всеми составляющими элементами, то они по существу тождественны: язык – это реальное познание, а познание в реальности существует как язык. <...> Язык прежде всего – сама реальность познавательной деятельности человека, это само познание с его результатами, которые реально существуют в обществе” [Копнин 1966: 121].

С философских позиций план содержания языка может быть приравнен к тому уровню познания окружающей действительности, который превалирует в данной культурно-языковой общности.

Таким образом, исследователи со всей определенностью признают, что слова неразрывно связаны с понятиями. Данная связь органична и имеет характер взаимообусловленности. Это единство двух явлений, существование которых невозможно вне такой взаимной связи. Содержание слова невозможно без понятия, понятия не могут существовать вне словесной оформленности.

В философской литературе вопрос о соотношении понятия и лексического значения решается однозначно: значение является отражением признаков понятия, однако в лингвистической литературе это не единственная точка зрения на проблему. Можно вспомнить суждение, высказанное еще Аристотелем: “Слова, выраженные звуками, суть символы *представлений* (выделено нами. – О.М.) в душе” [Аристотель 1936: 60]. Е.М. Галкина-Федорук утверждает, что “слово оформляет, формулирует общее представление или понятие как единицу мышления” [Галкина-Федорук 1954: 45]. И.С.Торопцев отмечает: “Идеальная сторона лексических единиц соотносительна с одним из явлений психического ряда: ощущением, восприятием, представлением и понятием” [Торопцев 1975 :17].

Позволим себе уточнить это положение. Во-первых, не все перечисленные явления психического ряда соотносительны с лексическим значением. О подобном соотношении можно говорить лишь применительно к понятию и представлению, так как ощущение и восприятие являются основой последнего. По сравнению с восприятием представление больше обобщено и стоит ближе к понятию: представление абстрагировано от времени и может быть отнесено к настоящему, прошедшему, будущему.

Во-вторых, лексическое значение может быть соотносительно с понятием и представлением в их совокупности либо единственно с понятием, поскольку традиционно за значением слова признается абстрактный характер и в языке существует большое количество слов с сугубо абстрактным значением, но лексическое значение не может соотноситься единственно с представлением – в противном случае слово перестанет выполнять классифицирующую функцию.

Представление есть результат непосредственного воздействия предметов, явлений и их свойств на органы чувств, оно выражается в форме чувственного, наглядно-образного знания. В отличие от этого, понятия, как результат обобщенного и абстрактного мышления, опосредованы по отношению к той объективной действительности, которую они отражают.

Безусловно, представление тоже в известной степени абстрактно. Можно вспомнить по этому поводу замечание О.Мандельштама: “Данность продуктов нашего сознания сближает их с предметами внешнего мира и позволяет рассматривать представления как нечто объективное” [Мандельштам 1987: 66]. Конкретно-чувственное содержание представлений – это, скорее, “память о чувственном”, обобщение этого чувственного опыта. “Являясь формой индивидуального чувственного отражения, представления человека опосредованы языком, наполнены общественным содержанием, осмыслены и осознаны” [ФЭС 1983: 526]. Но степень абстракции в представлении намного ниже, чем степень абстракции в понятии. В представлении существенное, необходимое, общее не отделено от несущественного, случайного, индивидуального. Поэтому, оставаясь на уровне представлений и не поднимаясь до обобщения в форме понятий, язык был бы ограничен в возможностях обеспечения всех коммуникативных актов. Другими словами, представление может отражаться в лексическом значении лишь наряду с понятием..

В литературе неоднократно высказывалась мысль о том, что в значении слова сочетаются абстрактно-понятийные и конкретно-чувственные моменты [см., например, Кацнельсон 1972; Серебренников 1983; Славин 1971; Солганик 1987; Стернин 1979; 1985, хотя целый ряд ученых возражает против этого – см., например: Бархударов 1975; Панфилов 1977; Чикобава 1967]. Однако это положение относилось лишь к конкретно-предметной лексике. Мы считаем, что представление соотносится с лексическим значением и других лексико-грамматических разрядов слов, в том числе и достаточно абстрактных по содержанию, что будет доказываться ниже.

Наличие связи между понятием и значением слова не ставилось под сомнение ни одним исследователем, дискуссионными оставались другие вопросы: как конкретно соотносятся значение и понятие, является ли значение слова не более как понятием, вопло-

щенном в звуках, или же это нечто особое, отличное от понятия, не совпадающее с ним. В разных концепциях понятие и значение слова то разводятся, вплоть до противопоставления, то сближаются, практически до отождествления.

Наиболее признанной является точка зрения, согласно которой значение слова и понятие представляют собой принципиально одно и то же явление, но различаются углом зрения, под которым исследуется данный феномен, и глубиной осмысления последнего.

Понятие обычно рассматривается как итог познания, в котором резюмируется определенная совокупность знаний. В понятиях аккумулируется общественно-историческая практика людей, в них подытоживаются знания, накопленные за известный период. Понятие – то общее, что присуще бесконечному множеству явлений, но это общее не является продуктом субъективного произвола людей. Понятие – это продукт и затем инструмент классифицирующей способности человека. Функция понятия состоит в установлении факта принадлежности некоторого предмета к определенному классу. Так, летучую мышь нельзя отнести к классу птиц, несмотря на то что это существо летает, потому что у нее отсутствуют перья, клюв и она не откладывает яиц. Понятие “летучая мышь” не имеет всех необходимых признаков, которые формируют понятие “птица” [пример взят из: Вежбицкая 1996]. Понятия сопоставляются между собой не только глобально, как целостные категории мышления, но своими составными частями, элементами. Так, *туфли* – род обуви, закрывающей ногу не выше щиколотки. Невысокая обувь (но по щиколотку и выше) на шнурках, пуговицах или молнии – это *ботинки*; обувь с высокими голенищами – это *сапоги*; сапоги, имеющие голенища с высоким раструбом, – это *ботфорты*; сапоги теплые, сваленные из шерсти, – это *валенки*. Как видно, признак ‘высота голенища’ служит для сопоставления понятий, представленных лексемами *туфли*, *ботинки*, *сапоги*. Признак ‘форма голенища’ является различительным для понятий, отраженных в лексемах *сапоги* и *ботфорты*, а признак ‘материал, из которого изготовлен данный предмет’ различает *сапоги* и *валенки*. Таким образом, понятие – это совокупность упорядоченных элементов. Вывод о том, что понятие – это совокупность элементов-признаков, сыграл важную роль для развития теории лексического значения.

В конце прошлого столетия мысль о различии между значением слова и понятием была высказана А.А.Потебней: «Что такое “значение слова”? Очевидно, языкознание, не уклоняясь от достижения своих целей, рассматривает значение слов только до известного предела. Так как говорится о всевозможных вещах, то без упомянутого ограничения языкознание заключало бы в себе, кроме своего неоспоримого содержания, о котором не судит никакая другая наука, еще содержание всех прочих наук. Например, говоря о значении слова *дерево*, мы должны перейти в область ботаники, а по поводу слова *причина* или причинного союза – трактовать о причинности в мире. Но дело в том, что под значением слова вообще разумеются две различные вещи, из коих одну, подлежащую ведению языкознания, назовем ближайшим, другую, составляющую предмет других наук, – дальнейшим значением слова» [Потебня 1958: 7–8]. Развитие этой мысли А.А.Потебни находим во многих современных исследованиях. В частности, В.М.Солнцев пишет, что значение есть “упрощенное понятие”: “Значение в слове есть тот минимум признаков понятия, который делает слово понятным и позволяет ему функционировать в речи. С учетом этих ограничений значение можно определить как категорию однородную с понятием” [Солнцев 1977: 111]. По мнению Л.А.Новикова, «понятие неизмеримо богаче по своему содержанию, чем то, что мы называем значением. В значение слова включаются не все, а только те признаки, которые позволяют нам “опознать” обозначаемый предмет, дают возможность отграничить данное слово от других близких по семантике слов в процессе обычного, обиходного общения» [Новиков 1982: 39]. Современное языкознание утверждает, что “значение стремится к понятию как к своему пределу” [Степанов 1975 :11].

Таким образом, по мысли большинства ученых, понятие и значение связаны партитивными отношениями – как общее и более частное. При таком подходе понятие рассматривается как научный феномен, являющийся достоянием специальных наук, в то время как значение – это сокращенное когнитивное понятие, “наивное понятие о вещи, свойстве, действии, процессе, событии и т.п.” [Апресян 1995: 56] (в другой терминологии – “упрощенное понятие” [Солнцев 1977], “повседневное широкое понятие” [Гор-

ский 1957]), это бытовое знание, то есть то, что человеку необходимо знать о предмете для повседневной практической деятельности. Яркий пример расхождения между наивными и научными понятиями дал еще Л.В.Щерба, считавший, что термины обладают разными значениями в общеизвестном и специальном употреблении: “Прямая определяется в геометрии как ‘кратчайшее расстояние между двумя точками’. Но в литературном языке это, очевидно, не так. Я думаю, что прямой мы называем в быту линию, которая не уклоняется ни вправо, ни влево (а также ни вверх, ни вниз)” [Щерба 1958: 68].

Для разграничения этих явлений С.Д.Кацнельсон вводит оппозицию “формальные и содержательные понятия” [Кацнельсон 1965]. Слово отражает формальное понятие и лишь называет содержательное. Н.И.Кондаков отмечает, что формальное понятие – это по существу дефиниция понятия, перечисление существенных признаков, а содержательное понятие – это понятие как система знаний. И в формальном понятии нет ничего “формального”, оно отражает существенные признаки и относится к содержательному как неполное к полному [Кондаков 1975: 460]. Сходной точки зрения придерживается В.М.Богуславский: “В качестве значения того или иного слова в данном языке используется не все полностью содержание соответствующего понятия, а лишь некоторая его часть, известная всем членам общества” [Богуславский 1957: 244]. Е.М.Верещагин и В.Г.Костомаров разграничивают лексические и терминологические понятия [см.: Верещагин, Костомаров 1980]. Первые – это понятия, соответствующие обыденному уровню отражения действительности, понятия обиходные, свойственные всем членам этнокультурной и языковой общности. В терминологических понятиях объективируется научный уровень отражения действительности, и они далеко не всегда обладают свойством повсеместной распространенности.

Всесторонний анализ проблемы соотношения значения и понятия, “дифференциального и содержательного понятия”, дан И.А.Стерниным [1979]. Сопоставив и обобщив разные взгляды, ученый приходит к аналогичному выводу о том, что дифференциальное понятие полностью входит в содержательное и эти виды понятий не два различных результата отражения, а

два уровня отражения. Значение, реализуемое в языке, является лишь частью более общего понятия. Вместе с тем И.А.Стернин делает шаг вперед и утверждает, что “значение слова есть глобальное, многомерное и объемное понятие в единстве его содержания и объема. Понятие входит в денотацию слова в единстве своих многочисленных признаков – более и менее существенных, основных и латеральных и т.д.” [Стернин 1979: 53].

Обобщая сказанное, еще раз подчеркнем, что большинство лингвистов не отождествляют значение и понятие научное (терминологическое), признавая значение частью этого понятия. И вместе с тем ставят знак равенства между значением и понятием донаучным, бытовым (логическим), включающим общие и наиболее существенные для носителя языка признаки предмета. В семасиологической литературе значение описывается как “высшая ступень отражения действительности в сознании человека, та же ступень, что и понятие”, “значение отражает общие и одновременно существенные признаки предмета, познанные в общественной практике людей” [Степанов 1975: 13].

Проблема соотношения понятия и значения была предметом пристального внимания в работах Э.В.Кузнецовой. Основопологающим положением для нее было то, что логические понятия являются мыслительными коррелятами (аналогами) лексических значений слов. Понятие имеет две основные характеристики – объем и содержание. Лексические значения слов определяются прежде всего содержанием понятия [Кузнецова 1989 :21–23]. Другими словами, в основе значения слова лежит понятие, и поскольку понятие представляет собой конъюнкцию признаков – общих и в совокупности специфических для предметов или явлений некоторого класса, то соответствующие признаки мы обнаруживаем в лексическом значении слова, и именно они, как правило, манифестированы словарной дефиницией.

Для подтверждения этой мысли Э.В.Кузнецова сравнивает понятие и лексическое значение, зафиксированное в словаре (разумеется, речь идет только об обыденном понятии с его общеизвестными признаками): «... понятие “дерево” включает в себя такие признаки, как 1) растение, 2) многолетнее, 3) имеющее ствол и

ветви, 4) покрытое листьями. Сравним определение значения слова *дерево*: ‘многолетнее, крупное или мелкое растение с твердым стволом и ветвями, образующими игловидную или листоносную крону’ (БАС, 3, 712); ‘многолетнее растение с твердым стволом и ветвями, образующими крону’ (МАС, 1, 388)» [Кузнецова 1989: 22].

Безусловно, сходство есть: все признаки понятия коррелируют с признаками лексического значения слова. Однако словарная дефиниция зафиксировала и отсутствующие в понятии признаки: ‘крупное или мелкое (растение)’; ‘игловидная или листоносная (крона)’.

Если принять во внимание названное выше соотношение между понятием и значением, то можно было бы предположить, что дополнительные элементы толкования отражают признаки научного понятия, более глубокого по сути, чем бытовое. Но содержание этих признаков противоречит этому предположению. Признаки *крупное* или *мелкое* являются несущественными, так как *размер* – это не определяющий признак понятия *дерево*. Растение любого размера с твердым стволом и кроной входит в класс деревьев, будь это эвкалипт или секвойя, высота которых достигает 100 м, или карликовые растения, например, широко распространенные в культуре Японии, высота которых не превышает 1 м. Уточняющие определения *игловидная* или *листоносная* вообще являются некорректными с научной точки зрения, так как игловидные – это одна из разновидностей листьев, наряду с шиловидной, щетиновидной, цилиндрической и иными формами. То есть в словарном толковании выделены признаки, не являющиеся существенными и необходимыми для идентификации слова и, следовательно, не входящие в понятие.

Возьмем другие случаи: в содержании понятия *бархат* можно выделить следующие признаки: 1) ткань, 2) имеющая плотный короткий вертикальный ворс на лицевой стороне. Лексическое значение слова *бархат* представлено в толковых словарях следующим образом: ‘ткань (обычно шелковая) с густым мягким ворсом на лицевой стороне’. Как мы видим, лексическое значение, зафиксированное в словаре, “больше” понятия на одну величину – признак *обычно шелковая*. Этот элемент значения не может быть безусловно приписан семеме, потому что названное свойство встречается не у всех представителей данного класса (бархат

бывает и на хлопчатобумажной основе). Следовательно, семантический конкретизатор с вероятностным маркером *обычно* не может быть осознан как обобщенный признак понятия.

В понятие, закрепленное за словом *анаконда*, входят классификационные признаки: 1) змея, 2) семейства удавов, 3) самая крупная. Лексическое значение представлено в словаре таким образом: ‘самая крупная змея семейства удавов (водится в Бразилии и Гвиане)’. Помимо семантических признаков, совпадающих с признаками понятия, в лексическое значение входит КО, очерчивающий место обитания этого пресмыкающегося. Признак *место обитания* не принадлежит понятию, потому что не является классифицирующим, но он, конечно, является важным для носителя языка. Этот признак находит отражение и в энциклопедической статье, но не в семантической части, служащей для раскрытия понятия, а в предметной части, в которой “в деталях раскрывается денотативная область с ее реалиями и отношениями между ними, ставшими базой для образования соответствующего понятия” [Киселевский 1979: 92].

Сопоставление лексических значений, имеющих КО, и соответствующих им понятий также подтверждает наши выводы о том, что лексическое значение отличается от понятия именно ЛС, выраженной этим компонентом. Ср.: *поспеть* ‘стать спелым, созреть (о плодах, злаках)’; *возделывать* ‘выращивать, разводить (растения)’; *запрудить* ‘перегородить запрудой (реку, поток)’ и под. Во всех дефинициях первая часть толкования отражает понятие, а часть, заключенная в скобки, – ЛС, непонятную часть значения.

Не входят в понятную часть значения слова и ЛС, связанные с обстановочным контекстом. Например, семема, манифестированная лексемой *хедер*, включает понятную часть ‘еврейская начальная религиозная школа для мальчиков’ и ЛС – непонятную часть, неклассифицирующий признак ‘в дореволюционной России и в некоторых современных капиталистических странах’.

Приведенные примеры являются лишь малой частью случаев расхождения между понятием (формальным, бытовым) и лексическим значением. Анализ материала показал, что словарные толкования содержат особые фрагменты, отражающие неинвариантные признаки, которые нельзя приписать понятию именно по причине их не-универсальности, ограниченности. Внешние особенности таких фраг-

ментов дефиниций проявляются в способе оформления: это либо перечислительный ряд соединительного или разделительного типа, либо маркеры вероятности *обычно, преимущественно, часто* и под., либо слово или словосочетание в парентетической функции, заключенные в скобки, что еще больше подчеркивает их автономность по отношению к понятийной части дефиниции. Таким образом, выделенные нами ЛС представляют собой непонятийную часть значения слова.

В логической литературе разводятся дедуктивно-логическое и индуктивно-эмпирическое понятия (ср. в работах А.А. Уфимцевой конструктивно-логическое и индуктивно-прагматическое: [Уфимцева 1986]). Дедуктивно-логические понятия строги; признаки, включенные в их содержание, обязательно должны обнаруживаться у всех предметов этого класса. Такие понятия не могут быть модифицированы, они могут быть только принципиально переформулированы. Индуктивно-эмпирические понятия отражают диалектичность природы самих вещей, качества объективного мира: отсутствие резких границ между предметами и явлениями, наличие взаимосвязей и взаимопереходов. Эти понятия возникают в результате индуктивного обобщения и соответствуют особенностям нашего сознания, воспринимающего и общее, и отдельное, конкретное в объективной действительности. Они представляют собой компонент общей структуры знания, сложившегося в человеческом сознании. Это совокупность дополнительных признаков, добытых познающим субъектом в итоге эмпирического использования и соответствующей оценки данной объективной сущности. Наблюдая вещи, познавая их свойства и отношения, человек обнаруживает все новые признаки, поэтому индуктивно-эмпирическое понятие не имеет жестко детерминированной структуры из конечного числа признаков, оно является вероятностной структурой. Те компоненты значения, которые связаны, на наш взгляд, с представлением, как раз и соотносятся с индуктивно-эмпирическим понятием. Именно они обуславливают такое важное качество значения слова, как неопределенность, размытость, и обеспечивают способность слова к отражению бесконечного процесса познания.

В основе лексического значения лежит дедуктивно-логическое понятие, поскольку по самой природе познания и обобщения имеется

потребность в четком формулировании понятия. Для разграничения дедуктивно-логического и индуктивно-эмпирического понятий М.В.Никитин использовал термины интенционал и импликационал. Под импликацией понимается предсказание одними семантическими признаками, входящими в дедуктивно-логическую часть значения, других семантических признаков. Когда такая предопределенность является жесткой, “тогда имплицуемые понятия-признаки опосредованно вовлекаются в содержание значения, составляя часть его информационного потенциала” [Никитин 1974: 34]. Импликационал в лексическом значении совпадает с компонентами-ограничителями, отражающими представление о факте реальной действительности.

Итак, анализ словарного материала и наши выводы противостоят утверждению о том, что понятие и значение находятся в партитивных отношениях. Скорее, наблюдаются отношения эквиполентности, пересечения. Понятие образует основной, необходимый элемент лексического значения, но не исчерпывает собой всего этого значения (ср. замечание Л.М.Васильева: “...значение лишь перекрещивается с понятием, но не совпадает с ним” [Васильев 1981: 18]). Тогда естественно возникает вопрос, с какой категорией мышления соотносятся ЛС, манифестированные в словаре КО? На наш взгляд, эти компоненты отражают наши знания о мире и связаны с представлением о данном предмете, действии, явлении в коллективном языковом сознании. Они отражают конкретные, чувственно осознаваемые, реально присутствующие в сознании типичного представителя языкового коллектива признаки предмета или явления, хотя эти признаки и не являются обязательными для всего класса денотатов. Безусловно, представление любого человека о конкретном предмете, называемом словом, индивидуально, но в этом индивидуальном представлении есть часть, общая для всех говорящих, т.е. и представление в известной степени выполняет функцию обобщения. В индивидуальном сознании слово присутствует не со всеми его признаками, а только с некоторыми, наиболее типичными для соответствующего объекта.

Мысль о том, что в семантике слова существуют некоторые непонятные компоненты смысла, уже высказывалась учеными. Так,

В.М.Богуславский отмечает, что вместе с понятиями и в связи с ними “в словах находят свое закрепление восприятия и представления, которыми в большей или меньшей степени “обрамлена” каждая отвлеченная мысль” [Богуславский 1957: 245–246]. Приоритет в подробном и полном описании этой проблемы принадлежит Е.М.Верещагину и В.Г.Костомарову, которые со всей определенностью заявили, что “семантика слова лексическим понятием не исчерпывается” [Верещагин, Костомаров 1980: 25]. Авторы развивают континентическую, или рационалистическую, теорию языка. Суть концепции сводится к наделению слова кумулятивной функцией. В значении выделяются понятийные семантические доли (СД) и непонятийные СД, или лексический фон. “Лексический фон – это те (взятые вместе) непонятийные СД, которые входят в семему, но не участвуют в опосредованной языком классифицирующей деятельности человека” [там же: 26]. Однако авторы сами признают неудачность подобного определения, где одно неизвестное (лексический фон) определяется через другое (непонятийные семантические доли). Из этого определения остается неясным, какая часть семантики слова представляет понятие, а какая непонятийный компонент. В то же время авторы говорят о возможности объективировать лексический фон, причем разными способами, среди которых главное место, по мнению исследователей, принадлежит работе с информантами (опрос и эксперимент) и изучению лексикографических источников. Но в толковых словарях информацию, относящуюся к лексическому фону, можно извлечь, считают ученые, из иллюстративной части и из показа сочетаемости заголовочного слова, тогда как собственно толковательная часть отражает лишь лексическое понятие.

Однако КО, как мы показали, тоже связаны не с понятием, а с представлением, т.е. принадлежат “лексическому фону”, но располагаются они в зоне семантизации. Следовательно, и в объяснительной части статьи находят отражение непонятийные семантические доли. В количественном отношении число фоновых семантических долей, входящих в семему, значительно больше, чем число понятийных семантических долей. Безусловно, все непонятийные семантические доли не могут быть

семантизированы в дефиниции толкового словаря, и этого не происходит. Из большого числа непонятных долей в словарном толковании фиксируется лишь один-два признака как лимитирующие семы. И, хотя лексический фон выделяется (может выделяться) в каждой семеме, потому что логическое ядро значений всегда обрастает более или менее тесно связанными с ним чувственными образами, не каждая словарная дефиниция включает КО. Естественно возникает вопрос, какие из непонятных долей включаются в словарную дефиницию, т.е. представляют собой ЛС? В своем исследовании мы попытаемся дать ответ на этот вопрос.

Таким образом, развивая проблему соотношения понятия и значения, мы можем сказать, что в лексическом значении слова фиксируется не только понятие – результат обобщенного отражения действительности, но и представление – результат чувственного познания окружающего мира, основанного на коллективном национальном опыте. Такая природа значения находится в полном соответствии с фундаментальным свойством языка – признаком антропоцентризма. Именно генерализованное представление обнаруживает непосредственно человеческий элемент в значении слова. Наличие в лексическом значении результатов двух уровней мыслительного освоения реального мира – логически осознанного и чувственного – находит отражение при объективации лексической семантики в словаре. В словарной дефиниции можно выделить основную часть толкования, в которой представлены общие и существенные признаки реалии, т.е. понятие, и ограничительную часть толкования, семантизирующую прототипические, но неинвариантные признаки, т.е. представление. Вследствие этого можно говорить об особой природе лимитирующих сем по сравнению с другими компонентами лексического значения. По своей природе ЛС являются результатом индуктивного обобщения явлений реального мира и их свойств. Они отражают диалектичность природы самих вещей и представляют собой компонент общей структуры знания, отложившегося в человеческом сознании. Благодаря ЛС и лежащему в его основе представлению, значение слова способно вызывать яркий образ предмета или ситуации и в то же время обеспечивать обобщение.

1.3. Лимитирующие семы на фоне современных теорий значения

Понимание соотношения понятия и значения как общего и частного, трактовка значения как совокупности наиболее существенных и общеизвестных признаков понятия явились следствием структурного подхода к языку вообще и к слову в частности, пришедшего на смену логическому и психологическому направлениям. Возникновение структуральных методов связано со стремлением к более упорядоченному представлению наблюдаемых фактов в духе непротиворечивости, ясности и исчерпанности. Разработка проблемы структуризации лексического значения привела исследователей к выводу о том, что “дискретность является одним из обязательных свойств языкового значения, определяющих системный характер языка” [Васильев 1981: 5].

Идея о лексическом значении как структуре в теоретическом плане была впервые высказана Л.Ельмслевом. Значения могут быть разложены на “фигуры плана содержания”, не имеющие коррелятов в плане выражения [Ельмслев 1960]. Это теоретическое положение явилось основой для создания методики компонентного анализа (перенесенной в лексическую семантику из фонологии, где анализ по дифференциальным признакам проводился в течение десятилетий), благодаря которой через понятие компонент значения была описана семантика многочисленных разрядов слов.

Первоначально анализировались относительно простые и закрытые системы, например термины родства, названия животных, цветообозначения. Позже принципы компонентного анализа были перенесены на более широкие слои лексики. И в настоящее время нет, наверное, ни одной области лексики, которая не была бы исследована с помощью этого метода.

Исследования лексики на основе компонентного анализа очертили круг так называемой дифференциальной семасиологии. Согласно дифференциальному подходу значение слова представляет собой элементарную структуру, т.е. в значение входят лишь некоторые признаки из понятия, необходимые для отграничения одного предмета от другого. Так, Н.Г.Комлев пишет: “Значение содержит лишь минимум различительных черт” [Ком-

лев 1969: 75]. Данный минимум признаков определяется на основе оппозитивного метода (его называют еще принципом Хольта), то есть число семантических компонентов определяется набором противопоставлений, в которых участвует слово. В результате выявившихся различных системных оппозиций создается дифференциальная модель значения слова. Ср. примеры, приводимые Ю.Д.Апресяном: *жеребец* = ‘лошадь + самец’, *кобыла* = ‘лошадь + самка’, *кобель* = ‘собака + самец’, *сука* = ‘собака + самка’, *мужчина* = ‘человек + самец + взрослый’, *женщина* = ‘человек + самка + взрослая’, *мальчик* = ‘человек + самец + незрелый’, *девочка* = ‘человек + самка + незрелая’ и т.д. [Апресян 1995: 7]. Дифференциальная модель лексического значения включает в себя некоторое количество дифференциальных признаков (иначе – семантических компонентов, семантических множителей, маркеров, фигур плана содержания, семантических примитивов, сем), существенных и необходимых для противопоставления одного значения другому. Несмотря на то что анализ такого рода является чисто языковым, без примесей логического, все же семантические компоненты коррелируют с признаками понятия, и это закономерно и вполне объективно – ведь понятие не только выделяет общее, но и расчленяет предметы, их свойства и отношения, классифицируя последние в соответствии с их различиями. Дифференциальный признак, или сема, в понимании лингвистов дифференциального направления, – это элементарный, далее не делимый структурный компонент семемы как дискретной единицы. Д.Н.Шмелев объясняет, что каждый семантический признак “потому и выделяется как существенный для данного значения, что обусловлен определенным парадигматическим противопоставлением слову какого-то другого слова или нескольких слов” [Шмелев 1973: 108]. На примере слова *река* он доказывает, что в лексическое значение этого слова должны войти такие элементы: ‘определенный размер’, ‘определенная форма, обусловленная характером течения воды’ и ‘естественное происхождение’, поскольку по первому признаку слово *река* противостоит словам *речка*, *ручей*; по второму признаку – словам *пролив*, *озеро*, *море*, *океан*; по третьему – словам *канал*, *пруд*, *водохранилище*.

Главный вывод дифференциальной семасиологии можно свести к следующему: основная функция языкового значения – отграничение, а основное содержание этого значения – набор необходимых дифференциальных признаков, взятых из признаков понятия. Вследствие этого компоненты значения, соотносимые не с понятием, а с представлением, в частности лимитирующие семы, отказываются вне поля зрения исследователей.

Преимущественно дифференциальный подход к значению характерен для Ю.Д.Апресяна [1967; 1980; 1994; 1995], А.Вежбицкой [1983; 1996; Wierzbicka 1985], Л.М.Васильева [1971; 1981; 1985; 1990], Л.Ельмслева [1960], А.К.Жолковского и И.А.Мельчука [1967; см. также: Мельчук 1995], Дж.Катца [1981], Л.А.Новикова [1982].

В 60-е годы традиционная теория дифференциальных семантических признаков была существенно дополнена концепцией интегральных признаков [см., например: Найда 1970; Степанов 1977; Толстой 1968; Трубачев 1980; Шмелев 1964], то есть таких семантических компонентов, по которым одно значение не противопоставляется никаким другим значениям в пределах определенного класса (группы). Интегральные признаки, заполняющие лексическое содержание слов, по мнению Ю.С.Степанова, “образуют “единичное”, “индивидуальное” в значениях слов и поэтому не могут быть сопоставлены с элементами означаемых других слов” [Степанов 1977: 269]. О несопоставимых семантических “остатках”, которые сохраняются после вычленения дифференциальных сем, пишет О.Н.Трубачев [1980]. Дж.Катц, Дж.Фодор и П.Постал разграничивают маркеры (синтаксические и семантические) и дистинкторы. Под синтаксическими маркерами понимаются общекатегориальные грамматические значения синтаксических классов слов (существительных, прилагательных, глаголов) и лексико-грамматические значения (например, значения одушевленности, абстрактности у существительных, качественности у прилагательных, переходности у глаголов), под семантическими маркерами – дифференциальные признаки, повторяющиеся в других значениях, а под дистинкторами – тот семантический остаток, который не поддается дальнейшему разложению на составные компоненты и не повторяется в других значениях (интегральный компонент) [Katz, Fodor 1963; Katz, Postal 1964].

Несколько шире понимает интегральные семантические признаки Д.Н.Шмелев. К их числу он относит и все индивидуальные признаки в значениях денотативов, и общие элементы в значениях парадигматически противопоставленных слов. “Устанавливая парадигматические отношения между теми же словами *река, ручей, канал, озеро* и т.д., мы выделяем, естественно, в значениях этих слов не только дифференциальные элементы, но также и то общее, что их объединяет, а именно компонент “водоем”, который <...> должен рассматриваться здесь как нерасчлененный интегральный признак” [Шмелев 1973: 154]. С таким расширенным пониманием значения словосочетания *интегральный признак* трудно согласиться по той причине, что Д.Н.Шмелев, наряду с *дифференциальными* и *интегральными* признаками, выделяет *категориальные* семантические признаки, которые содержатся в общих значениях, неразложимых на дифференциальные признаки из-за преобладания сигнификативной функции слова (у слов типа *вещество, существовать*), и по которым весь словарный состав языка может быть разбит на определенные классы. В соответствии с таким определением логично отнести интегральные элементы в значениях парадигматически противопоставленных слов к числу категориальных, потому что по ним также устанавливаются лексические группировки, хотя и меньшего объема. Употребление термина *интегральный* в оппозиции к *дифференциальный* предполагает их сущностное противопоставление, и поэтому точнее, на наш взгляд, в данном случае будет дихотомия *дифференциальный – недифференциальный*.

Более распространенным является противопоставление *дифференциальный – интегральный* (интегративный [Бережан 1988]) с учетом функциональных особенностей этих признаков: дифференциальные признаки служат для разграничения значений, а интегральные – для их объединения. Именно такое содержание мы признаем за дихотомией *дифференциальный – интегральный*.

Интегральные и дифференциальные семы как существенные компоненты значений соответствуют признакам, формирующим понятие о данном предмете. Эти признаки фиксируются в основной части словарных толкований номинативных единиц. По сути дифференциальные признаки выполняют метаязыковую функцию описания

значения слова, но в лингвистике не существует единого мнения об их количестве и списочном составе, хотя признается бесспорным факт, что число этих признаков невелико.

При дифференциальном подходе к значению исследователи выделяют семантические компоненты элементарного типа (семы, семантические примитивы, семантические множители, элементарные значимости), одной степени сложности. Позднее в исследованиях структурного направления сложился иерархический подход к значению, сторонники которого исходят из признания неоднородности лексического значения и членят его сначала на крупные блоки – макрокомпоненты, а затем выделяют в составе этих блоков микрокомпоненты [Арнольд 1970; 1973; Гинзбург 1978; Стернин 1979; 1985 и др.].

Макрокомпоненты – это крупные семантические блоки, которые определяют основную специфику семантики слова. Число макрокомпонентов неодинаково в разных концепциях. По мнению И.А.Стернина, в семеме входят как обязательные денотативный, коннотативный, функционально-стилистический, грамматический, фоносемантический макрокомпоненты и факультативно – эмпирический макрокомпонент [Стернин 1985: 42–43]. Л.М.Васильев выделяет в структуре значения денотативный, или эмпирический, сигнификативный, или рациональный, и коннотативный макрокомпоненты или аспекты [см.: Васильев 1985: 39]. В отличие от Л.М.Васильева, И.А.Стернин разграничивает макрокомпонентное и аспектное направления в изучении лексического значения. Аспекты, по мнению ученого (в другой терминологии – стороны, слои, параметры, типы информации, конституирующие факторы лексического значения), отражают разные стороны значения, различные проявления значения в системе языка или в речи. Они представляют собой “результат осмысления всего значения в целом с какой-либо его стороны” [Стернин 1985: 41]. Выделяются самые различные аспекты – сигнификативный, денотативный, лексический, грамматический, коннотативный, эмоциональный, оценочный, прагматический, структурный, синтагматический, сочетаемостный, культурно-исторический, идеологический, социальный, лингвострановедческий, фоновый и др.[см., например: Комлев 1969; Косовский 1974; 1975;

Плотников 1981; 1984; Селиверстова 1968; 1975].

Нам кажется неправомерным разграничивать эти направления, так как аспект значения, или определенный взгляд на значение, – это основа, та площадка, стоя на которой мы можем вычленить тот или иной компонент значения. И.А.Стернин отмечает, что для аспектного подхода характерно неразличение понятий *аспект значения* и *компонент значения*. С этим можно согласиться лишь до определенного предела, ибо слово *аспект* означает не только ракурс изучения, но и результат этого изучения и в последнем смысле совпадает с понятием *компонент значения*.

Этот вывод объясняет, на наш взгляд, совпадение компонентов, выделяемых в рамках разных направлений (макрокомпонентного и аспектного). Несмотря на различия в типологии макрокомпонентов значения, все ученые признают облигаторными составляющими грамматический и денотативный компоненты. Однако объем и сущность денотативного макрокомпонента определяются по-разному. В литературе по семиотике, начиная с классической работы Г.Фреге о значении и смысле, семантику знака принято рассматривать на двух уровнях – денотативном (референционном) и сигнификативном. Денотатом знака называется класс обозначаемых им фактов, а сигнификатом – общие признаки всех фактов этого класса.

Большинство исследователей лексической семантики также противопоставляют денотативный компонент сигнификативному. Ю.С.Степанов еще в работе 1964 г. обращал внимание на теоретическую возможность двух различных определений значения слова – по денотату и по сигнификату [Степанов 1964]. Позднее противопоставление денотативного/сигнификативного приобрело системный характер [см.: Караулов 1976; Комлев 1969; Уфимцева 1974; Шмелев 1964; 1973]. Наличие этих компонентов в значении слова вытекает из выполняемых им функций. Будучи знаком, слово выполняет репрезентативную функцию, т.е. обладает способностью “обобщенного и опосредованного представления окружающего и внутреннего мира человека” [Уфимцева 1986: 87]. В то же время слово обладает номинативной функцией – обозначения фактов и явлений объективной действительности. Эти функции представляют собой две стороны одного и того же явле-

ния – отражения реальной действительности с помощью знаков. Следствием этого является предметная и понятийная отнесенность слова. Поэтому описать знаковое значение слова можно через понятие денотативного и сигнификативного компонентов. Денотативный означает связанный с предметным рядом, с миром реальных явлений; это представление о данном предмете, возникающее в сознании. Сигнификативный имплицитует понятийный признак, мыслительный аналог класса однородных явлений; это понятие о предмете, признаке, ситуации со всеми существенными свойствами.

Теоретически четкое и строгое противопоставление вызывает тем не менее затруднение в практическом разграничении названных макрокомпонентов, особенно в конкретных именах существительных. Любопытный пример взаимосвязи и различия денотативного и сигнификативного компонентов приводит Л.Е.Кругликова: «Прочитав в словаре, что дикобраз – “млекопитающее отряда грызунов, спина и бока которого покрыты длинными, крепкими иглами”, но ни разу не видя данное животное, мы еще не знаем полностью значения данного слова. И наоборот: познакомившись с каким-то словом путем созерцания называемого им предмета, мы не можем с полной достоверностью сказать, что знаем значение этого слова, ибо какие-то случайные признаки можем воспринять как существенные, если не познакомимся с другими предметами этого класса» [Кругликова 1988: 9]. В первом случае мы знаем лишь понятие о животном (сигнификативный компонент значения), но не имеем представления о нем. В нашем сознании может возникнуть мысленный образ этого животного, но он будет придуманным, вымышленным и вряд ли (или только в самых общих чертах) похожим на настоящего дикобраза – мы не владем денотативным компонентом значения. Во втором случае у нас есть представление о конкретном предмете (денотативный компонент значения), но не произошел переход от чувственной ступени познания к абстрактному мышлению, к обобщению, не сформировано понятие об этом предмете, т.е. нам неизвестен сигнификативный компонент значения.

Другую иллюстрацию соотношения денотативной и сигнификативной частей значения приводит Ю.С.Степанов. Это иллюстрация

с помощью схемы семантического треугольника (треугольник Огдена — Ричардса). “От фонетического слова (например, рус. *петух*) одна связь идет через сознание к предмету внешнего мира (реальным петухам, обобщенным в класс “петух”), другая связь – к понятию о петухе. Класс петухов – это денотат, понятие о петухе – это сигнификат” [Степанов 1981: 50]. Вывод, следующий из этой иллюстрации, свидетельствует, что в значениях конкретных имен существительных денотат – это объем понятия, а сигнификат – это содержание понятия. Так же рассматривает денотат и сигнификат А.А.Уфимцева [см.: Уфимцева 1986].

Э.В.Кузнецова выделяет в качестве компонента лексического значения лишь сигнификат (десигнат) – мыслительный аналог класса однородных явлений (денотата), называемых словом. Денотат, по мнению ученого, – это “явления реальной действительности, подлежащие именованию”, причем «денотатами слова могут быть не только объекты, доступные нашему непосредственному восприятию (предметы типа дом, дорога, книга и т.п.; качества типа красный, твердый, узкий; действия типа бежать, кричать, бросать и т.п.), но и так называемые “идеальные предметы” – отвлеченные понятия определенной степени абстракции (например, труд, цель, защита, мир; общий, будущий, ценный; победить, приобрести, соответствовать)» [Кузнецова 1989: 18–19]. Иначе говоря, для Э.В.-Кузнецовой денотат существует в реальном или мыслимом мире и ждет своего слова, т.е. выступает как стимул, причина возникновения языкового знака-слова, а сигнификат – это компонент содержательной стороны языкового знака, отражающий денотат. Денотат и сигнификат, безусловно, взаимосвязаны, но находятся в разных плоскостях. Сигнификативный компонент в концепции исследователя оказывается двойственным: соединяет обобщенное и наглядно-образное, чувственное отражение предмета, совмещает две формы мышления – понятие и представление.

Своеобразное понимание денотативного компонента находим у И.А.Стернина: “Под денотативным компонентом значения понимается часть значения, отражающая в обобщенной форме предметы и явления внеязыковой действительности. Денота-

тивный компонент имеет в своей основе понятие, которое характеризует внеязыковой объект; отнесенность к предмету внеязыкового характера – основная черта денотативного компонента значения” [Стернин 1979: 32]. Как видно из приведенного высказывания, денотативный компонент фактически совпадает с общим пониманием сигнификата. Признавая, что в значениях слов конкретной семантики может отражаться обобщенное представление о предмете, исследователь выделяет в семантике этих слов эмпирический компонент, который по сути соответствует общепринятому пониманию денотативного компонента.

Итак, если исключить весь терминологический разнобой, можно видеть, что большинство исследователей разграничивают в структуре лексического значения такие макрокомпоненты: денотативный (эмпирический), связанный с миром вещей, и сигнификативный (рациональный, или концепт, понятийное содержание), соотносимый с миром понятий.

Любопытным представляется такое наблюдение. Для подтверждения наличия денотативного компонента в лексическом значении все без исключения лингвисты приводят примеры слов с конкретным значением: идентифицирующих имен существительных; глаголов, обозначающих физическое или звукоподражательное действие; имен прилагательных, называющих физические свойства – размер, консистенцию, объем. А в качестве примеров, свидетельствующих о сигнификативном компоненте, – абстрактные существительные, глаголы и прилагательные с отвлеченной семантикой. Это, конечно, справедливо, поскольку читатель может отчетливо представить сущность каждого из компонентов, но закономерно возникает ряд вопросов: означает ли такой подбор, что слова делятся на денотативные и сигнификативные; присутствует ли в значениях слов первой группы сигнификативный компонент и, наоборот, в словах второй группы – денотативный?

На первый вопрос ученые отвечают по-разному. Ю.С.Степанов, двигаясь в направлении от синтаксиса к словарю, утверждает, что “в словаре любого языка, на основе внутренних семантических связей словаря, слова естественным образом соединяются в две группировки различного характера: 1) денотатив-

ную лексику, тяготеющую к обозначению предметов внешнего мира, денотатов, и 2) сигнификативную лексику, тяготеющую к обозначению понятий, сигнификатов” [Степанов 1981: 59]. С этим положением можно согласиться только применительно к синтаксису для объяснения различий между словами, предназначенными для выполнения функций субъекта либо предиката высказывания. С точки зрения лексикологии вряд ли справедливо делить словарь на такие типы лексем. Относительность этого деления и его зависимость от синтаксической системы отмечает и сам исследователь: эти группировки “являются не абсолютными, а относительными и подвижными” [там же: 51].

Иного взгляда придерживается А.А.Уфимцева, трактующая проблему с позиций лексикологии, от слова как знака, как единицы лексико-семантической системы. По ее мнению, нельзя взаимоисключаяще противопоставлять слова с денотативным и сигнификативным компонентами. “Денотативный и сигнификативный компоненты знакового значения представляют собой лишь разные, но взаимозависимые и взаимосвязанные в единое диалектическое целое уровни освоения предметной сферы, они взаимопроникают как чувственное и логически осознанное, как представление и понятие, формирующие единую идеальную сущность” [Уфимцева 1986: 109]. Следовательно, классы слов могут выделяться не по наличию в них того или другого компонента, а по характеру соотносительности этих компонентов в семантике слова. На этом основании А.А.Уфимцева распределяет лексику по семиологическим классам, не совпадающим ни с частями речи, ни с лексико-семантическими группами. Не углубляясь в названную типологию, укажем, что нарицательные существительные, глаголы, прилагательные, наречия объединены в один класс характеризующих знаков, противопоставленных собственным именам существительным (индивидуализирующим знакам) и числительным (квантитативным знакам). Характеризующие знаки являются основным когнитивным звеном в словарном составе любого языка. В их значениях имеются и денотативные, и сигнификативные компоненты. Внутри класса характеризующих знаков выделены семиологические подклассы предметных имен, в которых превалиру-

ет денотативный компонент, и признаковых имен, основу которых составляет сигнификативный компонент.

Реальная действительность, являющаяся объектом познания и отражения в семантике языка, представляет собой единство материи, существующей в пространстве и времени в виде природной и социальной среды, и человека, который взаимодействует с этой средой, в частности, посредством его уникальной способности к мыслительному отражению мира. Одним из главных законов действительности является ее системный характер: она есть сложное переплетение всякого рода субстанций, связанных между собой отношениями, типы которых также бесконечно разнообразны. И поскольку отношения – один из обязательных моментов всеобщей взаимосвязи предметов и явлений, причем именно через отношения друг с другом проявляется реальная природа предметов, постольку отношения признаются не менее реальными, чем сами предметы и явления. И сами предметы (субстанции), и их взаимоотношения находят отражение в языке. Универсальными, “основными” [Пешковский 1956: 102] частями речи, покрывающими своей семантикой две главные мыслительные категории – “субстанцию” и “признак”, являются имена существительные, с одной, и глаголы и прилагательные, с другой стороны, противопоставленные друг другу во многих аспектах. Одно из оснований для их противопоставления кроется в том, что существительные служат, главным образом, для обозначения субстанциональных (предметных) значений, т.е. являются предметными именами, а глаголы и прилагательные – для обозначения форм их взаимодействия, отношений между ними, т.е. являются признаковыми именами. Об этом же писал С.Д.Кацнельсон: “Основными категориальными признаками лексических значений являются категории предметности и призначности” [Кацнельсон 1972: 136].

Наличие двух классов имен – признаковых и предметных – впервые было четко определено в работах Н.Д.Арутюновой [Арутюнова 1973; 1976; 1980] и теперь стало общепризнанным. Эти классы имен отражают два доминирующих в окружающей нас действительности феномена, две самые обширные мыслительные категории – предмет (сюда включается все, что имеет субстанциональное

бытие, связано с понятием *сущность*) и признак (охватывает понятия *свойство, качество, отношение, состояние, действие*). Предметные имена отображают классы реально существующих объектов, естественно и искусственно созданных человеком. Признаковые имена характеризуют мир понятий – внутренний мир человека, его отношение к окружающему миру. Предмет и признак определяют “поляризацию двух типов значений, первое из которых определяется отношением к миру, а второе – к человеческому мышлению о мире” [Арутюнова 1980: 172]. Эти различные классы имен можно определить как предметный и понятийный континуум, мир физический, предметный, и мир непредметных сущностей.

Между тем мыслительное расчленение объектов действительности не приводит к разрыву органического единства предметов и их отношений ни в сознании, ни в языке. В языке, в частности, имена существительные, а также глаголы и прилагательные, несмотря на их фундаментальные различия, находятся в постоянном взаимодействии, одним из проявлений которого можно считать их семантическую и морфосемантическую соотнесенность. В семантике глагола могут присутствовать предметные семы, ср.: *варить* ‘приготавливать пищу, питье кипячением’; *гадать* ‘раскладывая карты, предсказывать будущее’; *вянуть* ‘лишаться свежести (о растениях)’. С другой стороны, в семантике существительных могут присутствовать глагольные (шире – признаковые) семы: *хвост* ‘придаток (обычно подвижный) на заднем конце тела животного’; *кодеин* ‘белый кристаллический порошок (употребляется как средство от кашля)’; *ватага* ‘большая, обычно шумная группа, толпа людей’. Таким образом, с позиций семасиологии нельзя однозначно разделить слова на группы с денотативным или с сигнификативным значением, можно выделить группы лишь по доминирующему положению того или иного компонента.

В таком случае требует ответа второй вопрос: какими признаками представлены сигнификативный и денотативный компоненты в предметных и признаковых именах? Процесс познания действительности как сложного единства взаимосвязанных субстанций предполагает аналитическое расчленение этого единства с помощью понятий об отдельных типах предметов, явлений, признаков, отношений. Эти понятия, отраженные в

содержании слов, оформленных в виде отдельных лексических единиц, придают данным единицам качество семантической дискретности, самостоятельности. При этом на первый план в них выдвигается то, что выявляет их специфику, уникальность, а признаки их связанности с другими субстанциями, их зависимости от других субстанций как бы затушевываются, имплицитируются. Поэтому и принято говорить применительно к конкретным именам (предметным) о денотативном, а в отношении абстрактных (признаковых) имен о сигнификативном компоненте. Однако если сигнификативный компонент связан с понятием, а денотативный – с миром вещей, т.е. с представлением, и при этом любое лексическое значение, как мы показали, может отражать и понятие, и представление, то логично выделять в любой семеме и сигнификативный, и денотативный компоненты. Важно только обнаружить, каким образом каждый из этих компонентов лексикографируется.

В конкретных именах денотативный и сигнификативный компоненты представляют собой разные, но диалектически взаимосвязанные уровни освоения предметной сферы. Они взаимопроникают как чувственное и логически осознанное. Денотатом конкретных имен является объем соответствующего класса предметов, и он неотделим от сигнификата, поскольку связан с высшей категорией мышления – понятием. Тогда как ЛС логико-предметного содержания в чистом виде являют собой денотативные признаки, поскольку отражают результаты другой мыслительной категории – представления. Вследствие этого мы выделяем в значениях конкретных существительных денотативно-сигнификативный компонент, служащий отражением понятия, и собственно денотативный – это компонент-ограничитель. Так, например, лексема *мотыль* определяется в словаре как ‘личинка комара-дергуна, живущая в иле (используется как приманка при ловле рыбы на удочку и как корм для рыб в аквариумах)’. Денотативно-сигнификативный компонент значения представлен такими семами: ‘личинка’, ‘относящаяся к группе комаров-дергунов’, ‘живущая в воде’. Денотативный компонент семемы включает ЛС ‘используется как приманка при ловле рыбы на удочку и как корм для рыб в аквариумах’. В семантике слова *вестибюль* выделяется денотативно-сигнификативный компо-

нент, состоящий из признаков: ‘помещение’, ‘переднее’, ‘при парадном входе в здание’, – а также собственно денотативный компонент, т.е. ЛС, ‘преимущественно общественное (здание)’. *Веер* ‘небольшое ручное опахало, в развернутом виде имеющее форму полукруга’ – денотативно-сигнификативный компонент, ‘обычно складное’ – собственно денотативный компонент. *Буря* ‘сильный зимний ветер, поднимающий массу сухого снега’ – денотативно-сигнификативный компонент, ‘обычно в степи, на открытых местах’ – ЛС, собственно денотативный компонент.

Признаковые имена имеют иную природу по сравнению с предметными. Своеобразие их значения заключается в том, что с их помощью в языке отражаются понятия о координации материальных объектов [Гак 1973: 359]. Еще А.А.Шахматов определял глагол как такую часть речи, которая соответствует “представлению о действии и состоянии, мыслимом в зависимости от представления о субстанции” [Шахматов 1927: 10]. Иначе говоря, семантика глаголов и прилагательных релятивна по своей природе. Обозначая свойства, отношения вещей, они обладают сигнификативным характером значения. Такое значение гомогенно, недескриптивно, выражает, по словам А.А.Уфимцевой, “незаконченное понятие” [Уфимцева 1980].

Поскольку в основе семантики этих имен лежит понятие признака, имплицитующего по логике вещей определенную субстанцию, предмет, которому он может быть приписан, постольку в структуре их значения выделяется не только номинативная ценность, но и свернутая модель логических отношений двух понятий – предмета и признака. Другими словами, в значении признаковых имен можно выделить две части: одни семантические признаки представляют понятийную часть, сигнификативный компонент, отражающий ситуацию или признак какого-либо субъекта. Другие дают представление об отдельных значимых элементах ситуации, это и есть ЛС логико-предметного содержания – собственно денотативный компонент в структуре семемы признакового имени. Например: *облетать* ‘испытать в пробном полете (самолет, дирижабль)’; *взмутить* ‘взбалтывая, сделать мутным (воду, жидкость)’; *науськать* ‘натравить (собаку)’; *подскакать* ‘приблизиться вскачь к кому-, чему-л. (о ло-

шади, а также о всаднике)'; *жужжать* 'производить однообразно дребезжащий звук крыльями при полете (о насекомых)'; *печься* 'приготовляться для еды сухим нагреванием на жару (о пище)'. В приведенных примерах выделенные скобками слова являются формальными лексикографическими показателями ЛС и отражением денотативного компонента.

Еще одно подтверждение нашего положения о том, что ЛС логико-предметного содержания в признаковых именах представляют денотативный компонент семемы, можно обнаружить при анализе лексико-семантических вариантов многозначного слова: *журчать* 'производить монотонный звук (о текущей воде)' и 'звучать тихо, монотонно (о речи, разговоре)'; *жухнуть* 'утрачивать яркость, тускнеть (о красках, тонах)' и 'утрачивать свежесть (о траве, листьях)'; *затмиться* 'померкнуть (об источниках света, небесных светилах)' и 'помрачиться (о сознании)'; *зацвести* 'покрыться зеленью (о стоячей воде)' и 'покрыться пятнами (о стекле)'; *костенеть* 'холодея, становиться твердым (о трупе)' и 'терять чувствительность, подвижность от холода (о человеке, о частях тела)'; *наморщиться* 'покрыться морщинами (о коже лба, носа)' и 'покрыться легкими волнами, рябью (о водной поверхности)'; *шелушиться* 'отделяться маленькими тонкими пленками (о коже)' и 'лишаться верхнего тонкого слоя кожи (о лице или частях тела)', а также 'отделяться постепенно небольшими пленками, слоями (о краске, лаке)'; *дальний* 'находящийся, живущий вдалеке (о человеке)' и 'доносящийся издали (о звуках)'. В приведенных примерах и во многих им подобных сигнификативный компонент совпадает в разных лексико-семантических вариантах, но последние различаются по предметной отнесенности слова, по ЛС, т.е. по денотату. Ср. аналогичное утверждение, хотя и высказанное по другому поводу: "значение слова по денотату, денотативное значение, может быть различным, а совокупность признаков понятия, относящихся к этим двум разным случаям одного слова, – одной и той же, значение по сигнификату, сигнификативное, может при этом оставаться единым" [Языковая номинация 1977: 315].

Итак, мы приходим к выводу о том, что в словарной дефиниции основная часть толкования, отражающая понятие, репрезентирует сигнификативный компонент, а ЛС логико-предметного содержания, отражающая результаты представления, – денотативный компонент

лексического значения. ЛС – это такой пучок информации, принадлежащий значению номинативных единиц, который содержит в себе денотативный “диктум” значения, сообщение о мире. Наше понимание “денотативного компонента” в определенной мере отличается от общепринятого тем, что мы включаем в это понятие те типовые признаки объекта, которые отражают усредненное представление о нем языкового коллектива. Это экстралингвистические сведения об объекте и его свойствах, без знания которых невозможно осуществить правильный выбор языковых единиц или выбор правильной операции с языковой единицей. ЛС предопределяют возможность выбора, ограничивая его в большей или меньшей степени. Учитывая обращенность ЛС логико-предметного содержания в реальный мир (мир денотатов), но избегая нежелательного отождествления с общепринятым понятием “денотат”, мы обозначим макрокомпонент, представленный ЛС, как денотативно-ограничительный.

Одним из макрокомпонентов лексического значения, признаваемым абсолютным большинством лингвистов, является коннотативный компонент. Понятие *коннотация* – одно из наиболее диффузных в лингвистике, оно трактуется неоднозначно как по объему признаков, так и по их характеру [об истории изучения коннотации см., например: Говердовский 1979; Телия 1986; Шаховский 1983]. В общем виде можно выделить узкое и широкое понимание коннотации. Большее распространение получила первая точка зрения, согласно которой коннотативный компонент – это семантика антропометрического отношения к действительности. Это факультативная часть значения, вбирающая в себя информацию эмоционального, экспрессивного, оценочного и стилистического (последнее принимается не всеми учеными) планов [см.: Азнаурова 1973; Арнольд 1966; 1970; Варина 1967; Кругликова 1988; Лукьянова 1976; 1986; Матвеева 1986; Мелерович 1982; Славе 1976; Стернин 1985; Телия 1977; 1981; 1986; Шаховский 1983 и др.].

Взгляд на коннотацию как явление более широкого плана возник значительно позднее, когда лексическое значение перестали рассматривать только как структуру из минимального числа элементарных признаков. При широком понимании коннотация трактуется не с точки зрения аксиологии, а в каче-

стве психологической категории – это ассоциации и представления [Комлев 1969; Говердовский 1979; 1989; Апресян 1995; Роль человеческого фактора 1988]. Так, Ю.Д. Апресян считает коннотацией “те элементы прагматики, которые отражают связанные со словом культурные представления и традиции, господствующую в данном обществе практику использования соответствующей вещи и многие другие внеязыковые факторы” [Апресян 1995: 67–68]. Н.Г.Комлев рассматривает коннотации как индивидуальные, субъективные моменты (ср. его замечание: “Но у разных людей (или социальных групп) складывается неодинаковое отношение к словам” [Комлев 1992: 51]) и выделяет шесть видов со-значений: изобразительное (представление), эмоционально-чувственное, культурно-цивилизованное, тематическое (семантическое поле), информативное (уровень знания) и мировоззренческое [там же: 52]. Исследования В.И.Говердовского базируются на взглядах Н.Г.Комлева. В ранних работах он выделял пять типов коннотации: эмоционально-оценочный, тематический, контекстный, историко-языковой, историко-культурный [см.: Говердовский 1977]. В более поздних работах ученый отказывается от выделения тематического и контекстного типов, сохраняя следующие: эмоционально-оценочный (коннотации ироничности, мелиоративности, пейоративности), стилистический (коннотации жаргонизма, разговорности, книжности, терминологичности), историко-языковой (коннотации диалектизма, заимствования, этимологичности), историко-культурный (коннотации идеологичности, архаичности и культуры [см.: Говердовский 1989]).

Широкое понимание коннотации имеет много уязвимых мест и прежде всего то, что абсолютно размываются границы известного термина. Мы придерживаемся узкого толкования коннотации, считая, что коннотативный компонент лексического значения выражает отношение субъекта речи к обозначаемому. Это отношение может включать в себя эмотивно-оценочную модальность и экспрессивность. Эмоционально-оценочный тип отличается от всех прочих тем, что в основе его лежит отношение (к денотату, знаку, речевому акту и его участникам), а в основе других типов – представление. Н.А.Лукиянова и М.И.Черемисина считают, что в основе экспрессивов тоже лежит представление, но они

очень убедительно разграничивают представление-десигнат и представление-образ, а последний как раз “имеет цель выражения эмоционального отношения к предмету речи и характеристики лица, предмета и т.п., обозначаемого данным словом” [Лукиянова, Черемисина 1986: 70]. Кроме того, “коннотаты, входящие в эмоционально-оценочный тип, в основном не имеют признака всеобщности, а варьируют от индивида к индивиду”, тогда как “коннотации всех других типов нередко общи для больших групп людей или для абсолютного большинства говорящих” [Говердовский 1989: 83].

Все другие выделяемые исследователями типы, на наш взгляд, нельзя причислять к коннотации. Так, совершенно очевидно, что тематический и контекстный типы представляют собой структурный компонент значения, значимость [Соссюр 1977; Васильев 1990], указывающую на место каждого значения в системе языка, в той или иной парадигме: словообразовательном гнезде, синонимической группе, семантическом поле и т.д. Уровень знания и мировоззрение нельзя, по нашему мнению, рассматривать как со-значения, потому что, во-первых, они индивидуальны, определены уровнем образования, возрастом, профессией и т.п.; а во-вторых, они лишь обуславливают появление тех или иных коннотаций. Стилистический и историко-языковой типы коннотации передают информацию о языковых факторах, связанных со словом как языковым знаком. А историко-культурный тип – это информация о внешнем мире, о самом явлении, обозначенном языковой единицей. Как видно, названные типы охватывают совершенно разные свойства языковых единиц, которые весьма условно и с большой натяжкой можно объединить общим понятием *коннотация*. Вместе с тем нужно признать, что эти со-значения объективно существуют и представляют не индивидуальное, а в значительной степени коллективное, социальное явление.

Такое широкое понимание коннотации совпадает с прагматикой лексического значения, как ее определял еще В.А.Звегинцев: “Под прагматикой следует понимать исторические, культурные, социальные условия и всю совокупность человеческих знаний и верований, в среде которых происходит деятельность языка и которые оказывают влияние на использование языка и на отношение к нему” [Звегинцев 1973: 8]. Также все культурные, психологические и эмотивные наслоения, наряду с

некоторыми другими, включают в прагматический компонент значения современные лексикологи и лексикографы, в частности Г.А.Скляревская [см.: Скляревская 1996]. Мы поддерживаем эту точку зрения и признаем наличие в лексическом значении прагматического компонента, составной частью которого является коннотация, а также стилистическая и историко-языковая информация. Что касается историко-культурной информации, то ей должно быть отведено иное место. Этот тип информации в известной мере совпадает с ЛС обстановочного контекста. Как уже было сказано, он отражает представления о самом денотате (в том числе о денотате-ситуации), а не о языковой единице в каком-либо из ее аспектов. В основе этого представления лежит экстралингвистическая данность, поэтому мы выводим историко-культурный тип за рамки прагматического компонента значения. В отличие от коннотативного макрокомпонента (в общепринятом его понимании), ЛС обстановочного контекста принадлежат не к субъективному, а к объективному фактору [см.: Колшанский 1975], то есть связаны с существующей вне человека реальностью, а не с отношением субъекта речи к обозначаемому и условиям речи.

ЛС обстановочного контекста, составной частью которой является историко-культурный тип информации, сходен по природе с ЛС логико-предметного содержания – это есть результат непосредственного представления об объектах, явлениях, действиях и состояниях реального мира. Следовательно, ЛС обстановочного контекста тоже входит в денотативно-ограничительный макрокомпонент.

Таким образом, опираясь на исследования лингвистов и анализ собственного материала, мы признаем структурными частями лексического значения следующие макрокомпоненты: д е н о т а т и в н о - с и г н и ф и к а т и в н ы й или сигнификативный (отражающий понятие), п р а г м а т и ч е с к и й (отражающий отношение говорящего к действительности) и д е н о т а т и в н о - о г р а н и ч и т е л ь н ы й (отражающий типовое представление об объекте действительности). В отличие от трех первых разновидностей, денотативно-ограничительный макрокомпонент характеризуется такой совокупностью признаков, которая стоит вне собственно лингвистических измерений.

Дифференциальный подход сыграл большую положитель-

ную роль в развитии семасиологии, поскольку позволил выявить семантические элементы значения. Тем не менее указанный подход обнаружил свою ограниченность на современном этапе развития семасиологии, когда произошла смена научной парадигмы и на первый план выдвинулись коммуникативные задачи. Дело в том, что, несмотря на внутреннюю системность и упорядоченность, структурная лингвистика имела слабую связь с реальностью и практической речевой деятельностью. Назначение этих теоретических конструкций приобретало самодовлеющий характер, поэтому в 60–70 годы закономерен поворот к изучению реальных условий функционирования языка. Обращение к реально функционирующему значению было закономерным развитием отражательной концепции значения, которая предопределила изучение последнего по двум линиям: аналитической и функциональной. Впервые на необходимость исследовать значение в двух направлениях – аналитическом и операционном – указал Ст. Ульман. Различие между этими направлениями заключается в том, что при аналитическом подходе значение раскладывается на “конечные составляющие” – так действует дифференциальная семасиология, в то время как операционная (функциональная) линия предполагает изучение значения в действии, в процессе его использования [см.: Ульман 1962]. И в этом случае объяснительной силы дифференциальной семасиологии оказалось недостаточно, так как действующее значение проявило себя значительно полнее и богаче, чем набор выделенных в нем дифференциальных признаков.

В рамках дифференциальной семасиологии некоторыми лингвистами высказывались мнения о необходимости выделения сем, обозначающих побочные характеристики объекта и не находящих места в дифференциальной модели значения. Это ассоциативные признаки [см.: Шмелев 1973], или потенциальные семы [см.: Гак 1972; Кузнецова 1989] (в другой терминологии – факультативные семы, семантическая аура, обертоны смысла). “Наряду с дифференциальными и интегральными должны быть выделены ассоциативные, или репрезентативные, признаки, связанные с *представлением* (выделено автором. – О.М.) о самом обозначаемом предмете или явлении” [Шмелев 1973: 277]. Потенциальные семантические компоненты значения отражают реальные свойства данного предмета или же свойства, приписываемые

ему в данном языковом коллективе [см.: Гак 1988а].

Психолингвистические исследования, начавшие свое бурное развитие с пятидесятых годов нашего столетия, существенно повлияли на возникновение нового подхода к феномену лексического значения. Психолингвисты, признавая в целом отражательный характер значения, рассматривают последнее как процесс, как необходимый элемент речевой деятельности человека. “Значение как психологический феномен есть не вещь, но процесс, не система или совокупность вещей, но динамическая иерархия процессов” [Леонтьев 1971: 8]. Психолингвистический подход к значению позволяет расширить понимание значения до осмысления его как общественно достигнутого знания о предмете номинации. Ср. по этому поводу замечание А.А.Леонтьева, что язык “представляет собой отражение действительности, являясь формой существования общественно-исторического опыта человека” [Леонтьев 1965: 19].

Пермские исследователи [см., например: Грузберг 1984] предлагают социолингвистическое описание семантики слова, при котором “учитывается социальная обусловленность значения слов данного конкретного языка”, и далее: “социолингвистический подход к изучению семантики слова позволяет говорить о более богатом внутреннем содержании слова, чем оно обычно описывается в лексикологии. Здесь – как о компонентах содержательной структуры слова – можно говорить о бытовом понятии, наглядно-чувственном образе, эмоциональной и экспрессивной окрашенности, эмоциональном ореоле, вызываемых словом картинах-ассоциациях” [Грузберг 1984: 119].

По-настоящему адекватной для коммуникативных исследований явилась интегральная концепция значения [см.: Никитин 1983; Стернин 1979; 1985; Болинджер 1981]. Термин *интегральный* вновь наделяется смыслом, ранее приписанным ему Д.Н.Шмелевым. Интегральная концепция значения – это “всеохватывающая” концепция, это расширительный подход к значению. С позиций интегрального подхода семантика слова обладает значительной избыточностью, т.е. охватывает широкий круг более или менее существенных признаков, проявляющихся у предмета в разных ситуациях. Эти признаки не важны для противопоставления значений, они структурно не значимы, но в значитель-

ной степени релевантны для коммуникации, поскольку именно они во множестве случаев регулируют правильность употребления слова. Как пишет Г.Н. Скляревская, при интегральном понимании лексическое значение предстает как бесконечно сложная структура, включающая в себя «не только понятийное содержание, но и весь запас лингвистических и экстралингвистических сведений, ассоциаций, смутных, как будто бы априорных представлений и всех “добавочных смыслов”, называемых коннотациями» [Скляревская 1996: 70].

Вследствие такой посылки, И.А.Стернин приходит к выводу о нелимитируемости значения слова, о невозможности четко определить его границы и исчерпывающе исчислить образующие его семантические компоненты, объясняя этот феномен рядом причин: нечеткой дифференциацией многих объектов внешнего мира, постоянным изменением самой отражаемой в значении действительности, углублением понятия о предметах и выявлением новых сторон, новых взаимоотношений понятий, приблизительностью самого отражения действительности в сознании человека, различиями в познании одного и того же предмета разными людьми [Стернин 1985: 19–21]. Другими словами, если мы выделили, например, в слове *женщина* семы ‘человек’, ‘взрослый’, ‘женский пол’, мы не вправе считать, что описали его значение. Мы выделили только семантическое ядро, понятийные компоненты, но это семантическое ядро окружено множеством других семантических признаков: ‘материнство’, ‘слабость’, ‘красота’, ‘доброта’ и пр. [Чудинов 1988: 4], не менее существенных для носителя языка.

Из признания нелимитируемости значения логически следует вывод, что лексическое значение шире наивного понятия, так как практически каждое слово окружено множеством ассоциаций, устойчивых, общенациональных и случайных, индивидуальных. Подобные различия между значением и понятием отмечал В.А.Звегинцев: “Это различные явления, и они обладают различными качествами, важнейшее из которых заключается в том, что значения есть национальные категории, а понятия – вненациональные” [Звегинцев 1968: 62].

И вместе с тем лексическое значение нельзя отождествлять с научным понятием, поскольку семантические компоненты семемы часто связаны с жизнью и деятельностью людей и не совпадают с

признаками понятия. Л.А.Грузберг, например, перечисляет признаки слова *вечер*, выявленные в результате опроса информантов. В содержание слова, пишет она, входят “природные” признаки, соотносимые с признаками понятия: ‘заход солнца’, ‘наступление темноты’, ‘появление первых звезд’ и пр., а также “человеческие” признаки типа ‘время активного отдыха’, ‘ты наконец-то в кругу семьи’, ‘можно посмотреть телевизор’, ‘когда я могу взять в руки книгу’, ‘время свиданий’ и под. [Грузберг 1984: 117], которые составляют непонятный компонент, создают лексический фон, но, по мнению сторонников интегрального подхода, являются составными признаками семемы.

Для глубокого и всестороннего изучения лексической системы языка, особенно его функционирования, интегральный подход является, безусловно, плодотворным. Он позволяет демонстрировать, что “слово в речи, закрепленной текстом, это не только и, пожалуй, не столько минимальная степень лингвистической абстракции, сколько качественно иное его состояние, вызывающее особое восприятие” [Степанова 1985: 109]. При этом исследователи обращаются к актуализации значения в речевом употреблении, к речевой семантике, которая отличается бесконечной глубиной и многообразием. Полностью признавая положение лингвистов о “размытости” значения слова, о богатстве его содержания, вскрываемом во множестве употреблений, мы тем не менее считаем необходимым разграничивать языковое и речевое в лексической семантике и выделять языковое, системное значение, которое должно включать исчислимое количество семантических множителей. Против предельного расширения границ лексического значения высказываются Л.М.Васильев [1990; 1996], А.Й.Гудавичюс [1989].

При интегральном подходе к значению возникает серьезная проблема с лексикографическим описанием нелимитируемого значения, содержащего неисчислимое количество признаков. И.А.Стернин оптимистически замечает: “Нелимитируемость значения не свидетельствует о невозможности описания значения, а лишь ставит вопрос о различных уровнях глубины и адекватности его описания. Каждый такой уровень будет обусловлен практическими задачами описания. К примеру, разные словари бу-

дуг требовать разной глубины и объема описания значения и, соответственно, будут различаться по степени адекватности полученного описания реальному значению.” [Стернин 1985: 19]. И хотя исследователь призывает к тому, что “определение значения должно отразить это разнообразие признаков, так как все они в широком смысле отражают практику, действительность” [там же: 15], практически осуществить эту задачу не представляется возможным, оставаясь на позициях интегральной семасиологии. Лексикографы не могут и не должны ставить перед собой задачу зафиксировать все “обертоны смысла”, передаваемые словом во всем многообразии речевых употреблений. В толковых словарях должно описываться общезыковое, или системное, значение, то единообразное для всех носителей языка содержание, которое сохраняет тождество слова и обеспечивает процесс коммуникации.

Описание языкового системного значения предлагается в современных словарях, основанных на принципах дифференциальной семасиологии, главным из которых является предложенный Е.Бендиксом “принцип минимального толкования” [Bendix 1966]. Основное требование этого принципа состоит в том, чтобы в семантическое описание каждой лексической единицы включались те и только те признаки, которые отличают ее от всех остальных лексических единиц данного языка [см.: Филлмор 1983]. Результатом этого принципа должна явиться минимальная, полностью сконструированная сеть, которая более всего отвечает идеалу структурной лингвистики.

Аналогичное требование к лексикографическому представлению семантики слова выдвигал в своих ранних работах Ю.Д.Апресян: “Толкуемое значение должно определяться через более простые значения и тем самым в конечном счете сводиться к небольшому набору элементарных (неопределяемых) значений – слов семантического языка”, “должны быть перечислены все семантические компоненты А и только они, определение должно быть точной синонимической перифразой определяемого” [Апресян 1967]. Ю.Д.Апресяном, А.К.Жолковским и И.А.Мельчуком был разработан “семантический язык”, “словами” которого являются элементарные семантические признаки, или семантические множители, типа *точка, часть, целое, время,*

множество, действие, субъект, вещь, каузировать, иметь, знать, переставать, начинать, не и т.п. Комбинации этих семантических множителей соответствуют сложным лексическим значениям слов естественного языка [см.: Апресян 1967; 1995; Жолковский, Мельчук 1967; см. также: Лукин 1990].

Интерес представляет семантический язык (*lingua mentalis*), разработанный А.Вежбицкой, который представляет собой сужение естественного языка, в то время как вышеназванные авторы стремились построить семантический язык как расширение логического языка предикатов. *Lingua mentalis* А.Вежбицкой включает “семантические примитивы” – “такие концепты, которые служат кирпичиками для построения всего остального” [Вежбицкая 1996: 329]. Первый пробный перечень элементарных понятий, предложенный А.Вежбицкой [1972], содержал 14 элементов. Затем в течение многих лет расширялась эмпирическая основа исследования и продолжался теоретический анализ, в результате чего первоначальный список примитивов был пересмотрен и расширен на основе следующих независимых критериев – объяснительной силы (роль, которую играет данное понятие в толковании других понятий) и универсальности (множество языков, в которых данное понятие лексикализировано). Последний, известный нам, список включает следующие примитивы: “субстантивы” *я, ты, кто-то, что-то, люди*; “детерминаторы и квантификаторы” *этот, тот же самый, другой, один, два, много, все/весь*; “ментальные предикаты” *думать (о), говорить, знать (о), чувствовать, хотеть*; “действия и события” *делать, происходить/случаться*; “оценки” *хороший плохой*; “дескрипторы” *большой, маленький*; “время и место” *когда, где, после/до, под/над*; “метапредикаты” *не/нет/отрицание, потому что/из-за, если, мочь*; “интенсификатор” *очень*; “таксономия и партономия” *вид/разновидность, часть*; “нестрогость/прототип” *подобный/как* [Вежбицкая 1996: 331].

Но слово может иметь смысл, требующий исключительно богатого и детального описания. В этом случае различается центральное значение и периферия [см.: Бирвиш 1981; Кифер 1978; Найда 1962; Филлмор 1983], не связанная со структурой как таковой. С точки зрения принципа минимального толкования периферию нельзя включить в словарь. Подобная “редукционистская стратегия опи-

сания языковых значений” [Апресян 1986а] ведет в тому, что толкование приобретает статус определения формального объекта, каким смысл слова не является. Единицы семантического языка (семантические элементы, примитивы, маркеры) не предназначены отразить неопределенность слова, напротив, они имеют прямо противоположную цель. Такие жесткие дискретные толкования разрушают восприятие носителем языка общности слова.

Словари, созданные на основе структуризации значения с помощью семантического метаязыка, предназначаются для лингвистов, тогда как традиционные толковые словари, на что указывал еще Л.В.Щерба, в первую очередь предназначаются для носителей данного языка [см.: Щерба 1974]. Ср. по этому поводу замечание А.Рея и С.Делесалья о том, что объектом толкового словаря могут выступать две разные реальности, что влечет за собой два возможных типа описания. “Не следует смешивать лексический компонент лингвистической модели, то есть элемент системы, которую можно описать с помощью строгих правил (морфологических и морфо-семантических), и лексику в употреблении – объект социальный, исторический и культурный” [Рей, Делесаль 1983: 264].

Структурные определения значений хорошо представляют соотношение в паре “лексикография и система языка”, так как они фиксируют набор семантических признаков как некий инвариант – идеализированную когнитивную модель. Но такие определения совершенно непригодны для решения проблемы “словарь и человек”. Ю.Н.Караулов подчеркивает, что “семантические компоненты, их набор и толкование не должны переходить грань восприятия среднего носителя языка, так как в противном случае утрачивается сама цель данного описания, ориентированного прежде всего на человека – носителя языка и пользователя языком” [Караулов 1976: 183].

Поэтому семантизация значения в границах структурного подхода не может удовлетворить современную лингвистику, в том числе лексикологию, семасиологию и теорию лексикографии, которые сменили свои научные приоритеты, выдвинув на первый план человека и провозгласив актуальность антропологического (антропоцентрического) подхода [см.: Караулов 1987; Колшанский 1980; 1990;

Морковкин 1988; 1990; Морковкин, Морковкина 1997; Постовалова 1988; Розина 1988; 1991; Роль человеческого фактора 1988 и др.].

Значение слова для наивного носителя языка – это не набор дискретных семантических признаков, а то, что он имеет в виду или держит в голове, когда употребляет соответствующее слово [см. об этом: Вежицкая 1996: 231–240]. То, что имеет в виду человек, должно соответствовать тому, что закреплено в коллективном языковом сознании. Другими словами, существует определенный прототип предмета, явления, ситуации, существенные, обязательные черты которого известны языковому обществу. Понятие *прототип* подробно разработано в зарубежных исследованиях [см.: Lakoff 1975; Филлмор 1983; Вежицкая 1996] и имеет большую объяснительную силу при классификации объектов, то есть при решении вопроса о принадлежности какого-то объекта к категории и при толковании понятий, которым, как считается, нельзя дать четких определений в терминах дискретных семантических компонентов. Термин *прототип* употребляется в противоположность термину *инвариант* для обозначения “неустойчивого набора семантических компонентов”, характеризующего “размытость” понятий естественного языка. Прототипная модель значения “допускает вариативность и возможность неполного удовлетворения... заданных в прототипе критериев” [Филлмор 1983: 30–31]. Если инвариант включает компоненты, которые абсолютно необходимы и достаточны для адекватного толкования какого-либо понятия, то в прототип входят несущественные характеризующие компоненты. А.Вежицкая приводит такой пример: «китайская чашка, маленькая, изящная, с тонкими стенками, без ручки и без блюдца, все-таки может считаться чашкой – пока из нее можно пить чай, в соответствующем окружении (на столе), пока ее можно поднести ко рту одной рукой. Это означает, что при том, что блюдце и ручка определенно входят в прототип чашки (“идеальная” чашка *должна* (выделено автором. – О.М.) иметь ручку и блюдце), они не являются существенными элементами этого понятия. В то время как компоненты ‘изготовленная для питья горячих жидкостей’ и ‘настолько маленькая, чтобы человек мог поднести ее ко рту одной рукой’ с необхо-

димостью включаются в это понятие» [Вежбицкая 1996: 217].

Прототипическое значение – это целостное явление, которое может быть определено содержательно, разложено на составные части и описано как совокупность признаков, ментально и практически значимых для данного языкового коллектива.

В прототипическом значении общее значение слова-знака объединяется с индивидуализированным представлением объекта, ставшим частью слова, ибо только в их единстве создается целостность (Р.М.Фрумкина), которой оперирует обыденное сознание. Другими словами, “прототипная” модель значения включает признаки наивного понятия (сигнификативная часть семемы) и признаки, связанные с представлением о стандартном образце объекта, признака или ситуации (денотативно-ограничительный компонент, или ЛС). “Двухслойное” значение, представленное прототипной моделью, признается нами языковым значением.

На наш взгляд, толковые словари должны фиксировать именно прототипическое значение, так как они предназначены “отразить то представление о мире, которое характерно для среднего интеллигентного носителя языка и основано на донатучных общих понятиях, предоставляемых в его распоряжение языком” [Hallig, Wartburg 1952: XIV]. В них должен найти реализацию антропоморфный принцип организации материала. Мы разделяем позицию А.Вежбицкой, которая считает, что хорошее толкование должно отвечать внутреннему языковому чутью говорящих. Для этого желательно использовать в толковании общепринятую лексику, апеллируя к привычным для носителя языка представлениям [Wierzbicka 1985]. Иначе говоря, лексикограф должен уловить некое ядро смысла, включить признаки значения, отражающие его естественную интерпретацию неискушенным носителем. В форме словарной статьи нужно отражать психологически реальное значение слова. Толковые словари русского языка, хотя и не вполне последовательно, отражают данный принцип, этим и объясняется включение в словарную дефиницию КО. Например, в словарное толкование одного из значений слова *хвост* ‘задняя часть подола (платья, юбки), которая волочится по полу’, включена ЛС, называющая виды одежды (платье, юбка), которая с точки зрения необходимости и достаточности толкования представля-

ется излишним (ср.: *подол* ‘нижний край платья, пальто и т.п.’), тогда как с точки зрения целостности восприятия слова наивными носителями включение КО абсолютно оправданно.

Подводя итоги, еще раз подчеркнем, что структура лексического значения в современных теориях значения трактуется по-разному в зависимости от уровня анализа и от позиции исследователя: 1) как бесструктурное образование, обобщенно; 2) как структура, состоящая из минимального набора элементов; 3) как бесконечно сложная и избыточная структура.

Принимая “прототипную” модель значения, которая предполагает объединение лингвистических и экстралингвистических знаний и допускает некоторую вариативность определенных в прототипе признаков, мы не можем удовлетвориться указанными трактовками. Наше понимание значения не укладывается в рамки дифференциального подхода, оказываясь более широким, поскольку предполагает включение в значение не только структурно релевантных признаков, выделенных в результате оппозиций и соотносимых с признаками формального понятия (сигнификативный компонент), но также и признаков, основанных на типовом представлении (денотативно-ограничительный компонент). И вместе с тем подобный подход к значению является более узким, чем интегральный, так как ограничивает значение слова рамками системы, оставляя за этими пределами все собственно речевые употребления. Назовем такой подход **системно-интегральным**. Системно-интегральный подход совмещает в себе принципы структурной и антропоцентрической лингвистики, ибо не только обращается к языку, рассматриваемому в самом себе и для себя, но и учитывает “человеческий фактор” – то представление о мире, которое характерно для среднего интеллигентного носителя языка.

Системно-интегральный подход не разрушает основ дифференциальной семасиологии, ибо опирается на положение о дискретности семантики слова и о наличии в семеме интегральных и дифференциальных признаков, соотносимых с объектом и содержанием понятия. И одновременно названный подход не противоречит идее о “размытом” характере значения, поскольку денотатив-

но-ограничительный компонент не представляет жестко детерминированной структуры и способен модифицироваться в процессе познания. Денотативно-ограничительный макрокомпонент состоит из микрокомпонентов – лимитирующих сем, которые дополняют собственно структурное значение слова, образуют совпадающую у всех членов языкового коллектива часть семантической компетенции, и одновременно они очерчивают границы системного значения в океане речевых смыслов. В отличие от дифференциальных сем, ЛС являются чувственно-наглядными по природе и более конкретными по содержанию. В отличие от коннотативных сем, ЛС не образуют модальную рамку, в них отсутствует образность, субъективность, оценочность.

Таким образом, общеязыковое значение с позиций системно-интегрального подхода включает в себя интегральные, дифференциальные, коннотативные и лимитирующие семы. И если три первые разновидности сем оказались достаточно хорошо изученными, благодаря лидирующему положению дифференциальной семасиологии и методике компонентного анализа, то лимитирующая часть семантики ждет своего исследования.

1. 4. Типология лимитирующих сем

Независимо от принятой концепции значения – дифференциальной или интегральной – семасиологи неизменно признают сложность семемы и возможность разложения ее на элементарные смыслы-семы. В.Г.Гак определяет сему как отражение в сознании носителя языка различительных черт, объективно присущих денотату либо приписываемых ему языковой средой и, следовательно, являющихся объективными по отношению к каждому говорящему [Гак 1971: 95]. Разнообразие сем в сущностном и функциональном отношении вызвало появление множества классификаций, построенных на разных основаниях и выделяющих разные типы сем. В российской лингвистике это, например, классификации И.В.Арнольд [1966; 1979], Л.М.Васильева [1971; 1981], Р.М.Гайсиной [1979; 1981], В.Г.Гака [1971; 1973; 1977], П.Н.Денисова [1974; 1980], Э.В.Кузнецовой [1974; 1980], М.В.Никитина [1974; 1983], О.Н.Селиверстовой [1968; 1975;

1976], Ж.П.Соколовской [1979], И.А.Стернина [1979; 1985]. Насколько нам известно, Л.М.Васильеву принадлежит первая попытка обобщения типов сем. Он пишет: “Семы подразделяются на лексические, словообразовательные и грамматические (по соотношению с компонентами формальной структуры языка – плана выражения), эксплицитные и имплицитные (по способу манифестации), парадигматические и синтагматические (по типу отношений, в основе которых они лежат), доминирующие и зависимые (по характеру отношений внутри семем), ядерные и периферийные (по отношению к идентифицирующей семе данного класса), дифференцирующие и идентифицирующие (по знаковой функции)” [Васильев 1971: 10].

И.А.Стернин предлагает типологию сем, отвечающую цели коммуникативного анализа лексики. Он выделяет типы сем по следующим основаниям: по отношению семантического компонента к системе языка (узуальные и окказиональные, системные и личностные, дизъюнктивные и инвариантные), по различительной силе (интегральные и дифференциальные), по степени яркости (яркие и слабые), по характеру выявленности в значении (эксплицитные и скрытые), по характеру содержания (постоянные и вероятностные, ассертивные и диспозиционные, четкие и нечеткие, позитивные и негативные), по отношению к акту речи (актуализованные и неактуализованные).

При некотором сходстве этих типологий в них все же гораздо больше различий, которые объясняются принципиально иным походом к объекту исследования. Л.М.Васильев рассматривает лексику в системе языка (системно организованную лексику, языковые единицы), оставаясь в границах дифференциального подхода. Для И.А.Стернина релевантной оказывается инвентаризация типов сем, актуализирующихся в коммуникативном процессе, то есть он подходит не к статичной системе языка, а к языку в действии, в процессе функционирования. Такой коммуникативный анализ значения не может опираться на дифференциальный подход, он требует интегрального подхода, который включает в понятие значения все семантические признаки, выявляющиеся в слове, “как структурно релевантные, так и структурно избыточные, но коммуникативно релевантные” [Стернин 1985: 15].

Большинство классификаций сем, существующих в современной семасиологии, строится на анализе языкового системного значения, поэтому можно выделить несколько общих оснований, релевантных практически для любой типологии.

Во-первых, уровень обобщения, степень абстракции семы (относительная классификация сем в условиях оппозиции семем [Попова, Стернин 1984: 50]). На этом основании различаются интегральные семы (архисемы, гиперсемы, категориальные, категориально-лексические семы) и дифференциальные семы (гипосемы, индивидуальные семы).

Во-вторых, характер содержания сем. Это наиболее неопределенное основание, поскольку каждый исследователь вносит свое понимание в то, что может рассматриваться как содержание. Содержание можно представить достаточно обобщенно, и тогда выделяются денотативные и коннотативные семы. А можно более конкретно, как это делает, например, В.Г.Гак, вслед за А.Греймасом и Б.Потье, что позволяет ему противопоставить относительные семы, которые отражают отношения (пространственные, временные, функциональные и пр.) между предметами, и описательные семы, отражающие собственные внешние свойства объекта [Гак 1977: 14–15].

В-третьих, тип универсальных языковых отношений, в основе которых лежат семы. По этому признаку разграничиваются семы парадигматические и синтагматические (синтагмемы).

Ни в одной из предлагаемых типологий не выделяются лимитирующие семы, потому что они занимают особое место в структуре семемы и имеют иную природу по сравнению с выделяемыми ранее семами. Конечно, можно попытаться наложить имеющиеся классификации на лимитирующие семы, но это не даст желаемых результатов. Как мы показали, ЛС нельзя отнести ни к интегральным, ни к дифференциальным семам, потому что они не могут быть выделены методом оппозиции. С содержательной точки зрения они принадлежат к денотативным семам, хотя для нас понятие *денотат* имеет, как было отмечено, вполне определенное содержание, часто не совпадающее с тем значением, которое вкладывают в него при противопоставлении денотативные–коннотативные признаки. Более того, при широком понимании коннотации часть лимитирующих сем можно отнести и к группе коннотативных сем.

. По третьему основанию – по типу отношений – тоже нельзя однозначно квалифицировать лимитирующие семы. Среди них есть безусловные синтагмемы, например, в семемах глаголов и прилагательных. Но лимитирующие семы в семемах существительных нельзя считать синтагматическими, так как они не определяют валентности соответствующей семемы. При этом они не могут быть признаны и парадигматическими (либо с большой долей условности), поскольку они не обуславливают взаимосвязи семем в составе лексических или грамматических парадигм.

Лимитирующие семы представляют специфическую часть значения слова и нуждаются в нетрадиционных классификациях. Обладая особой – ограничительной – функцией, ЛС требуют уточнения по двум направлениям: *что* ограничивается и *как* ограничивается.

Исходной посылкой для нас является то, что лимитирующие семы могут ограничивать либо предметно-логическое содержание, либо обстановочный контекст. В соответствии с этим ЛС с содержательной точки зрения (что ограничивают, какой аспект информации конкретизируется) разбиваются на две группы: *денотативно-конкретизирующие* и *ситуативно-конкретизирующие*.

Денотативно-конкретизирующие ЛС связаны с предметно-логическим содержанием. Они указывают на ограниченность возможных проявлений какого-либо признака денотата одним или несколькими вариантами или сужают область денотативной приложимости определенного действия, состояния, признака. Они “привязаны” не к целому понятию, но к отдельному аналитическому свойству предмета, а также к конкретным референтам – носителям признаков, состояний – или референтам, испытывающим какое-либо постороннее воздействие. Так, денотативно-конкретизирующие ЛС могут ограничивать возможность проявления такого признака денотата, как ‘внешний вид предмета’: *факел* ‘переносный светильник на рукоятке, обычно в виде палки с намотанной на конце просмоленной паклей’; *лютик* ‘травянистое растение с ядовитым соком и, преимущественно, желтыми цветками’; *опал* ‘минерал, стекловидный камень различной окраски,

нередко бесцветный'; или признака 'функциональное назначение предмета': *чулан* 'подсобное помещение в жилом доме, обычно служащее кладовой'; *мотыга* 'название инструмента... (употребляется для рыхления почвы, окучивания, уничтожения сорняков и т.п.)'; *чий* 'травянистое растение... (используется как ценный зеленый корм)'; может быть ограничен и ряд других признаков.

В других случаях денотативно-конкретизирующие ЛС ограничивают круг референтов – носителей соответствующего признака: *грациозный* 'отличающийся изяществом формы, утонченно красивый (о художественном произведении)'; *взмывленный* 'покрытый пеной, в сильной испарине от быстрого, долгого бега (о лошади)'; *сдавленный* 'приглушенный, сдержанный (о голосе, звуках)'; *дремучий* 'густой, труднопроходимый, старый (о лесе)';

или круг референтов – субъектов действия, состояния: *лязгнуть* '... (о металлических предметах, ударяющихся обо что-л. или друг о друга)'; *взбрыкнуть* 'резко вскинуть задние ноги (о животном)'; *кипеть* 'клокотать, пениться от образующихся при сильном нагревании пузырьков пара (о жидкости)'; *пронизать* 'пробиваясь, проникая сквозь что-л., заполнить собой (о свете)';

а также круг референтов – объектов воздействия: *гарпунить* 'добывать, ловить с помощью гарпуна (рыбу, морских животных)'; *ерошить* 'теребя, приводить в беспорядок (волосы, бороду)'; *дразнить* 'возбуждать, разжигать (какое-л. желание, чувство)'; или средств воздействия: *хапать* 'быстро, резко хватать (руками или ртом, зубами)'; *размахнуться* 'сделать широкий взмах (рукой, палкой, топором)'; *пристрочить* 'пришить (обычно на машинке)';

Как показал материал, денотативно-конкретизирующие ЛС могут присутствовать в семемах и предметных, и признаковых имен, причем в содержании существительных эти ограничения связаны с аналитическими признаками денотатов, а в значениях глаголов и прилагательных – с самими денотатами действий — состояний. Денотативно-конкретизирующие ЛС являются отражением разнообразных физических, физиологических, антропологических данностей реального мира, настолько важных для жизни человека, что они не могут не оставить своего отпечатка в языке (подробнее см. главу 2).

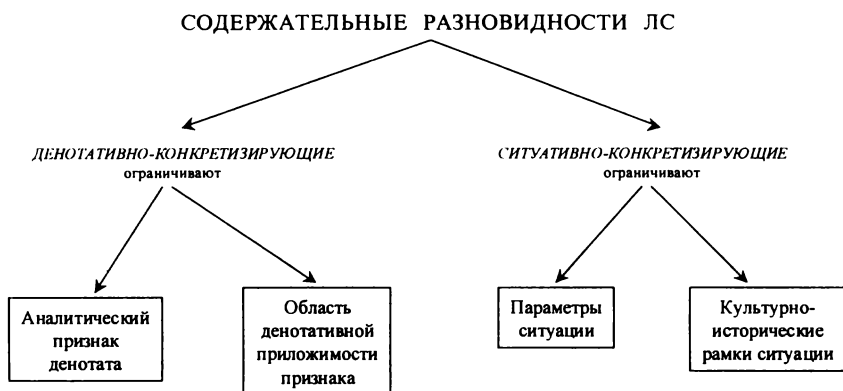
Ситуативно-конкретизирующие ЛС сообщают коммуникативно-релевантную информацию относительно ситуации в целом, ограничивая ее локально-темпоральные границы, общественно-исторические рамки, а также информацию об от-

дельных элементах ситуации, ограничивая диапазон характеристик.

Так, в следующих примерах: *бушевать* 'бурно, стремительно проявлять какое-л. движение, силу (преимущественно разрушительную)'; *хозяйствовать* 'заниматься хозяйством (обычно земледельческим)'; *сдвинуться* 'двинуться, тронуться с места (начиная движение или получив возможность передвижения)'; *врасти* 'осесть, углубиться (в землю)'; *выкапывать* 'копая, извлекать (из земли, из-под снега)'; *читать* 'преподавать (преимущественно в высшем или специальном заведении)'; *ежиться* 'пожиматься всем телом (от холода, болезни)'; *влететь* 'попасть, достаться (за какую-л. вину, проступок)'; *вдавливаться* 'углубляться, входить во что-л. (обычно под давлением, от удара)'; *выпасть* 'падать откуда-л. (при непрочном положении, толчке)' и т.п. – ситуативно-конкретизирующие ЛС ограничивают различные параметры ситуации, именуемой соответствующей лексемой. Поскольку для обозначения ситуации в русском языке приспособлены глаголы, постольку указанная разновидность ситуативно-конкретизирующих ЛС встречается лишь в глагольных семемах.

В других случаях, например: *людоедство* 'употребление в пищу человеческого мяса (у некоторых племен на стадии первобытной культуры)'; *стихия* 'у древнегреческих философов-материалистов: один из основных элементов природы...'; *вытянуться* 'стать прямо (по требованию воинской или служебной дисциплины)'; *лохань* 'в старину: глубокое овальное блюдо для умывания рук'; *кантонист* 'солдатский сын, приписывавшийся со дня рождения к военному ведомству... (в России первой половины 19 в.)'; *флердоранж* 'белые цветы померанцевого дерева, а также искусственные цветы такого же вида (принадлежность свадебного убора невесты)'; *луна-парк* 'общественный сад, парк, с разного рода увеселениями и зрелищами, в дореволюционной России и за границей'; *святой* 'праведный, угодный богу (с точки зрения церкви)'; *вполнакала* – 'тускло, слабо (о свечении лампы накаливания при значительном падении напряжения в электрической цепи)', – ситуативно-конкретизирующие ЛС как бы очерчивают культурно-исторические рамки ситуации (контекста в широком смысле), с которой связано именуемое явление. Кроме того, эти семы содержат в себе комментарий относительно бытования тех или иных реалий, обращают наше воображение к материальной и духовной жизни определенного общества в определенный период.

Таким образом, ЛС в содержательном аспекте подразделяются на денотативно-конкретизирующие, которые ограничивают содержание какого-либо одного семантического признака, входящего в семему, и ситуативно-конкретизирующие, ограничивающие некоторые признаки ситуации, с которой связана соответствующая реалья или соответствующее явление.

Помимо содержательного аспекта, для характеристики ЛС оказывается важным и такой аспект, как степень ограничения. По нашим материалам мы выявили, что ограничения могут быть жесткие, свидетельствующие о высокой значимости соответствующего признака для прототипного значения, и нежесткие, указывающие, что данный признак является лишь самым характерным из возможных вариантов, но отнюдь не обязательным. На этом основании мы выделили обязательные и вероятностные ЛС. Обязательные ЛС, в свою очередь, могут быть специализированными и альтернативными, задавая возможность избирательной или серийной представленности признака. Названные типы сем различаются формально по их представленности в словаре. Вероятностные ЛС оформляются с помощью маркеров – кванторных наречий *обычно, преимущественно, иногда* и под. Специализированные семы подаются отдельным словом, словосочетанием, реже – предикативной конструкцией. Альтернативные семы манифестируются

перечислительным рядом закрытой структуры. Рассмотрим каждую разновидность ЛС.

Специализированные лимитирующие семы

Специализированными мы называем такие ЛС, которые ограничивают проявление соответствующего семантического признака одним и только одним вариантом, заложенным в наивном языковом сознании. Названные семы имеют в высшей степени определенное содержание по сравнению с другими типами ЛС. Однако специализированная ЛС может представлять собой класс в большей или меньшей степени конкретный и, следовательно, менее или более обширный. Поэтому специализация бывает нескольких уровней.

Первый – низший – уровень специализации, когда ЛС имеет обобщенный характер и определяет класс лишь в общих чертах, по какому-либо признаку: *каленный* ‘обработанный калинием, закаленный (о металлических изделиях)’; *колесовать* ‘в старину: подвергнуть мучительной смертной казни на вращающемся колесе особого устройства’; *чувал* ‘очаг с прямым дымоходом, распространенный в прошлом у многих народностей Севера...’.

Второй – средний – уровень специализации, при котором ЛС также является достаточно обобщенной, поскольку определяет класс, объединенный родовым понятием: *выючить* ‘нагружать (животных) выюками’; *добыть* ‘извлечь из недр земли (полезные ископаемые)’; *пристать* ‘причалить (о плавучих сред-

ствах)'; *драть* 'убивать, растерзывать (о хищных животных)'; *духовой* 'действующий посредством вдувания струи воздуха (о музыкальных инструментах)'; *абаз* 'восточная мелкая серебряная монета (в старину распространенная на Кавказе)'; *кавасаки* 'деревянное моторно-парусное судно для морского прибрежного промысла, распространенное на Дальнем Востоке'; *гористый* 'покрытый горами, холмистый, возвышенный (о местности)'; *чистотел* 'травянистое растение семейства маковых с желтыми цветками и оранжевым млечным соком (используется в медицине)'

И, наконец, третий – высший – уровень специализации, когда ЛС конкретна, ее содержание охватывает класс, связанный с видовым понятием: *буксовать* – 'вращаться, скользить, но не двигаясь с места (о колесах)'; *гоготать* 'издавать резкие отрывистые крики, похожие на звуки "го-го-го" (о гусах)'; *двуперстный* 'производимый при помощи двуперстия (о крестном знамении старообрядцев)'; *калуфер* 'травянистое растение семейства сложноцветных, обладающее приятным запахом (употреблялось как пряность)'; *волнушка* 'съедобный (в соленом виде) пластинчатый гриб с шерстистым краем розовой шляпки'.

Специализированные ЛС всех уровней связаны с концептуальными факторами (поскольку толкование значения есть попытка концептуализации реального мира посредством языка), отражая результат общественного осмысления каких-либо объектов и явлений (или классов объектов, явлений), которые с точки зрения языкового сознания заслуживают особого выделения.

Альтернативные лимитирующие семы

Альтернативными мы называем такие ЛС, которые ограничивают проявление соответствующего семантического признака несколькими вариациями, типовыми для наивного сознания. Названные семы представлены закрытым перечислительным рядом, члены которого и являются вариантами альтернативной ЛС. Например: *колесо* 'круг (со спицами или сплошной), вращающийся на оси и служащий для приведения в движение повозок и других средств передвижения'; *разползтись* 'разрастись (о вьющихся и ползучих растениях)'; *кольцевать* 'снимать

тонкий слой коры (с целью замедления роста и увеличения плодоношения)'; *камфара* 'бесцветное кристаллическое вещество с сильным характерным запахом (используется в медицине и технике)'. Альтернативные ЛС указывают, что при употреблении маркированного ими лексико-семантического варианта может наблюдаться семное варьирование значения в соответствии с выбранным членом перечислительного ряда.

В работе З.Д.Поповой и И.А.Стернина в структуре лексического значения среди прочих выделены дизъюнктивные, или вариантные, семы, которые указываются в словарной дефиниции "путем перечисления, через запятую или союзы *или, а также*" [Попова, Стернин 1984: 46]. Но кроме особой подачи в словаре, никакие другие особенности дизъюнктивных сем в названной работе не описаны.

В каких отношениях находятся варианты, образующие альтернативные ЛС? Анализ показал, что варианты обязательно имеют какое-то семантическое сходство, общий семантический признак, который тем не менее может занимать различное место в иерархической структуре семемы.

Во-первых, варианты альтернативной ЛС могут быть объединены категориально-лексической семой, то есть представлять одну тематическую или лексико-семантическую группу. В основной части толкования содержится слово-идентификатор, имя класса, "языковая тема" [Mathiot 1968]. Альтернативная ЛС, манифестированная в скобках закрытым перечислительным рядом, ограничивает объем этого класса. В подобных случаях система языка используется для классификации конкретных явлений действительности, для установления общей системы референции с явлениями действительности. Ср.: *головастик* 'хвостатая личинка земноводных (лягушек и жаб)'. В класс земноводных входят не только лягушки и жабы, но также, например, тритон, саламандра и другие, которые не имеют личинок-головастиков, поэтому альтернативная ЛС является необходимой для точного соответствия лексического значения реальному миру. Ср. также: *голубятник* 'ловчая хищная птица (ястреб, сокол), выпускаемая на голубей'; *проточить* 'проесть, прогрызть отверстия, ходы, канавки в чем-л. (о червях, насекомых, грызунах)'; *проблеть* 'издать непродол-

жительное блеяние (об овце, козе)'; *глубинный* 'находящийся, действующий, производимый и т.п. на большой глубине (под землей, под водой)'. В признаковых именах, особенно в глаголах, альтернативные ЛС, варианты которых находятся в таксономических отношениях, даются без имени класса, например, см. выше: овца, коза – домашние животные; черви, насекомые, грызуны – животные. Этот факт, на наш взгляд, связан с существованием в теории лексикографии определений "свободно-диффузного типа" [Языковая номинация 1977], в которых на первое место может выдвигаться в известных пределах либо один, либо другой признак, отличный от первого по уровню обобщения. От этого выбора зависит глубина определения. Массовая адресованность толкового словаря и учет точки зрения наивного носителя языка не требуют значительного углубления определения за счет категоризации – отнесения «слова (или объекта) к более общему классу (группе) на основе определенных представлений о мире "Действительность"» [Семантика и категоризация 1991: 5]. И поэтому представление ограниченного объема класса с помощью вариантов, входящих в альтернативные ЛС, без родового имени класса отвечает критерию массовости адресата словаря.

Итак, между вариантами альтернативной ЛС существуют таксономические отношения – сходство по категориально-лексической семе. В некоторых случаях могут наблюдаться и более тесные отношения, когда варианты альтернативных ЛС не просто входят в один семантический класс, но являются денотативными синонимами. Например: *властвовать* 'управлять, править (страной, государством)'; *вперить* 'устремив, остановить на ком-, чем-л. (глаза, взгляд, взор)'; *глубокий* 'исходящий из глубины (о дыхании, вздохах)'; *дисковый* 'имеющий рабочую часть в виде диска с зубчатыми или заостренными краями (о машинах, механизмах)'; *насвистать* 'исполнить, передать свистом (мелодию, мотив)'.

Во-вторых, между вариантами альтернативных ЛС может существовать семантическая общность менее тесная, чем в рамках семантического поля: они связаны не категориально-лексическими, а дифференциальными признаками. Например: *гармошка* - *гармошкой* 'в частых параллельных складках (о бумаге, материи)'. Слова

бумага и *материя* имеют общий дифференциальный признак “способность изменять свою форму”. *Канат* ‘толстая, очень прочная веревка из волокон или проволоки’. Семемы ‘волокно’ и ‘проволока’ связаны дифференциальными семами ‘гибкость’ и ‘прочность’. *Комкать* ‘в спешке или волнении говорить быстро, неотчетливо’. Слова *спешка*, *волнение* обозначают состояние, характеризующееся нервозностью, суетностью, беспокойством. Именно эти дифференциальные признаки объединяют варианты альтернативной ЛС. *Выстукать* ‘исследовать состояние внутренних органов посредством легкого постукивания (пальцами или молоточком) по поверхности тела’ – варианты связаны семантическим признаком “функциональное назначение”: называемые предметы предназначены для осуществления действия, именованного глаголом. Ср. также: *снять* ‘собрать, убрать после созревания (хлеб, плоды, овощи)’; *брызнуть* ‘внезапно появиться, показаться (о лучах солнца, света, огне)’; *комель* ‘нижняя, прилегающая к корню часть дерева, растения, волоса, пера’.

Варианты альтернативных ЛС, связанные дифференциальным семантическим признаком, никогда не предваряются родовым именем, так как этот универб по вполне понятным причинам отсутствует.

В-третьих, альтернативные ЛС могут состоять из вариантов, связанных потенциальными семами. Например: *бездна* ‘беспредельная глубина (моря, неба)’ – варианты альтернативной ЛС связаны потенциальным семантическим признаком “обладающий большой глубиной”; *бактеризовать* ‘подвергнуть действию бактерий (молоко, почву, торф)’ – семемы, обозначенные словами *молоко*, *почва*, *торф* имеют общий компонент “содержание микроорганизмов”. Такие случаи встречаются гораздо реже, чем факты более близкого семантического сходства между вариантами. Это объясняется, вероятно, тем, что в реальной действительности сходными признаками могут обладать только сходные материальные объекты.

Таким образом, специализированные и альтернативные ЛС представляют собой обязательные ограничивающие компоненты, т.е. ту часть значения, которая отражает типичные, по представлениям коллективного языкового сознания, признаки денотата. Специализированные и альтернативные ЛС отличаются друг от друга по степени

определенности содержания. Наибольшей конкретностью содержания обладают специализированные ЛС, которые ограничивают релевантное денотативное пространство и релевантный фрагмент внеязыковой действительности. Альтернативные ЛС имеют более низкую степень конкретности, что связано с возможностью выбора одного из нескольких вариантов. Очерчиваемое денотативное пространство включает объекты нескольких пересекающихся классов или вариантные свойства реалий.

Вероятностные лимитирующие семы

В теории значения неоднократно высказывалась мысль о том, что содержание слова обладает “вероятностной структурой” [см., например: Налимов 1979; Никитин 1974; Стернин 1980], то есть компоненты лексического значения характеризуются большей или меньшей вероятностью быть обнаруженными в денотате имени. Например: *голосить* ‘громко, с причитаниями плакать (обычно во исполнение обряда – свадебного, похоронного и т.п.)’; *гипноз* ‘усыпление посредством внушения, а также воздействие на волю усыпленного (обычно с лечебными целями)’; *коленипреклонение* ‘стояние на коленях (обычно как выражение преклонения или мольбы)’; *дирекция* ‘руководящий орган предприятия, учреждения, учебного заведения (обычно с директором во главе)’; *кулуары* ‘боковые залы, коридоры (преимущественно в парламенте, театре), служащие для отдыха, а также для неофициальных встреч’.

Вероятностные семы выделены в работах М.В.Никитина [1974], З.Д.Поповой, И.А.Стернина [1984; 1985]. И.А.Стернин рассматривает дихотомию постоянные/вероятностные как один из типов сем, выделенных по характеру конкретного содержания. Постоянные семы, по мнению исследователя, отражают признаки, присущие объекту всегда, вероятностные – признаки, присущие объекту не всегда, с той или иной степенью вероятности [Стернин 1985: 64]. (Ср. сходную типологию Р.Мартена, который противопоставляет “определители значений” и “виртуэмы, выражающие необязательные признаки и явлений” [цит. по: Николаева 1987].) В работе [Попова, Стернин 1984] разграничиваются сильновероят-

ностные семы, которые находят лексикографическую фиксацию, и слабовероятностные, совпадающие с потенциальными семами [см.: Гак 1977], отражающими второстепенные, иногда необязательные признаки предмета, и поэтому не фиксируемые в словаре.

По нашему мнению, классификацию вероятностных сем следует немного уточнить, взяв за основу не один, а два фактора: встречаемость признака в денотате и известность этого признака языковому сообществу. С учетом этих факторов вероятностные семы могут быть разграничены не на две, а на три подгруппы. Те семы, которые фиксируют часто встречающиеся у объекта признаки и общеизвестны языковому коллективу, назовем *сильновероятностными*. Семы, хорошо общеизвестные лингвистическому сообществу, но отражающие нечастотные признаки денотатов класса, – *средневероятностными*, а семы, соотносимые с редко встречающимися признаками объектов и известные незначительному числу носителей языка, – *слабовероятностными*. Поскольку толкования в словарях проводятся с точки зрения наивного языкового сознания, постольку и сильно-, и средневероятностные семы находят (но недостаточно последовательно) отражение в словаре. Сильновероятностные семы отмечены маркерами, располагающимися на шкале вероятности от *обычно* до *особенно*. Маркеры средневероятностных сем занимают на шкале место ниже *обычно* – от *часто* до *иногда*. Что касается слабовероятностных сем, аналогичных потенциальным, они не манифестируются в словаре и могут быть выделены только в рамках интегральной концепции значения. С позиций системно-интегрального подхода такие семы остаются за пределами языкового значения и могут быть признаны только частью речевого смысла.

М.В.Никитин считает вероятностные признаки частью импликационала, поэтому их наличие предопределяется другими семами, входящими в интенционал. По мнению ученого, вероятностные семы могут быть жестко- и сильновероятностными. Сопоставление этой оппозиции с предлагаемой нами типологией ЛС, которые, как было показано ранее, полностью совпадают с импликационалом, показывают, что жесткий импликационал совпадает с обязательными ЛС, а сильновероятностный – с группой вероятностных ЛС.

Вероятностные ЛС в некотором смысле близки альтернативным ЛС, так как маркеры вероятности открывают возможность выбора содержательного наполнения какого-либо семантического признака. Иными словами, если вероятностный показатель маркирует специализированную ЛС, то он подчеркивает при этом жестко регламентированный характер последнего, приближая его к альтернативным ЛС. Например: *ворох* ‘куча, груда (преимущественно о чем-л. легком)’. Однако не кажутся ошибочными употребления *ворох шуб, пальто, курток, ворох книг*, ср.: [Лаперуз] *решил продолжать политику капитана Кука, надавал гостям целый ворох подарков – стеклянных бус, оловянных ложек, красных тряпочек* (Н. Чуковский. Водители фрегатов) [ССРЛЯ]. Или такой пример: *дрыгать* ‘делать резкие, отрывистые движения (обычно ногами)’. Но ср.: *Воробьи слетели на изгородь и начали дрыгать не очень опрятными хвостиками* (В. Белов. Плотнические рассказы). Доказательством сходства вероятностных и альтернативных ЛС служит возможность замены маркера вероятности разделительным союзом. Например: *лебедь* ‘водоплавающая птица с белым (реже черным) оперением // или черным оперением; *вяз* ‘лиственное дерево (иногда кустарник) // или кустарник. Здесь наречия фактически являются синонимами союза *или*, привнося в альтернативную семантику выбора градационный оттенок – “частота встречаемости”.

Однако между вероятностными и альтернативными ЛС существуют различия в плане определенности выбора вариантов. Альтернативные ЛС обязательно определяют семантику (или хотя бы какой-либо общий семантический признак) вариантов. Количество возможных вариантов строго фиксировано, тогда как при вероятностной ЛС выбор членов ряда семантически не определен. Это выбор типа негации, ср.: *бархат* ‘ткань (обычно шелковая)’ – или не шелковая; *бочка* ‘сосуд (обычно деревянный)’ – может быть и не деревянный; *глазок* ‘отверстие (обычно круглое)’ – или не круглое; *календарь* ‘таблица или книжка, дающая сведения о каких-л. (обычно природных) явлениях’ – или не природных.

Можно сказать, что вероятностные ЛС отличаются от обязательных сем более сложным содержанием. Их семантика осложнена выбором не просто варианта, но еще и выбором “флангово-

го знака” [см.: Арутюнова 1988], знака “плюс” или “минус”, то есть наличием (обычно так) или отсутствием (но может быть и не так) объекта или признака. Кроме того, вероятностные ЛС обращают сознание субъекта к гипотетическому миру возможного (показатели низкой степени вероятности – *иногда, реже*) либо к нормативному миру должного (компоненты высокой степени вероятности – *особенно, обычно, часто*) [см.: Вежбицка 1983]. О том, что кванторные наречия содержат, помимо количественного компонента, качественный, пишет Е.В.Падучева [1989]: «...значение *обычно* помимо количественного компонента содержит некоторый качественный – дело не только в том, что “в большинстве случаев”, а в том, что это естественно, нормально, в порядке вещей» [Падучева 1989: 28]. И далее: у наречия *редко* происходит сдвиг – «“мало” усиливается до “в большинстве случаев не”, включая это наречие в антонимическую оппозицию с “обычно”» [Падучева 1989: 30].

Наличие в семеме признаков, предполагающих возможность выбора, связывают обычно с расплывчатостью, семантической неопределенностью лексического значения [см.: Шмелев 1973; Филлмор 1983; Недашковская 1990]. О размытости семантических границ можно говорить применительно к общему содержанию лексического значения, но взгляд “изнутри”, на отдельные компоненты семемы поворачивает проблему в другую плоскость. Семантические признаки, по которым мы судим о нечеткости значения, выполняют при этом и ограничительную функцию, так как хотя они и предполагают выбор вариантов, но ограничивают возможность варьирования в более или менее приблизительно очерченных границах.

Обнаруживается определенная закономерность между разнovidностью ЛС по степени определенности содержания и типом значения слова. Имена с денотативным содержанием (идентифицирующие имена, имена естественных классов) содержат главным образом вероятностные ЛС, а в семемах признаковых имен в абсолютном большинстве присутствуют обязательные ЛС. Значение идентифицирующих имен есть отражение в сознании образа предмета, стереотипа класса. Создается оно общими чертами класса денотатов, и объем знаний, связанный

с идентифицирующим именем, зависит от глубины познания соответствующего класса реалий. Но многие ассоциируемые с именем этого класса признаки необязательны в “жестком” смысле: их имеют не все члены класса. Подобная необязательность отражается с помощью вероятностных ЛС.

Признаковые имена релятивным характером своего значения предопределяют приложимость признака к тем или другим объектам. Человеческий ум и, следовательно, язык, отражая нашу концептуализацию мира, фиксируют достаточно общезначимые, достаточно обычные и заметные связи между объектом и приписываемым ему статическим или динамическим признаком. В то же время реальная действительность нередко располагает фиксированным репертуаром объектов или уникальным объектом, которые способны обладать определенным признаком. Концептуально, а следовательно, и лингвистически в поле зрения попадают эти устойчивые и обязательные связи между признаком и кругом объектов, с ним соотносимых. Такое положение дел отражается с помощью обязательных ЛС.

Другими словами, описывая предмет, число признаков которого бесконечно, мы создаем некий обобщенный образчик, в котором, помимо сущностных признаков (они составляют основу понятия), выделяем некоторые признаки, свойственные идеальному денотату, но не обязательные для всех денотатов класса. Так возникают вероятностные ЛС. Однако при описании признакового имени мы фиксируем объекты, без которых не может существовать сам признак. Так появляются обязательные ЛС.

ВЫВОДЫ

1. Лексическое значение, рассматриваемое с учетом “человеческого фактора”, не может быть сведено к ограниченному числу дифференциальных признаков, соотносимых с наивным понятием. Оно со всей обязательностью включает в себя некоторую часть, отражающую результат мыслительной категории представления. Вместе с тем системное лексическое значение не может объять все число семантических признаков, актуализирующихся в семеме под воздействием контекста или

“наведенных” им [Стернин 1985], так как при этом значение размывается настолько, что слово может потерять одну из самых важных черт – признак семантического тождества. Вследствие этого и дифференциальная, и интегральная концепции лексического значения оказываются в известной мере односторонними. С позиций антропоцентрической лингвистики и одновременно с учетом системности языка мы выдвигаем системно-интегральный подход к лексическому значению, согласно которому семантика слова включает интегральные, дифференциальные, коннотативные и лимитирующие семы.

2. Лимитирующие семы отражают типовое представление об объекте или ситуации в сознании наивного носителя языка и образуют денотативно-ограничительный макрокомпонент семемы, обращенный в вещный мир. Лимитирующие семы отличаются от дифференциальных тем, что отражают неинвариантные, неклассифицирующие свойства денотатов, а также тем, что они не могут быть выделены методом оппозиции и не являются существенными с точки зрения взаимоотношения данной семемы с другими в составе лексических парадигм. В отличие от коннотативных сем, лимитирующие семы не образуют модальную рамку значения.

3. Лимитирующие семы в связи с их особой природой нуждаются в нетрадиционных классификациях, поэтому они были проанализированы по двум основаниям: аспект ограничения и степень “жесткости” ограничения. Лимитирующие семы ограничивают предметно-логическое содержание семемы либо обстановочный контекст, вследствие этого разграничиваются денотативно-конкретизирующие и ситуативно-конкретизирующие ЛС. По степени “жесткости” ограничения ЛС делятся на специализированные, однозначно ограничивающие проявление какого-либо признака, альтернативные и вероятностные, определяющие ограничение в обозначенных пределах.

Все ЛС отражают те типовые представления об объектах и положении дел, которые опираются на реальный, вещный мир. Эта особенность ЛС предопределила путь дальнейшего их анализа.

Глава 2

Лимитирующая семантика и вещный мир: ономасиологическая и лингвокультурологическая интерпретация

2.1. Предварительные замечания

Современные лингвистические теории смещают сегодня поле своих интересов в антропологическую сферу. Исследователи, осознав необходимость включения человека, личности в орбиту интересов языкознания, пересматривают идею “чистой лингвистики” о необходимости изучать язык “внутри себя и для себя”. Язык антропоцентричен: он предназначен для человека, и вся языковая категоризация объектов и явлений внешнего мира ориентирована на человека. Это общая черта всех языков. Язык фиксирует фрагменты человеческого бытия и отражает происходящие в обществе социальные, экономические и культурные изменения, он выступает как “средство накопления, хранения, передачи добытых этим обществом знаний” [Березин, Головин 1979: 366]. Язык есть важнейшее средство не только общения и выражения мысли, но также и аккумуляции знаний культуры. Он составляет значительную часть культуры народа и, наряду с нравами и обычаями, является культурным наследием той или иной нации. Поэтому каждый язык национально специфичен, для каждого языка характерны национальные особенности, обусловленные жизнью и развитием его национально-культурного содержания. Так, всем известно, что в эскимосском языке есть много названий для снега, в арабском – для верблюда, а в китайском для риса, и в этом отражаются условия существования данного народа. Но вместе с тем в языке отражаются особенности культуры и своеобразие на-

ционального характера его носителей. «Будучи одним из признаков нации, ее “социального взаимодействия”, язык представляет собой главную форму выражения и существования национальной культуры» [Воробьев 1997: 12]. В связи с антропологическим поворотом языкознания, с учетом “человеческого фактора”, наибольшую активность сейчас приобрели исследования, осуществляемые на стыке языкознания, с одной стороны, и социологии, этнографии и культурологии, с другой (см., например, работы А.Вежицкой, Е.М.Верещагина, Г.Д.Гачева, А.С.Герда, Вяч.Вс.Иванова, В.В.Колесова, В.Г.Костомарова, Н.А.Купиной, Ю.М.Лотмана, Л.Н.Мурзина, С.Е.-Никитиной, З.К.Тарланова, Н.И.Толстого, С.М.Толстой, В.Н.Топорова, Т.В.Цивьян, Е.С.Яковлевой и др.).

Каждый этнос имеет свою собственную внутреннюю структуру и свой неповторимый стереотип поведения [см.: Гумилев 1989: 91], свой национальный образ [см.: Гачев 1992], который воплощается в формах общественного сознания, в социальных институтах, в культуре как результате материальной и духовной деятельности людей, а значит, и в совокупности предметов и ценностей, которые передаются из поколения в поколение, определяя жизнь данной лингвокультурной общности. И каждая этнокультурная общность обладает своей национально-специфической “средой обитания языка” [Сепир 1993: 270-284]. В соответствии с этим язык выступает в качестве реализованной сущности культуры как внеязыкового предметно-понятийного содержания. Язык социален – тесно связан с действительностью, обществом, цивилизацией. Социальная природа языка логически вытекает из тезиса о социальности самого человека. Подобно тому как жизнь человека проявляется и утверждается в обществе, существование языка также диалектически связано с развитием общества и культуры. При этом язык не только сиюминутно отражает современную культуру, но и фиксирует ее предыдущие состояния и передает ее ценности в будущее.

Благодаря кумулятивной функции, язык вбирает в себя в форме знаков всевозможные комбинации проявления жизнедеятельности человека, впитывает своеобразие его культуры. Впервые В. фон Гумбольдт сформулировал связь между языком и культурой: язык – хранилище народного духа, культуры, “объединенная духовная

энергия народа, чудесным образом запечатленная в определенных звуках” [Гумбольдт 1956: 349]. Современные исследования лингвокультурологического направления [см.: Апресян 1995а; Арутюнова 1991; 1995; 1995а; Булыгина, Шмелев 1997; Вежицкая 1996; Воробьев 1996; 1997; Гловинская 1990; 1992; 1993; Гумбольдт 1985; Карасик 1996; Колесов 1995; Купина 1995; 1995а; 1996; Шаховский 1996 и др.]. свидетельствуют, что различия в менталитете и культуре разных народов достаточно четко прослеживаются в языке. Иначе говоря, свойственный языку взгляд на мир в некоторой степени универсален, но в некоторой степени национален. Особенности познавательного опыта конкретного этноса, черты его материальной и духовной культуры эксплицитно воплощаются в единицах лексического уровня языка. Вместе с тем лексические единицы отражают не только современную культуру общества, но, накапливая и сохраняя достижения познавательной деятельности человека, фиксируют и предшествующее состояние культуры. Поэтому словарь оказывается сокровищницей, где собраны единицы, воплощающие антропо- и этноцентричный взгляд на мир.

Безусловно, не все единицы словаря в равной мере “этноцентричны”. Е.М.Верещагин и В.Г.Костомаров выделяют особые “этнокультурные языковые единицы”, в которых наиболее ярко проявляются специфические черты нации. В число таких этнокультурных единиц входят: 1) собственные имена: *Акакий, Вилена*; 2) слова, обозначающие понятия-реалии, т.е. понятия, обобщающие события, качества, свойства, присущие данному народу в определенную эпоху: *масленица, раскулачивание, коллективизация*; 3) слова, обозначающие предметы-реалии: *самовар, микроволновка*; 4) слова, коннотация которых содержит важную страноведческую информацию [Верещагин, Костомаров 1983]. Остальная часть лексикона, не являясь столь явным выразителем национального своеобразия, тем не менее отражает вербализованное представление определенного языкового коллектива о различных сторонах окружающего мира. Язык интерпретирует действительность, и интерпретация обусловлена специфичностью условий жизни и деятельности того или иного народа и особенностями нацио-

нального характера. Например, Г.Д. Гачев, сравнивая болгарский и русский образы мира, показывает их различие на примерах языкового представления “пространства”. Русский образ пространства представляет собой горизонтальное движение, однонаправленную бесконечность, а модель русского движения – это дорога. Болгарский образ пространства – круглый, замкнутый космос, а модель движения – вырастающий стебель [Гачев 1988: 117; 1995: 223]. Таким образом, в результате взаимодействия человека с внешним миром складываются его представления об этом мире, некая картина мира – модель, общая для всех представителей той или иной культуры и навязываемая в качестве обязательной всем носителям языка. В самом общем виде модель мира определяется как “сокращенное и упрощенное отображение всей суммы представлений о мире в данной традиции” [Цивьян 1990: 5]. Эта модель “наивна” в том смысле, что во многих существенных деталях отличается от научной картины мира, но она не менее сложна. “В наивной картине мира можно выделить наивную геометрию, наивную физику пространства и времени... наивную этику, наивную психологию и т.п.” [Апресян 1995: 39]. Наивная картина мира (наивный реализм, по терминологии Р.Халлига и В.Вартбурга) находит отражение в языковой картине мира – специфической для данного языкового коллектива схеме восприятия действительности [см.: Яковлева 1994: 9], т.е. в каждом естественном языке отражается определенный способ восприятия мира. “В способе мыслить мир воплощается цельная коллективная философия, своя для каждого языка” [Апресян 1986: 5]. Лексика, словарный состав языка в целом, как непосредственно связанная с окружающим человека миром, с социально-историческим опытом нации, с культурно-национальными особенностями говорящего на языке коллектива, способна отражать наивную картину мира. По словам Г.Пауля, все явления, так или иначе затрагивающие душу человека: строение организма, окружающая природа, вся культура, весь опыт и переживания – все это оказывает влияние на язык [Пауль 1960].

При вербальном кодировании обозначение в виде отдельных лексических единиц получает то, что играет важную роль в жизни человека (нации), что является ценностным для него. “Семан-

тическая плотность той или иной тематической группы слов, детализация наименования, выделение смысловых оттенков являются сигналами лингвистической ценности внеязыкового объекта, будь то предмет, процесс или понятие” [Карасик 1996: 4]. Место любой реалии в системе культурных ценностей – независимо от того, принадлежит эта реалия нерукотворному миру или создана руками человека, – может быть определено лишь через ту роль, которую она играет в жизни людей. Через восприятие человека дается толкование большинства слов. Еще Ч.Пирс считал, что в понятия *тяжелый, прочный, твердый* входят представления о человеке, потому что потенциальный каузатор перемещения, деформации, разрушения – человек [см.: Апресян 1986: 31]. Р.И.Розина приводит примеры слов, также обладающих антропоцентрическими значениями: *верх–низ, хаос–порядок, правый–левый*, а также *парк*, (он создан руками человека), *роща* (человек может обойти, пройти ее, охватить взглядом границы) [Розина 1991: 52]. Именно на этом основании мы можем говорить об антропоцентричности словаря, именно потому можем, анализируя лексические значения, выявить важные для человека сферы, то, что является для него знаниями “первого эшелона” (А.А.Уфимцева), т.е. знания об объектах физического мира, об их пространственных и вещественных характеристиках, знания о самом человеке. Слова с ЛС мы рассматриваем не в рамках лексической системы как таковой (семантические поля, лексико-семантические группы и пр.), а с позиций антропоцентрической интерпретации, то есть для нас важен вопрос не о том, каковы связи и отношения этих слов с другими однопорядковыми единицами, а о том, каковы связи между этими словами и вещным миром, как ментальный образ вещного мира организует систему ЛС.

Лимитирующая семантика, будучи обращенной в окружающий мир, являясь той частью значения, которая отражает чувственно-наглядные представления об именуемой реалии, а также связь данной реалии с определенными жизненными и культурными ситуациями, представляют интерес в лингвокультурологическом аспекте. Поскольку в них зафиксирована информация, важная с точки зрения “наивной” языковой личности – адресата словаря, то, опираясь на конкретное содержание ЛС, можно выявить, ка-

кие именно материальные и духовные объекты обладают “лингвистической ценностью” для русского языка. Не претендуя на глобальные выводы о русской картине мира, мы можем, как нам кажется, на основе анализа ЛС выделить наиболее важные для русской общности и культуры участки действительности и сферы социальной жизни (допуская, что здесь много универсальных черт).

Денотативно-конкретизирующие и ситуативно-конкретизирующие ЛС передают различную информацию о действительности. Денотативно-конкретизирующие ЛС отражают реальные свойства объекта и реальные объекты соответствующих признаков и действий. Ситуативно-конкретизирующие ЛС дополняют знания об объективно существующей реальности сведениями о социально-культурном и историческом контексте ее существования, а также уточняют некоторые элементы соответствующих ситуаций. Специфика каждого вида ЛС требует соответствующей методики анализа. В настоящем исследовании мы обратимся к анализу денотативно-конкретизирующих ЛС.

2.2. Система лимитирующих сем как отражение национального восприятия вещного мира

В исследовании лексики как системы в последнее время основополагающей стала мысль об обусловленности ее организации единством внешних и внутренних факторов. При этом все более акцентируется внимание на обращенности лексической системы к внеязыковой действительности. Главным фактором, формирующим лексическую систему, признаются отношения самой действительности, соответствующим образом преломленные в языковой системе. С указанной особенностью согласуется ономасиологический подход в исследовании лексики. Денотативная направленность названной разновидности конкретизирующих ЛС обуславливает их исследование с точки зрения ономасиологической. В современном языкознании существует широкая и узкая трактовка ономасиологии. В узком понимании ономасиология – это учение о процессах называния словом и лексической объективации понятий [см.: Кубрякова 1986: 90]. В широкой трактовке ономасиологический подход предстает преж-

де всего как отражательный. Ср.: "...провести ономаσιологический подход, то есть соотнести данное наименование, через его значение, с объективной действительностью" [Уфимцева 1986: 141; см. также: Бацевич 1993; Ономаσιологические аспекты 1993]. Мы также придерживаемся широкого понимания ономаσιологии. Исследование ЛС в ономаσιологическом аспекте, то есть в плане отношения этой части семемы к экстралингвистическим данным – к миру и человеку, позволит выявить сферы, наиболее значимые для практической деятельности этнической группы, поскольку ЛС отражают типовые признаки объектов и ситуаций, стихийно складывающиеся, закрепленное в коллективном сознании представление о внешнем мире.

Денотативно-конкретизирующие ЛС входят в значение предметных и признаковых имен, но различаются по своему конкретному содержанию. Семантика предметных имен в значительной степени автономна, дискретна, что объясняется свойствами денотата. "Оно (значение. – *О.М.*) гетерогенно и складывается из представления, обобщенного образа (стереотипа класса), разнохарактерной информации о классе предметов, случайных впечатлений, сведений утилитарного толка и т.п. – словом, всего того, что связывается в сознании человека с предметным миром" [Арутюнова 1980: 186]. Понятийная часть значения предметных имен имплицитно различает классификационные свойства объектов – "мазки в картине" (Н.Д. Арутюнова), число которых "так же безгранично, как бесконечно число свойств предмета" [Арутюнова 1976: 335]. Однако каждый класс объектов обладает определенными диспозиционными свойствами, например физическими параметрами, практическим применением и т.п., которые входят в коллективное языковое сознание как отражение прототипа. Такие свойства объективируются в виде ЛС. Таким образом, в семемах существительных денотативно-конкретизирующие ЛС отражают разнообразные аналитические признаки именуемого объекта.

В семемах признаковых имен денотативно-конкретизирующие ЛС служат отражением объектов предметной сферы. На отдельные именные черты глагольного слова указывали еще В.В.Виноградов [1972], И.И.Мещанинов [1978], А.М.Пешковский [1956], А.А.Потебня

[1958], А.А.Шахматов [1927]. А.А.Уфимцева [1986] выделила классы глаголов, ориентированные на субъект и/или объект. Р.М.Гайсина [1981] говорит о субстанциональных семах в значении глагола, которые образуют второй ряд семной иерархии и отражают участников ситуации. На необходимость разработки вопроса о том, как проявляется естественно-природная таксономия типа “Человек – Животное – Растение – Вещь” в языковых единицах с признаковым значением, указывал Ю.С.Степанов [1981]. В работах Ф.С.Бацевича выделены функционально-ономасиологические классы глаголов с определенными типами субъектов [Бацевич 1993; Бацевич, Космеда 1997]. Группы глаголов по денотативному содержанию специализированной неодушевленно-субъектной семы выделены автором в работах: [Михайлова 1984; 1985].

Денотативно-конкретизирующие ЛС в семемах глаголов очерчивают область референтной приложимости действия–состояния и в силу своей природы указывают на конкретный тип субъекта (источник производимого действия–состояния) либо объекта (предмет материального или идеального мира). Номинация действия, состояния, процесса относительно субъекта или объекта разграничивает глаголы на два семиологических разряда – субъектные глаголы и объектные глаголы [Курицына 1977; Уфимцева 1980; 1986; Филатова 1978]. Безусловно, все объектные глаголы также предполагают связь действия с его субъектом, ибо для того, чтобы отразить различные ракурсы сцепления действия и предмета, одного элемента логико-семантической связи “действие–объект” недостаточно, необходимо максимальное развертывание модели “субъект–действие–объект”. Другими словами, предметная сема, указывающая на лицо (или другой семантический субъект), производящее данное действие, присутствует и в каждом объектно ориентированном глаголе. В силу своей обязательности сема ‘субъект действия’ находит свое отражение в морфологии глагола, в таких его категориях, как лицо и залог. Естественно, что в словарях, описывающих глагол прежде всего как лексическую единицу, особых указаний на связь любого личного глагола с производителем действия не дается. Исключение составляют глаголы, субъект действия которых конкретизирован, ограничен субстанциями определенного харак-

тера, и эта ограниченность как бы “записана” в семной структуре таких глаголов. Как показали наши материалы, денотативное содержание субъектных и объектных сем в семемах глаголов совпадает, поэтому на данном этапе анализа мы не разграничиваем субъект и объект, но при подаче материала группируем примеры с субъектной или объектной ориентацией.

Опираясь только на онтологические свойства предметов реальной действительности, мы выделили разновидности денотативно-конкретизирующих ЛС в глагольных и атрибутивных семемах, которые являются основой для выделения референтно-отражательных классов. Референтно-отражательными мы называем классы признаков имен (глаголов, прилагательных), объединенных общей денотативно-конкретизирующей ЛС.

Лимитирующие семы в семемах глаголов

Онтологические свойства окружающих нас субстанций чрезвычайно разнообразны, поэтому нельзя предложить одну всеохватную классификацию. Денотативно-конкретизирующие ЛС, содержащиеся в глагольных семемах, настолько различны, и число их столь велико, что оказалось необходимым обратиться к синоптической схеме картины мира, предложенной Р.Халлигом и В.Вартбургом [см.: Караулов 1976: 56—257]. Наложив указанную схему на свои материалы и скорректировав ее в соответствии с имеющимися ЛС, мы получили следующую многоуровневую классификацию. На первом уровне выделяются 3 наиболее крупных референтно-отражательных класса: *человек*, *живой мир* (органическая материя, исключая человека), *неживой мир* (неорганическая материя). Первый класс включает глаголы, имеющие несколько разновидностей ЛС и, следовательно, представляющие несколько референтно-отражательных подклассов: *лицо*, а также части человеческого тела (*мемброфакты*) и различные проявления интеллектуальной и эмоциональной жизни человека (*ментофакты* и *психофакты*). Второй класс – *живой мир* – объединяет глаголы двух референтно-отражательных подклассов с такими ЛС: представители животного мира (*бестииафакты*) и представители растительного мира (*грамминафакты*, или *фитофакты*). Третий класс также делится на подклассы, один из которых

объединяет глаголы с денотативно-конкретизирующими ЛС, обозначающими *натурфакты*, а другой – глаголы с ЛС, имеющими *артефакты*. В каждом классе и подклассе представлены ЛС различного содержания и разные по степени ограничения Анализ конкретного содержания ЛС позволит, как нам кажется, выявить значимые для русского языкового сознания объекты окружающего мира. Рассмотрим каждый класс.

Класс первый. Человек

ЛС 'человек'

Осваивая и классифицируя мир, человек отталкивается от себя самого как точки отсчета. Он ставит себя в центр и мыслит себя динамическим, деятельным существом. Именно поэтому в языке имеется огромный массив глагольной лексики, называющей действия–состояния, присущие со всей определенностью только человеку: это интеллектуальные и речевые действия, а также многие состояния – знания, эмоции, мнения, желания, восприятия. Семемы таких глагольных слов имплицитно содержат ЛС 'человек', однако она не фиксируется в словаре по причине абсолютной известности. Вместе с тем есть словарные дефиниции, включающие КО *человек* или *люди*. Это наблюдается в тех случаях, когда ЛС входит в неосновной лексико-семантический вариант, переносное значение: *стечься* 2. перен. 'сойтись, съехаться в одно место (о людях)'; *свежесть* 3. 'приобрести свежий, здоровый вид (о человеке)'; *задичать* 2. 'отвыкнуть от людей, от общества (о человеке)'; *выползти* 1. // 'выбраться откуда-л. ползком (о людях)'; *грудиться* 1. // 'толпиться, тесниться (о людях)'; *уродиться* 2. 'появиться на свет (о человеке)'; *пропариться* 1. // 'Подвергнуться действию пара в бане (о человеке)'; *клохтаться*, *крякать*, *мычать* со значением 'издавать звуки' (о человеке)'.

Подобных случаев крайне мало. И объясняется это, на наш взгляд, не семантическими, а лексикографическими причинами. Формальный лексикографический показатель используется только в дефинициях, которые имеют обобщенный характер, и из них нельзя однозначно понять, что данное действие приписывается лицу. Это еще одно доказательство в пользу нашего вывода о том, что составители словарей меняют точку зрения, и в данном случае они стано-

вятся на позицию рядового носителя языка. В целом, ЛС ‘человек’, несмотря на то что она имплицитно присутствует в семемах множества глагольных слов, не объективируется в словарях.

Динамические признаки, обозначенные глаголами, в семемах которых есть ЛС ‘человек’, ‘люди’, характеризуют человека как живое существо, как индивида, а его социальная природа при этом как бы остается в стороне. Однако языковое сознание выделяет некоторые действия, присущие не всему классу ‘человек’, а лишь какой-то группе людей, объединенных определенным признаком – возрастным, половым, профессиональным. В таких случаях ЛС приобретает более конкретный характер, более узкую референцию, что оказывается важным и поэтому обязательно находит отражение в словаре. В русском языке выделяются ЛС ‘женщина’ и ‘мужчина’ в значениях слов сексуальной и матримониальной сферы (хотя это наблюдается не во всех языках, ср. английское *to marry* ‘жениться, выходить замуж’): *жениться* ‘вступить в брак (о мужчине)’; *идти* ‘вступать в брак (о женщине)’; *отдаться* ‘вступить в половую связь с кем-л. (о женщине)’; *выдать* ‘устроить брак, позволить или понудить выйти замуж (женщину)’; *соблазнить* ‘добиться обладания (женщиной, девушкой)’; *умыкнуть* ‘похитить (девушку) с целью заключения брака’.

По возрастному признаку в языковой картине мира выделена группа ‘дети’: *избегаться*, *избаловаться*, *сосать*, *обмараться*, *лепетать*, *лопотать* (о детях); *щебетать* ‘говорить быстро, бойко, звонко (обычно о детях и женщинах)’; *убаюкать*, *подкинуть* (ребенка).

Гораздо чаще языковое сознание характеризует человека как социальную личность, и поэтому субкатегоризация ЛС ‘человек’ в русском языке основывается на общественно значимых признаках лица:

– профессиональный признак: *траверсировать* ‘переходить по маршруту, проходящему по гребню горного хребта, с преодолением ряда вершин (об альпинистах)’; *истисаться* ‘утратить способность к свежему оригинальному творчеству (о писателе, художнике, композиторе)’; *сжиться* ‘работая над ролью, перевоплотиться в создаваемый художественный образ (об актере)’; *слетаться* ‘приобрести

слетанность (о летчиках)';

– социальная роль: *разойтись* 'перестать жить совместно (о супругах)'; *выносить* 'проносить в себе ребенка до родов (о матери)'; *обезземелить* 'лишить земли (крестьянина)'; *облачить* 'одеть (священнослужителя)'; *вызвать* 'предложить (учащемуся) отвечать'; *доложить* 'сообщить, известить о приходе (гостя, посетителя)'; *снять* 'удалить, убрать с парохода, поезда (пассажиров, команду)'; *добить* 'окончательно разгромить, уничтожить (врага)'; *выскачать* 'выследив, разыскать (преступника, виновного)'.

Кроме того, как показали материалы, для наивной картины мира важным оказывается физическое состояние лица: ряд глаголов содержит ЛС 'больной', помимо этого встретились: *проспать* 'прийти в трезвое состояние после сна (о пьяном)'; *кормить* 'помогать кому-л. в еде (обычно не могущему есть самостоятельно)'; *откачать* 'привести в чувство (утопленника), делая ему искусственное дыхание'. Примечательно, что ЛС отражают только такие состояния, которые квалифицируются сознанием как отклонения от нормы – болезнь, физическая немощь, недееспособность. Это перекликается с выводами, полученными О.П. Ждановой в результате исследования семантики русских глаголов, обозначающих поведение, ср.: "...класс глаголов поведения (более 450 единиц) дает обобщенное представление о том, как не нужно себя вести... В содержании данных глаголов по существу обобщаются реальные факты, прецеденты, которые квалифицируются русским национальным сознанием как отклонения от общепринятых правил, норм и ценностей" [Жданова 1997: 186].

Итак, в сфере глагольной лексики может быть выделен референтно-отражательный класс "человек", демонстрирующий антропоцентричность мировосприятия: в центре находится человек со всеми его физическими действиями и психическими состояниями, формами социального существования. ЛС обобщенного характера, охватывающие своим содержанием весь класс "человек", обычно не находят отражения в словарных толкованиях. Более важными для носителя языка являются ЛС конкретного характера, выделяющие определенную группу людей. Для русского человека, как показали материалы, значимым оказывается небольшое число признаков, по которым можно выделить подгруппы лиц: по принадлежности к биоло-

гическому полу, по возрастному признаку, по физическому состоянию, по профессии, по социальной принадлежности. Каждая референтно-отражательная подгруппа представлена небольшим числом глагольных лексем с вполне определенным сигнификативным содержанием: признак пола оказывается существенным для глаголов, именующих действия, связанные с супружеством и материнством (как абсолютно женской области); социальный и профессиональный признаки важны при обозначении конкретных действий и атрибутов, специфических для данной сферы, например: хождение по горным вершинам для альпинистов (*траверсировать*), связь с землей крестьянина (*обезземелить*), специфический характер процесса “покрывания одеждой” священнослужителей и некоторая торжественная ритуальность (*облачить*). Таким образом, можно сказать, что между сигнификативным значением глагола и содержательным наполнением ЛС существует отражательная связь.

ЛС ‘части тела’

Подобная группа выделена в словаре Халлига – Вартбурга [см.: Караулов 1976], в таксономии глаголов, предложенной Н.Ю.Шведовой [Шведова 1981: 176], а также в классификации Р.С. Ганжи, который говорит о “мембруальных действиях” (от *membrum* – тело, часть тела) [Ганжа 1970: 38]. Названия частей тела представляют весьма своеобразный класс, так как эти объекты мыслятся говорящим как действующие самостоятельно, хотя на самом деле их действия – функция более сложно организованного целого. Это сближает их с артефактами, действующими несамостоятельно, в соответствии с заранее предвиденными и конструктивно заложенными в них особенностями. Мысленное расчленение и автономность данных объектов послужили причиной выделения особой “партонимической группировки слов” [Филлмор 1983].

В данной группе встречается как альтернативные, так и специализированные ЛС, с разной степенью обобщенности. Альтернативная ЛС представлена различными вариантами в разных наборах в соответствии с выполняемыми действиями. Так, способность мимически

изменяться объединяет варианты ЛС ‘лицо’, ‘рот’, ‘губы’, ‘нос’, например: *кривиться* ‘перекашиваться в гримасе (о лице, рте, губах)’; *ежиться* ‘морщить, стягивать (губы, нос, лицо)’. Варианты ‘зубы’, ‘губы’, ‘пальцы’, ‘веки’ образуют альтернативную ЛС в семемах глаголов, обозначающих действия “соединения” и “разделения”: *сжаться, стиснуться* ‘плотно соединиться, сомкнуться (о губах, пальцах)’; *разжаться* ‘перестав сжиматься, раскрыться (о пальцах, зубах, губах)’; *разомкнуться* ‘раскрыться (о сомкнутых веках, губах)’. Довольно часто, что связано с большим разнообразием положений, которые могут принимать конечности человека, альтернативная ЛС представлена вариантами ‘руки’, ‘ноги’: *связать* ‘стянуть, спутать (руки, ноги)’; *выкинуть* ‘выдвинуть, выставить резким движением (руку, ногу)’; *отставить* ‘несколько выставить в сторону (руку, ногу)’ и пр. Примечательно, что названные варианты представляют альтернативную ЛС только в объектно ориентированных глаголах. Субъектно детерминированные глаголы этой референтно-отражательной подгруппы включают только специализированную ЛС: *обвиться* ‘обнять, обхватить (о руках)’; *подвернуться* ‘подогнуться от неловкого движения, шага (о ногах)’; *подкоситься, подломиться, подогнуться* ‘непроизвольно согнуться в коленях от внезапной слабости, усталости, потрясения (о ногах)’. В наивной картине мира разграничиваются верхние и нижние конечности как носители разных функциональных состояний, но объединяются как похожие части единого организма. Естественно, и в объектных глаголах встречаются подобные специализированные ЛС, но такие глаголы, как правило, составляют коррелятивную пару с соответствующим субъектным глаголом: *обвить* руками – *обвиться* (о руках); *подвернуть* ногу – *подвернуться* (о ногах) и пр.

Специализированная ЛС в рассматриваемой референтно-отражательной подгруппе может быть обобщенной: *болеть* ‘испытывать боль (о какой-л. части тела)’; *затечь* ‘онеметь от нарушения кровообращения (о частях тела)’; *костенеть* ‘терять гибкость, чувствительность, подвижность от холода (о частях тела)’; *отняться* ‘лишиться способности двигаться, действовать вследствие паралича (о частях тела)’; *ушибить* ‘повредить ударом (ка-

кую-л. часть тела)'. Абсолютное большинство глагольных семем этого референтно-отражательного подкласса связаны с обозначением повреждений частей тела. То же наблюдается и в семемах с менее обобщенной ЛС 'конечности': *вывихнуться* 'сместиться в суставе (о конечностях)'; *вправить* 'вставить, ввести в свое место (вывихнутые конечности)'. Специализированные ЛС конкретного содержания входят в разное число семем (от 2 до 60), в зависимости от того, каков диапазон динамических признаков, по которым может быть охарактеризован данный объект. Незначительным количеством признаков представлены субстанции *брови, спина, язык, губы, зубы, голова, грудь, кожа*, ср.: *срастись* 'соединиться у переносицы (о бровях)'; *нахмурить* 'насупить, сдвинуть (брови)'; *сутулиться, горбиться* 'становиться сутулым (о спине)'; *коснеть* 'стать малоподвижным, негибким (о языке)'; *обложить* 'покрыть (язык) при заболевании белым налетом'; *запечься* 'пересохнув, покрыться пленкой, потрескаться (о губах)'; *прорезаться* 'появиться на поверхности десны (о зубах)'; *скалиться* 'обнажаться, открываться (о зубах)'; *пломбировать* (зуб); *трещать* 'сильно ломить, болеть (о голове)'; *вздymаться* 'приподниматься, расширяясь, увеличиваясь в объеме (о груди)'; *сжаться* 'стесниться, затруднив дыхание (о груди)'; *морициться* 'собираться в морщины (о коже)'; *шелушиться, лупиться* 'сходить, отделяясь маленькими, тонкими пленками (о коже)'; *нечесать* 'повредить чесанием (кожу)'.

Более частотной является специализированная ЛС 'волосы' (более 40 лексико-семантических вариантов глаголов): *вить-ся* 'закручиваться, завиваться'; *вскосматиться* 'подняться космами'; *отрасти* 'вырасти вновь после стрижки'; *сечься* 'ломаться на концах'; *зачесать* 'причесывая, приглаживая гребнем, расположить (волосы) в каком-л. направлении'; *уложить* 'причесать каким-л. образом (волосы)'; *взъерошить* 'взлохматить, всклокочить (волосы)'. Следует заметить, что есть ряд глаголов, в значении которых ЛС 'волосы' присутствует как вариант альтернативной ЛС 'волосы, шерсть, щетина, перья'.

Наиболее широко представлены специализированные ЛС 'лицо' (23), 'глаза' (около 60). По-видимому, этот факт можно объяснить тем, что названные субстанции являются "зерка-

лом” внутреннего состояния человека, отражают движения души и богатство внутреннего мира. Дополнительным подтверждением этой мысли служит наличие в глагольных значениях сем, называющих различные эмоциональные состояния. Например: *исказиться* ‘очень сильно измениться, потерять обычный естественный вид (о лице)’; *каменеть* ‘становиться неподвижным, безжизненным (о лице)’; *опечалиться* ‘выразить печаль, огорчение (о лице)’; *расплываться* ‘стать широким от улыбки (о лице)’; *бегать* ‘быстро переходить с предмета на предмет, скользить взглядом (о глазах)’; *блестеть*, а также его синонимы *гореть, искриться, лучиться, сверкать, светиться, сиять* ‘сверкать под влиянием возбуждения или какого-л. чувства, переживания (о глазах)’; *затуманиться* ‘стать менее ясным под влиянием какого-л. чувства или застлаться слезами (о глазах)’; *излучать* ‘быть исполненным сияния, светиться чем-л. (о глазах)’; *стекленеть*, а также *погаснуть, потухнуть* ‘становиться безжизненно-неподвижным, невыразительным (о глазах)’; *вытаращить* ‘широко раскрыть (глаза) от удивления, страха, неожиданности’.

Чувства, переживания и состояния человека находят свое внешнее проявление также в улыбке, румянце (ср.: *улыбка* ‘движение мышц лица, показывающее расположение к смеху, выражающее привет, удовольствие, насмешку’; *румянец* ‘краснота от прилива крови к лицу’. Хотя в толковании слова *румянец* не эксплицирована сема ‘эмоциональное состояние’, контексты-иллюстрации позволяют со всей очевидностью ее выявить: *Румянец негодования запылал на ее бледных щеках*. (Достоевский. Село Степанчиково). Семантически лексемы *улыбка, румянец* связаны с лексемой *лицо* привативными отношениями. Они также входят в статью дескриптора ‘лицо’ в “Русском семантическом словаре” [РСС 1982]. Это послужило основанием для включения специализированных ЛС ‘улыбка’ и ‘румянец’ в описываемую группу: *вспыхнуть* ‘ярко выступить (о румянце)’; *змеиться* ‘блуждать, скользить (об улыбке)’; *расплываться* ‘появиться на лице (об улыбке)’.

Особое место в русской картине мира занимает *сердце*. Об этом свидетельствует частотность соответствующей специализированной ЛС – свыше 30 единиц. ЛС ‘сердце’ встречается в разных глагольных семемах и отражает разные представления человека об этой субстанции. С одной стороны, это центральный

орган кровеносной системы. В этом случае глаголы с указанной ЛС называют его типовую функцию – *биться* ‘быть в ритмическом движении (о сердце)’; либо некоторое отклонение от нее – *колотиться* ‘биться резкими толчками (о сердце)’. С другой стороны, эта субстанция мыслится русским человеком какместилище для его внутренней жизни, душевных переживаний, аналогичное душе (неслучайно во многих случаях ‘душа’ и ‘сердце’ выступают как варианты альтернативной ЛС). При таком осмыслении денотата ЛС ‘сердце’ входит в семантику глаголов, называющих процессы и состояния нравственных страданий: *наболеть* ‘измучиться, стать крайне чувствительным от долгих страданий (о сердце, душе)’; *встрепенуться* ‘забиться сильнее под влиянием какого-л. чувства (о сердце)’; *дрогнуть* ‘сжаться забиться (о сердце)’; *екать* ‘замирать, сжиматься от испуга, от неожиданности (о сердце)’; *стесниться* ‘болезненно сжаться (о сердце)’; *щемить* ‘ныть, болеть (о сердце)’; *истерзать* ‘нравственно измучить, истерзать (душу, сердце)’; *хранить* ‘запечатлевать, сохранять (в сердце, в душе)’. Обостренное внимание к внутреннему миру человека, к душе как морально-эмоциональному ядру личности свойственно, как неоднократно отмечалось исследователями, преимущественно русскому языку [см., например: Wierzbicka 1992; Урысон 1995]. Наличие такого референтно-отражательного подкласса перекликается с выводами о душе и сердце как национально значимых субстанциях, свидетельствует о многогранных возможностях языкового воплощения концепта ‘душа’.

Практически все глагольные значения с этой ЛС отражают страдания, нравственные и физические. Вообще следует заметить, что глаголы с ЛС рассматриваемой группы гораздо чаще обращены своими значениями в область отрицательных для человека действий. Поэтому в языке зафиксированы и такие объекты, как повреждения частей тела, болезненные образования на теле человека. Представления о них входят в семантически значимую зону, о чем свидетельствует наличие специализированной ЛС. Ассоциативно подобные объекты связаны с частями тела, поэтому мы включили их в одну группу. Здесь встретились следующие референтные разновидности: *рассосаться* ‘опасть, исчезнуть вследствие поглощения окружающей здоровой средой (об опухоли, кровоизлиянии)’; *вскочить* ‘быст-

ро возникнуть, вздуться (о синяке, прыще); *растянуть* ‘повредить чрезмерно сильным натяжением (связки, сухожилия)’; *зиять* ‘быть раскрытым (о ране)’; *зажить*, *зарасти*, *зарубцеваться* ‘исчезнуть (о ране)’; *залечь*, *собраться* ‘резко обозначиться, образоваться (о морщинах)’ и под.

ЛС ‘чувства’, ‘мысли’

Выделенная группа отличается от предыдущих тем, что здесь представлены имена абстрактного значения. Вместе с тем названия психической жизни человека “далеки от пропозитивной семантики, тесно связанной с временными и видовыми параметрами, характеризующими событие” [Арутюнова 1976: 94]. Эти имена обозначают как бы “предметы” психического мира, существующие и действующие по аналогии с объектами вещного мира. Именно этот факт, как нам кажется, объясняет наличие референтно-отражательного подкласса глаголов с соответствующей ЛС.

В данной группе представлены альтернативные ЛС, имеющие варианты ‘мысли’, ‘чувства’. Это вполне закономерно, так как, согласно теории отражения, чувственное и рациональное – это две формы, две ступени познания; кроме того, чувство часто сопряжено с мыслью, порождено мыслью и существует одновременно с нею. Поэтому в языке мысли и чувства характеризуются общими свойствами: *блеснуть* ‘внезапно появиться, мелькнуть (о мысли, чувстве)’; *закрасться* ‘появиться (о мыслях, чувствах)’; *посетить* ‘вдруг появиться у кого-л. (о мысли, чувстве)’; *хлынуть* ‘появиться во множестве (о мыслях, чувствах)’; *владеть* ‘подчинять себе, охватывать (о мыслях, чувствах)’; *преследовать* ‘не оставлять кого-л., вопреки его желанию (о мысли, чувстве)’; *грызть* ‘терзать, мучить, тревожить (о мыслях, чувствах)’; *шевелиться* ‘беспокоить, тревожить (о чувствах, мыслях)’; *скрестить* ‘беспредостанно беспокоить, мучить (о мысли, чувстве)’; *мельть* ‘становиться незначительным, ничтожным (о мыслях, чувствах)’; *высказать* ‘выразить, передать словами (мысли, чувства)’; *лелеять* ‘любовно вынашивать (мысль, чувство)’; *угасить* ‘заглушить, подавить (чувства, мысли)’. Глаголы, содержащие такую альтернативную ЛС, имеют чаще сигнификативное значение ‘возникновение’, ‘воздействие на человека’, ‘исчезновение’. Каждый из вариантов альтернативной семы в определенных глагольных семемах выступает

как специализированная ЛС, то есть в этой группе специализированные ЛС бывают двух видов – обозначение результатов речемыслительной деятельности и эмоциональной деятельности.

Поскольку внутренний мир человека моделируется по образцу внешнего материального мира [см.: Арутюнова 1976], постольку специализированные ЛС входят в абсолютном большинстве во вторичные, переносные, значения глаголов конкретного действия. Так, специализированная сема ‘мысли’ входит преимущественно в семемы глаголов движения, обозначая ‘процесс протекания мысли, речи’: *течь, плыть, бродить, блуждать, лететь, разбредаться, разбежаться, пролететь* (о мыслях), *прокатиться, пройти* (о вестях, слухах). Кроме того, глаголы движения могут развивать под воздействием ЛС ‘мысль’ вторичные значения, которые Н.Д.Арутюнова определила как “путь”, соединяющий “человека (или его голову как резиденцию мыслей) и витающую в мировом пространстве и изредка навещающуюся в свои резиденции мысль”, а также ““путь” мысли от человека к предмету (теме) его размышлений” [Арутюнова 1976: 165]. Например: *вторгнуться, вкорениться, придуматься, обступить, рожаться, унести, перенестись, переметнуться, перейти, перескочить, остановиться* и под.

Имена чувств регулярно входят в качестве специализированной ЛС во вторичные значения глаголов, так называемых “жидкостных” предикатов [см.: Шмелева 1983], что связано с представлением чувства как жидкости, идущим еще из библейской мифологии и относящимся к “области общелитературной семантики дворянского быта (конца XVIII и начала XIX века), отзвуки которой очень сильны и в современной литературной речи” [Виноградов 1935: 257]: *кипеть, закипать, захлестнуть, брызгать, клокотать* и под. Множество разнообразных по семантике глаголов характеризуют чувство как “существо”, способное “жить”: *дразнить, подниматься, ожить, нагнать, бороться, зашевелиться, душить, отпустить, улечься*. Все подобные глаголы имеют ЛС ‘чувство’ только во вторичных, метафорических лексико-семантических вариантах. На это обратила внимание Н.Д. Арутюнова, справедливо заметив, что область предикатов, обслуживающих названия элементов психической жизни

ни, формируется из слов, “заимствованных из принципиально разных семантических сфер: области предикатов имен предметов и веществ, атрибутов, раскрывающих свойства стихий и сил природы, области предикатов абстрактных (событийных) имен, и, наконец, слов, предиктируемых к именам лиц”, и связано это с потребностью человека “в разработке точных и тонких способов сообщений о мире души” [Арутюнова 1976: 110–111]. В такой подробной разработке психической жизни со всей полнотой проявляется национальная особенность русского языка, о которой уже писалось в литературе. Сравнивая языковые средства выражения эмоций в русском и английском языках, А. Вежбицкая отмечает, что, хотя антропологи часто говорят об английском языке как о крайне сосредоточенном на эмоциях и исключительно богатом словами, выражающими эмоции, в сравнении с ними русский язык “выступает как язык, уделяющий эмоциям гораздо большее внимание” [Вежбицкая 1996: 44]. При этом в русском языке о чувствах говорится как об активном начале – русские активно и вполне сознательно “отдаются во власть стихии чувств”, тогда как “сама идея активности и ее языковое воплощение, видимо, абсолютно несвойственны и даже чужды англо-саксонской культуре” – англичане обычно не говорят о своей “охваченности” тем или иным чувством [там же]. Эта мысль исследователя находит подтверждение в системе ЛС: анализируемый референтно-отражательный класс в большей степени представлен субъектно ориентированными глаголами, обозначающими “воздействие” на человека чувства как самостоятельной субстанции.

Еще одна особенность русского менталитета, проявляющаяся в этой области, связана с внешним выражением чувства. Если англо-саксонская культура «обычно смотрит на поведение, без особого одобрения оцениваемое как “эмоциональное”, с подозрением и смущением» [Вежбицкая 1996: 41], то для русской культуры внешнее проявление душевного состояния человека вполне естественно и в некоторой степени даже необходимо. По этой причине в русском языке немало глаголов, объединенных общим признаком ‘внешнее выражение эмоций’, и многие из них имеют специализированные ЛС, такие как

‘улыбка’, ‘румянец’, ‘глаза’, ‘лицо’, ‘сердце’, ‘душа’ (см. выше), то есть обозначают те субстанции, которые традиционно определяются как “органы духовных чувств”, тогда как в современном английском языке, по наблюдению А Вежбицкой, исчезает, уходит на периферию целый семантический класс глаголов с подобным значением.

Итак, первый референтно-отражательный класс глаголов имеет, по нашим материалам, три подкласса, в каждом из которых выделяются референтно-отражательные группы в соответствии с содержанием денотативно-конкретизирующих ЛС.

Глаголы, формирующие референтно-отражательный класс *человек*, могут быть как субъектно, так и объектно ориентированными. Но подавляющее большинство единиц этого класса входит в разряд субъектных глаголов. Человек живет и действует, а следовательно, и мыслит себя как активное существо. Разряд объектных глаголов представлен в данном референтно-отражательном классе значительно беднее, потому, вероятно, что выделение человека как специализированный объект определенных воздействий не входит в ментально значимую сферу. Вместе с тем есть вполне определенные группы лиц, которые мыслятся русским языковым сознанием как зависимые. Это женщины, дети, физически немощные люди. Данная особенность мировосприятия закономерно проявляется в том, что ЛС, называющие такие группы лиц, оказываются включенными в семемы объектно ориентированных глаголов.

Части тела, как мы уже писали, представляют специфический объект, который мыслится как самостоятельный, являясь при этом частью неразъемного целого. Подобная двойственность предопределила наличие среди глаголов референтно-отражательного подкласса “части тела” как субъектно, так и объектно детерминированных семем, которые достаточно регулярно образуют коррелятивные пары.

Глаголы, содержащие ЛС ‘чувства, мысли’, в абсолютном большинстве входят в разряд субъектных, и в этом проявляется очень важная особенность русского мировосприятия – самостоятельность и активность эмоционального начала.

ЛС ‘животное’

Референтно-отражательный подкласс глаголов с названной ЛС значительно больше подкласса глаголов с ЛС ‘человек’, что объясняется, вероятно, разнообразием животного мира. Р.С.Ганжа называет такие единицы глаголами “бестимальных действий” (от *bestia* – животное, зверь) [Ганжа 1970].

ЛС, ставшая основанием для выделения данной группы, может быть и обобщенной, и конкретной. Обобщенная ЛС “животное” не столь частотна, как конкретные ЛС разного уровня категоризации, она встречается в следующих глагольных семемах: *грызться* ‘кусать друг друга (о животных)’; *трусить* ‘бежать мелкой рысцой (о лошади и других животных)’; *сдохнуть*, *издохнуть* ‘умереть (о животных)’; *служить* ‘стоять на задних лапах, вытянув или подняв передние (о некоторых животных)’; *жировать* ‘кормиться, резвась, гуляя (о звере, птице, рыбе)’; *мышковать* ‘охотиться за мышами (о животных)’; *вскормить*, *вспоить* ‘кормя, вырастить (животное, птицу)’; *вывести* ‘вырастить, создать (породу животных, птиц)’; *надрессировать* ‘обучить чему-л. (животное) посредством дрессировки’; *наколоть* ‘закалывая, убить в каком-л. количестве (животных, птиц)’ и др.

Обобщенная ЛС ‘животное’ нередко соседствует с ЛС ‘человек’ в семемах глаголов, обозначающих действия живых существ вообще: *выползти*, *съежиться*, *ходить* – о человеке, животном. В значении глагола *задичать* ‘отвыкнуть от людей, от общества’ объединяются ЛС “человек” и “домашнее животное” на основании признака ‘живущий в окружении людей’.

Столь же обобщенной является ЛС ‘птицы’, но она встречается чаще, чем ЛС ‘животное’, вероятно потому, что в наивной картине мира человек в большей степени дифференцирует животных, а птиц воспринимает как единое сообщество. Поскольку роль птиц в жизнедеятельности человека несущественна, их прагматическая ценность невелика, постольку нет необходимости называния того или иного представителя орнитофауны, достаточно выделения класса птиц в целом: *гнездиться* ‘жить, устраивать гнезда (о птицах)’; *порхать* ‘легко перелетать с места на место (о птицах, бабочках)’; *клевать* ‘есть, хватая пищу клювом (о птицах)’; *бить* ‘издавать прерывис-

тые звуки (о пении некоторых птиц)'; *токовать* 'производить особые движения, издавать крики, петь, подзывая самку в период спаривания (о самцах некоторых птиц)'; *нахохлиться* 'взъерошить, поднять перья (о птицах)'; *вывести* 'произвести на свет детенышей (о птицах)'; *щипать* 'выдергивать перья, пух (у птиц)' и др.

ЛС 'рыбы' наименее частотна в глагольных значениях. Это можно объяснить, вероятно, тем фактом, что названная разновидность животных воспринимается человеком еще более однородно, чем птицы, и поэтому наивное языковое сознание выделяет очень небольшой ряд действий–состояний, связанных с рыбами: *клевать* 'хватать приманку на удочку (о рыбе)'; *хватать* 'клевать (о рыбе)'; *уснуть* 'перестать дышать (о рыбе)'; *удить* 'ловить удочкой (рыбу)'; *наглушить* 'глуша, добыть (рыбу) в каком-л. количестве'; *лучить* 'бить (рыбу)'. Никаких субкатегорий среди ихтионимов не обнаружено.

В той же степени обобщенно и однородно представлена в глагольных семемах ЛС 'насекомые', причем часто эта ЛС является одним из вариантов в альтернативных ЛС, наряду с ЛС 'птицы' или 'животные': *жужжать* 'производить однообразно дребезжащий звук крыльями при полете (о насекомых)'; *толочься* 'беспрестанно двигаться вверх, вниз, держась роем, друг около друга (о насекомых)'; *засидеть* 'запачкать испражнениями (о насекомых, птицах)'; *дохнуть* 'околевать (о животных, насекомых)'; *есть* 'портить, уничтожая, грызя (о насекомых, грызунах)' *давить* 'прижимая, придавливая, убивать (насекомых)' и др.

Единственный вид насекомых, получивший особое место в языковой картине мира, – это пчелы, которых русский человек использовал с глубокой древности: *роиться* 'скопляться вокруг матки, образуя новый рой (о пчелах)'; *червить* 'откладывать яйца (о пчелах)'; *нажалить* 'сильно искушать (о пчелах, осах)'.

Глаголы, имеющие в семантике ЛС 'птицы', называют все особенности существования пернатых: организация жилья – *гнездиться*; способ передвижения – *порхать*, *выпорхнуть*, *запорхнуть*, *вспорхнуть*; способ добывать/принимать пищу – *клевать*, *исклевать*, *долбить*; особенности издаваемых звуков (хотя именно в этой группе глаголов обнаруживается дифференциация птиц) – *бить*, *галдеть*, *кликать*; особенности производить потомство – *нанести*,

вывести, выклевываться, проклюнуться, вылупиться, вывести.

Глаголы из подгруппы, связанной ЛС ‘животные’, столь же разнообразны по семантике, обозначают практически те же особенности существования, но здесь со всей определенностью и проявляется та дифференциация животных, которая отличает их от птиц, то есть особенности жизни и поведения характерны не для всего класса ‘животные’, а для некоторых видов. Поэтому в языке обнаруживается много глагольных семем с ЛС, обозначающих конкретные виды животных. Степень индивидуализации имен животных зависит от роли, которую эти животные играли (и играют) в хозяйственно-экономической жизни, а также от традиций языкового коллектива.

Субкатегории ‘домашние животные’ и ‘дикие животные’ имеют более низкую степень абстракции, чем категория ‘животные’, но все же достаточно высокую. ЛС “домашние животные” встречается чаще, чем “дикие животные”, потому, возможно, что домашние животные представляют часть близкого окружающего мира, входящего в зону “дом”, которая является центром жизни человека. И поэтому все, что связано с домом, прорабатывается языком более тщательно. Это относится и к домашним животным. Например: *зарезать* ‘убить на мясо (домашнее животное)’; *выпустить* ‘выгнать куда-л. откуда-л. (скот)’; *паст* ‘выпускать (скотину или птицу) на подножный корм’; *нагулять* ‘откормить на пастбище (скот)’.

Дикие животные имеют для человека меньшую значимость. Как показали словарные материалы, среди диких животных в русском языковом пространстве выделяется только подгруппа хищных животных, а глагольные лексемы называют действия, представляющие опасность для человека: *драть, задрать* ‘убить, растерзать (о хищнике)’; *зарезать* ‘загрызть (о хищных животных)’; *когтить* ‘рвать, терзать когтями добычу (о хищных птицах)’.

Поскольку животный мир чрезвычайно богат и разнообразен, многие виды и семейства животных способны выполнять специфические действия, важные для человека. Специфичность действий, с одной стороны, и значимость их в жизни человека, с другой, становятся причиной появления в языке отдельных подгрупп, в которых ЛС имеют конкретное содержание. По материалам русского языка

(допускаем, что это универсальное явление) специализированные ЛС отражают только виды домашних животных и птиц. Исключение составляют оноματοпозитические глаголы, в которых присутствуют специализированные и альтернативные ЛС, указывающие как на домашних, так и на диких животных и птиц.

На основе анализа ЛС и значений глаголов, включающих данные ЛС, можно выявить когнитивные стратегии именования в языке, то есть установить, какие именно свойства воспринимает и отражает человек, связывая их с определенными животными. Оказывается, разные виды животных и птиц характеризуются достаточно однотипно по нескольким свойствам.

1. Звуки, производимые животными: *гоготать* ‘издавать резкие отрывистые звуки, похожие на звуки “го-го-го” (о гусях)’; *ворковать* ‘издавать переливчатые звуки (о голубях)’; *дергать* ‘издавать отрывистые резкие звуки (о коростеле)’; *ржать* ‘издавать ржание (о лошади)’; *скулить* ‘жалобно повизгивать (о собаке)’; *грать* ‘издавать громкие беспорядочные крики (о воронах, грачах, галках)’; *ворчать* ‘издавать негромкие, низкие звуки, выражающие недовольство (о собаке)’. В толковых словарях ЛС, обозначающая конкретное животное, способное издавать соответствующий звук, не всегда эксплицируется в дефиниции данного глагола. Например, в МАС многие толкования оноματοпозитических глаголов имеют отсылочный характер, типа *блеять* ‘издавать блеяние’; *мычать* ‘издавать мычание’; *мяукать* ‘издавать мяуканье’ и под. А ЛС манифестируются в дефиниции соответствующего существительного. Это, однако, не означает, что в семеме глагола нет ЛС. Здесь мы имеем дело лишь с лексикографической субъективностью, что подтверждается, в частности, данными других словарей. Ср. в ССРЛЯ: *блеять* ‘издавать дрожащие, прерывистые звуки (об овцах и козах)’; в БАС: *мычать* ‘издавать протяжные звуки “му-му”’. О корове, быке и некоторых других животных’; *мяукать* ‘издавать звуки “мяу”’. О кошке и других кошачьих’. Во всех звукоподражательных глаголах ЛС имеет очень конкретный характер, так как реальные звуки, производимые отдельными видами животных и птиц, воспринимаются по-разному органами слуха человека и получают разную вербальную оформленность.

2. Рождение потомства. В русском языке это действие получило много различных обозначений в зависимости от вида домашнего животного: *телиться* ‘рождать теленка (о корове)’; *ягниться* ‘рождать ягнят (об овце)’; *щениться* ‘рождать щенят (о собаке)’; *котиться* ‘рождать котят (о кошке)’; *жеребиться* ‘рождать жеребенка (о кобыле, ослице, верблюдице)’; *пороситься* ‘рождать поросят (о свинье)’.

ЛС в глаголах с указанным значением является преимущественно специализированной, лишь в некоторых семемах она имеет альтернативный характер, объединяя несколько видов животных, чьи детеныши имеют общее название, см. *жеребиться*, а также *телиться* (о корове, а также самке лося, оленя); *щениться* (о собаке, волке, лисе), *котиться* (о кошке, о зайчике). Наблюдается определенная закономерность в расширении денотативной сферы данного действия за счет включения не только домашних, но и диких животных.

3. Действия животных, представляющие опасность для человека: *лягать*, *лягаться*, *брыкать* ‘бить, ударять ногой (о копытных животных)’; *бодать* ‘бить лбом, рогами (обычно о рогатом скоте)’; *дыбиться* ‘приподнимать разом передние ноги (о лошади)’. В русском языке довольно много глаголов с таким значением, но ЛС в них имеет чаще обобщенный характер: *клевать*, *хватать*, *кусать*, *драть*, *задрать*, *зарезать*, *когтить*, *заест*, *накусать*, *взбрыкнуть*.

4. Действия, связанные с использованием животного, с его полезностью для человека. В этой подгруппе глаголов особенно явно проявляется этноцентрическая направленность языка, потому что обозначаются действия только тех животных, которые использовал данный этнос. Для русского языкового сознания лингвистически ценностными оказываются *корова*, *коза*, *собака* и *лошадь*. Причем ЛС ‘корова’, ‘коза’ представлены единично: *доить* / *доиться* ‘давать молоко (о корове, козе)’, не считая указанных выше номинаций. Тогда как ЛС “собака” и “лошадь” гораздо более распространены, и глаголы с указанными ЛС обозначают множество разнообразных действий/состояний этих животных, а также действий, связанных с их использованием. Так, ЛС ‘собака’ входит в следующие семемы: *снюхаться* ‘узнать друг друга по нюху (о собаках)’; *натаскать* ‘обучить чему-л. (охотничью или

служебную собаку)»; *науськать*, *натравить* ‘побудить к нападению, преследованию (собаку, собак)»; *уськать* ‘кричать “усь-усь”, натравливая (собаку) на кого-, что-л.’;

В русской языковой картине мира зафиксирована особая для жизни человека роль лошади. Об этом свидетельствует частотность соответствующей ЛС – около 50 глагольных семем имеют ЛС ‘лошадь’: *взмывиться* ‘покрыться пеной’; *выстояться* ‘отдохнуть’; *доскакать* ‘вскачь достигнуть какого-л. места’; *понести* ‘помчаться’; *трюхать* ‘бежать мелкой неторопливой рысью’; *закинуться* ‘броситься в сторону на бегу’; *засечься* ‘поранить ногу, задев ее на ходу другой ногой’; *запалить* ‘загнать, измучить продолжительной или быстрой ездой’; *бодрить* ‘погонять, заставлять двигаться быстрее’; *наездить* ‘приучить (молодую лошадь) ходить в упряжи или под седлом’; *захомутать* ‘надеть хомут (на лошадь)’; *манежить* ‘выезжать (лошадь) по правилам манежной езды’; *оседлать* ‘прикрепить седло на спину (лошади)’; *расковаться* ‘потерять подкову’; *тронуть* ‘отправить куда-л. (обычно на лошадях)’ и др.

Это животное на протяжении веков было опорой в жизни многих народов, поэтому не только для русского языка характерна индивидуализация имени *лошадь*. В частности, А.А.Уфимцева отмечает, что в английском языке имеется большое число наименований лошадей, обозначающих различные свойства, породу, назначение этих животных [см.: Уфимцева 1988: 124].

ЛС ‘растения’

Семантико-ономасиологическая группа глаголов, содержащих такую ЛС, достаточно обширна. Мы включаем эту группу в класс *живой мир*, основываясь на биологической природе именуемых объектов. Р.С.Ганжа называет группу глаголов, связанных с субъектом ‘растительность’, глаголами “грамминальных действий” (от *gramen* – растение) [Ганжа 1970]. В наших материалах ЛС ‘растения’ входят в семемы как субъектно, так и объектно ориентированных глаголов. ЛС этой группы выступают в нескольких разновидностях: специализирован-

ная ЛС обобщенного (родового) характера: *акклиматизироваться* ‘приспособиться (приспособляться) к новому климату, к новым жизненным условиям (о растениях)’; *вянуть* ‘лишаться свежести (о растениях)’; *плодоносить* ‘приносить плоды; быть способным приносить плоды (о растениях)’; *расцвести* ‘дать цветки, прийти в состояние цветения, распуститься (о растениях)’; *укорениться* ‘прижиться, укрепиться корнями в почве (о растениях)’; *изредить* ‘сделать более редким (обычно растения)’ – в основных значениях глаголов. А также: *выбросить* ‘дать ростки, побеги (о растениях)’; *засохнуть* ‘завянуть, погибнуть от недостатка влаги (о растениях)’; *зимовать* ‘выдерживать, переносить зимние холода, оставаясь в грунте (о растениях)’; *полечь* ‘пригнуться стеблем к земле (о растениях)’; *распушиться* ‘покрыться молодой зеленью (о растениях)’; *увить* ‘сплошь, густо, со всех сторон обвить что-л. (о растительности)’; *возделывать* ‘выращивать, разводить (растения)’; *опылить* ‘покрыть (растения) специальным составом для обезвреживания’; *отсадить* ‘отделив, посадить на другое место (растение)’; *пересадить* ‘выкопав (растение), посадить в другом месте’ – во вторичных значениях.

Как видно из приведенных материалов, глаголы, имеющие в семеме указанную ЛС, разнообразны по содержанию и отражают все фазы жизни растений: появление на свет, рост, цветение, плодоношение, гибель. Такие периоды, по мнению этнографов (А.Леруа-Гуран), были отражением “примитивного календаря” [см.: Токарев 1973]. Кроме того, глаголы рассматриваемой референтно-отражательной группы обозначают различные процессы обработки растений человеком.

В редких случаях встречается ЛС ‘растение’ как вариант альтернативной ЛС в ряду с более конкретными вариантами, обозначающими представителей отдельных видов флоры: *выпреть* ‘погибнуть от поражения плесенью в результате длительного пребывания под снегом (о растениях, посевах)’; *насадить* ‘посадить (растения, деревья) в каком-л. (обычно большом) количестве’. При этом мы наблюдаем, что родовое понятие, которого с семантической точки зрения вполне достаточно для полного восприятия содержания глагольной семемы,

конкретизируется видовым, и это связано не с семантикой в собственном смысле, а с экстралингвистическими факторами. Действие–состояние, обозначенное соответствующими глаголами, прототипически связывается в человеческом опыте не со всем классом растений (хотя теоретически это вполне возможно), а лишь с определенной их разновидностью. В такого рода дефинициях составители словарей встают на позицию адресата, и “уменьшение” глубины определения за счет включения видового понятия призвано отразить наивную картину мира.

Растительный мир и в научной классификации, и в наивном восприятии субкатегоризируется, и этот факт получает отражение в языковом сознании, в частности в том, что в данной подгруппе специализированная ЛС может быть и более конкретной, представленной разными фитонимами: *развеситься* ‘широко, в разные стороны раскинуться (о деревьях)’; *жировать* ‘разрастаться в ущерб плодоношению (о деревьях)’; *вырубить* ‘выбрав из окружающих, срубить (дерево)’; *выколоситься* ‘дать, пустить колосья (о злаках)’; *трубиться* ‘образовывать стебель, соломину, выходить в трубку (о злаках)’ . Из названий видов растений чаще встречается лексема *дерево*, что перекликается с выводами этнографов о культе деревьев у славян как составной части древнейших растительных культов [см.: Лукинова 1986]. А в ряде случаев наблюдается еще большая индивидуализация объекта, и при этом мы вновь можем констатировать факт, что языковое сознание вычленяет жизненно важные для человека объекты – либо полезные и необходимые для него, либо вредные и представляющие опасность. Среди полезных, используемых в быту, выделяются, например, фруктовые деревья (*ломиться* ‘гнутья под тяжестью висящих плодов’), лен, пенька (*оттрепать* ‘очистить трепанием’), сено (*трясти* ‘ворошить’, *метать* ‘кидая, укладывая’), капуста (*шинковать* ‘резать узкими, длинными полосками’ – здесь ЛС имеет вероятностный характер: обычно капусту). Вредные растения – это сорняки, с которыми всю жизнь приходится бороться земледельцам, поэтому в языке не могут не найти отражения этот вид растений и действия, с ним связанные: *засорить* ‘проникнув куда-л., в какую-л. среду, причинить вред, заполнив собой (о сорных травах)’; *выполоть* ‘вырвать, удалить (сорные травы, ненужные растения)’ . Как и среди животных, среди растений выделены те, которые могут причинить вред здоровью человека: *жалить* ‘впиваться, ранить чем-л. колющим (о растениях, имеющих шипы,

колючки)'.

В жизни людей большую роль играет чаще не растение в целом, а какая-либо его часть, поэтому в глагольных семемах и встречаются специализированные (реже альтернативные) ЛС, обозначающие практически все части растений: *выметаться* 'показаться наружу (о побегах, ростках)'; *наклонуться* 'слегка раскрыться (о почках), появиться, проступить наружу (о ростках)'; *хлестать* 'бить, стегать движущегося сквозь заросли (о ветвях, стеблях)'; *облететь* 'опасть, осыпаться (о листве, лепестках цветов)'; *сыпаться* 'опадать (о листьях)'; *обронить* 'сбросить (листву)'; *цвести* 'раскрывшись, распустившись, быть в поре цветения (о цветах)'; *завязаться* 'образоваться, возникнуть (о плоде)'; *налиться* 'созревая, наполниться соком (о плодах)'; *народиться* 'уродиться. созреть в каком-л. (обычно большом) количестве (о плодах, ягодах)'; *щелкать* 'грызть с треском, хрустом (орехи, семечки)'; *проветываться* 'очиститься при веянии (о зерне)'; *сгореть* 'сопреть от перегрева при слеживании (о зерне, сене)'; *смолотиться* 'размельчившись, превратиться в крупу, муку (о зерне)'; *обвеять* 'веянием очистить (зерно) от шелухи'; *отлупить* 'отделиться, отодраться (о коре, коже)' и др.

Растения представляют интерес для человека прежде всего потому, что их можно употреблять в пищу. Именно для этой цели люди выращивают их и собирают. В русском языке имеется ряд глаголов, обозначающих действия, связанные с уборкой урожая. Некоторые из них включают специализированную ЛС обобщенного содержания или альтернативную ЛС: *убрать* 'собрать урожай (сельскохозяйственной культуры)'; *снять* 'убрать после созревания (хлеб, плоды, овощи)'. При этом и содержание глагольных семем является в достаточной степени абстрактным, не детализирующим способ уборки созревших растений. Но в иных случаях, там, где значение глагола конкретизируется в связи со спецификой сбора некоторых видов культур, ЛС тоже индивидуализируется: *сжать* 'срезать под корень серпом или жнейкой (стебли хлебных злаков)'; *трясти* 'толкая, раскачивая деревья, кусты, вызывать падение (плодов, ягод)'.

Таким образом, опираясь на зафиксированные в словаре разновидности ЛС, мы можем видеть, что в наивной языковой картине мира живой мир (органическая материя) представлен животным и растительным миром. Система ЛС приблизительно

но отражает наивную классификацию живого мира, фиксируя наиболее значимые ее участки. Так, представленный системой ЛС животный мир выглядит следующим образом (приведенные в ячейках лексемы выявлены по словарям):

МИР ЖИВОТНЫХ ПО ДАННЫМ ЛС

I	Животные		Птицы	Насекомые	Рыбы
II	Домашние	Дикие			
III	Рогатый скот	Хищники			
IV	Лошадь, собака, кошка, свинья, овец, коза...	Волк, лиса, заяц...	Гусь, утка, петух, курица, голубь, коростель, ворона, кукушка...	Пчелы	

Наивное языковое сознание, в отличие от научной систематизации животного мира, предполагает более низкую степень категоризации животного населения, т.е. на высшей ступени обобщения со всей определенностью различает животных, птиц, насекомых и рыб, суживая понятие *животное* и приравнивая его к понятиям *млекопитающее* и *зверь*. Тогда как в научной картине мира животные – это одна из двух основных групп мира живых существ (другая группа – растения), а птицы, рыбы, насекомые – это отдельные таксоны данной группы. Доказательством факта различия между научной и наивной категоризацией является наличие в глагольных семемах альтернативных ЛС, представленных вариантами ‘животные и птицы’, ‘животные и насекомые’ и под. Если какой-либо глагол обозначает действие–состояние, присущее любому представителю животного мира, то ЛС в данной семеме имеет не обобщенное содержание ‘животное’, как ожидалось бы в соответствии с научной систематизацией, а напротив, отражая наивную картину мира, ЛС является альтернативной. Ср.: *жировать* ‘кормиться, резвясь, гуляя (о звере, птице, рыбе)’; *дохнуть* ‘околевать (о животных, насекомых)’ и пр. В последнем примере альтернативная ЛС должна быть расширена за счет дру-

гих вариантов (о птицах, рыбах), так как область референтной приложимости данного глагола шире, чем показано в словаре. Ср.: *Щука...дохнет, если вода в пруде или озере от чего-нибудь испортится* (С.Аксаков. Записки об ужении рыбы) [ССРЛЯ]. В том виде, как ЛС представлена в словарной дефиниции, ее содержание противоречит наивной картине мира.

Система ЛС подгруппы 'животное' отличается от научной систематизации также и неравномерностью в отражении отдельных разновидностей животного мира. ЛС 'животное' имеет несколько ступеней субкатегоризации, ЛС 'птицы' и 'насекомые' лишь одну – самую низкую, наиболее конкретную, а ЛС 'рыбы' вообще не имеет субкатегорий. Для наивной картины мира важным и потому более разработанным является таксон *домашние животные*. Весь этот класс и отдельные виды домашних животных, испокон веку используемые русским народом, получили в языке характеристики по различным динамическим признакам. Среди птиц и насекомых в системе ЛС получили отражение также только те виды, которые входят в сферу *дом* и обладают материальной ценностью для русского человека. Именно поэтому ЛС, обозначающие домашних животных, часто включены в семемы объектных глаголов. Хищные животные крайне незначительно нашли отражение в системе ЛС и только потому, что представляют опасность для человека, что и зафиксировано в соответствующих глагольных значениях. Из числа отдельных видов диких животных системой ЛС закреплены лишь *волк, лиса, заяц*, вероятно, как самые близкие русскому человеку животные. Неслучайно именно эти звери являются типичными персонажами русских сказок о животных. Кроме того, волк, лиса, заяц, наряду с зафиксированными в системе ЛС домашними животными, входят в соответствующую "лексико-методическую группу страноведческого типа" в комплексном учебном словаре "Лексическая основа русского языка" [ЛОРЯ: 802]. Эти факты еще раз подтверждают нашу гипотезу о том, что система ЛС отражает наиболее значимую для русского народа часть наивной картины мира.

Растительный мир, по данным ЛС, представляет следующую картину в соотношении с уровнями научной классификации (лексемы, приведенные в ячейках, выявлены по словарям):

МИР РАСТЕНИЙ ПО ДАННЫМ ЛС

Царство растений, в отличие от мира животных, воспринимается наивным языковым сознанием более однородно, о чем свидетельствует наличие ЛС самого высокого уровня абстракции, объемлющей своим содержанием все растительные организмы. В этом наблюдается сходство с научной систематизацией растительного сообщества. Но ниже, при дальнейшей категоризации, наивная картина мира существенно отличается от научной. Из огромного разнообразия царства растений система ЛС зафиксировала лишь те виды, которые имеют особое значение в повседневной жизни человека. Деревья (и отдельно – фруктовые деревья), сельскохозяйственные культуры и злаки – растения, в далеком прошлом введенные человеком в культуру. Сорные травы – растения, составляющие неотъемлемую часть земледельческой деятельности человека. Иные виды растений не нашли отражения в системе ЛС. Другая “ветвь” иерархического древа связана с выделением морфологических частей растения. В этом фрагменте наивной картины мира наблюдается большая детализация и разработанность, чем в ассортименте видов растений. В системе ЛС зафиксированы практически все органы растения, вероятно потому, что каждый из них имел и имеет

практическую значимость в жизни людей, испокон веков использовался для поддержания жизни и здоровья человека.

С точки зрения семиологии референтно-отражательный класс *живой мир* включает и субъектные, и объектные глаголы с весьма заметным преобладанием субъектно детерминированных глагольных имен, так как живая природа мыслится человеком как равная ему, существующая самостоятельно и независимо от него. Вместе с тем домашние животные и растения служат поддержанию жизни человека, используются им, поэтому ЛС, обозначающие такие разновидности живого мира, маркируют объектно детерминированные глаголы. Это наблюдение служит еще одним доказательством антропоцентричности словаря: все, чему дается наименование в языке, настроено на человека, проверяется по нему, пропускается сквозь призму оценок “полезно–вредно”, “опасно–неопасно” для человеческого сообщества или индивида.

Класс третий. *Неживой мир*

Объекты, составляющие этот референтно-отражательный класс, представлены двумя родами вещей – естественными и искусственными предметами окружающего мира: первые охватывают натурфакты, или биофакты, природный мир, части “неразъемного целого” (термин Н.Д.Арутюновой); вторые – артефакты, части “разъемного целого”. Систематизация имен класса *неживой мир* опирается на синоптическую схему, “картину мира”, также предложенную Р.Халлигом и В.Вартбургом [см.: Караулов 1976: 256]. Материалы толкового словаря позволили выявить в структуре этого класса десять групп, шесть из которых отражают натурфакты (в словаре Халлига–Вартбурга этот раздел назван “Apriory”) и могут быть объединены в один референтно-отражательный подкласс, а четыре называют артефакты и, соответственно, будут составлять другой референтно-отражательный подкласс глаголов.

Натурфакты

ЛС ‘небо’, ‘небесные светила’

Специализированная ЛС ‘небо’ представлена в следующих гла-

голах: *вызвездить* ‘покрыться звездами (о небе)’; *выясниться* ‘стать ясным, свободным от туч (о небе)’; *хмуриться–нахмуриться* ‘быть пасмурным, сумрачным (о небе)’ – в последнем случае вторичное значение.

В остальных единицах этого ряда ЛС связана с астрономическими объектами и имеет разную степень обобщения, которая определяет лексическое оформление ЛС. Это может быть гипероним ‘небесные светила’: *взойти* ‘появиться, подняться над горизонтом (о небесных светилах)’; *зайти* ‘опуститься за горизонт, закатиться (о небесных светилах)’; *клониться* ‘направляться, двигаться по наклонной линии к горизонту, западу (о небесных светилах)’. Иногда ЛС представлена как альтернативная, в виде перечислительного ряда ‘солнце, луна’: *выплыть* ‘показаться, появиться (о солнце, луне)’; *заглянуть* ‘проникнуть куда-л., осветить лучами (о солнце, луне)’; *подняться* ‘появиться над горизонтом, взойти (о солнце, луне)’ и др. В содержательном плане эти случаи не различаются, кроме разной степени глубины категоризации. Сходство поддерживается еще и семантикой глаголов: они обозначают однотипные действия – появление над горизонтом (*взойти, всплыть, подняться*) или уход за горизонт (*зайти, закатиться, затмиться*).

Если глагол обозначает действие, характерное лишь для единственного объекта, то ЛС, как мы уже неоднократно отмечали, имеет предельную степень конкретности. Среди астрономических объектов в наивной картине мира русское языковое сознание выделило лишь *солнце* как исключительно важный объект в жизни человека и центральное тело нашей планетной системы: *припечь* ‘сильно пригреть (о солнце)’; *жарить* ‘обжигать лучами, палить (о солнце)’; *брызнуть* ‘внезапно появиться (о лучах солнца)’; *окрасить* ‘сделать красным, придать красноватый оттенок чему-л. (о лучах солнца)’.

Специализированная ЛС ‘небо’ встретилась преимущественно в основных значениях глаголов, а ЛС ‘небесные светила’ – во вторичных и лишь один раз в первичном значении: *затмиться* ‘стать невидимым, померкнуть (о небесных светилах)’. По этому факту можно судить, как человек осваивал мир:

небо было показателем погоды, от которой во многом зависела жизнь и благополучие людей, поэтому этот объект получал различные характеристики первичными средствами. Человек дал номинацию прежде всего таким состояниям неба, которые предвещали хорошую погоду – *выяснить, выясниться, вывездывать*. А противоположные состояния, как показали материалы, обозначены вторичными средствами – *хмуриться, нахмуриться*. По отношению к небесным светилам наблюдается обратный процесс: первичными средствами обозначено не появление, а исчезновение объектов (*затмиться*), что воспринималось, вероятно, как отступление от привычного хода вещей. Особой приметой этого референтно-отражательного подкласса является присутствие в нем только субъектно детерминированных глаголов. Это вполне отвечает логике вещей, так как человек никогда не мог мыслить себя воздействующим на небесные объекты, напротив, начиная с языческих времен, он испытывал благоговение и страх перед небом и солнцем, воспринимал эти субстанции как абсолютно независимые от его воли. Произведения русского фольклора дают богатый материал, подтверждающий подобное отношение русского человека к небесной сфере.

ЛС 'явления природы'

В словаре Халлига – Вартбурга эта рубрика названа “Погода и ветры”. Р.С.Ганжа называет такие глаголы “группой натуральных действий” (от *natura* – природа) [Ганжа 1970: 38]. Специализированная ЛС в глаголах этого референтно-отражательного подкласса также имеет различную степень конкретизации. Она может быть достаточно обобщенной, охватывающей своим содержанием разные природные или стихийные явления: *ударить* ‘внезапно, неожиданно или с силой начаться (о явлениях природы)’; *побить* ‘уничтожить, повредить посевы чего-л., какую-л. растительность (о стихийном бедствии)’; *выпасть* ‘упасть на землю (об атмосферных осадках)’; *идти* ‘лечь, падать (об осадках)’; *перейти* ‘окончиться, прекратиться (об осадках)’. Как видно из примеров, русское языковое сознание вновь закрепляет действия и состояния, имеющие неблагоприятные

последствия для человека. То же самое мы наблюдаем и при конкретном характере ЛС. Язык индивидуализирует отрицательные или опасные для человека проявления стихии: *злиться* 'бушевать, свирепствовать (о буре)'; *разразиться* 'проявиться сразу с большой силой (о грозе, буре)'; *опалить* 'иссушить (о действии зноя)'; *разморить* 'привести в расслабленное, сонливое состояние (о жаре)'; *отпустить* 'уменьшиться, ослабеть (о морозе)'; *прихватить* 'слегка заморозить, подморозить, сковать льдом (о морозе, холоде)'; *зарядить* 'начать непрерывно идти, лить (о дожде)'; *кропить* 'падать мелкими каплями (о дожде)'; *припустить* 'пойти сильно, усилиться (о дожде)'; *стегать* 'сильно, с разлету ударять (о снеге, дожде)'; *опушить* 'покрыть собой (о снеге, инее)'; *валить* 'падать, лететь массой (о снеге)'; *роиться* 'кружиться в воздухе (о снежинках)'; *дуть* 'нести, гнать струи воздуха, приводить воздух в движение (о ветре)'; *засвежеть* 'усилиться (о ветре)'; *рвануть* 'начать резко, с силой дуть (о ветре, сквозняке)'; *сквозить* 'дуть, продувать сквозь отверстия, щели в чем-л. (о ветре)'; *кружить* 'взметать снег, пыль (о вьюге, метели)'; *мести* 'нести, взметать, кружить снег (о метели, вьюге)'; *буранить* 'бушевать (о буране)'; *затянуть* 'скрыть собой, обволакивая (об облаках)'; *пролиться* 'дать осадки (о туче, облаке)'; *расплываться* 'распространиться, разойтись, плывя (о тучах)'; *наволочь* 'нагнать, принести (тучи)' и под.

Кроме того, индивидуализацию в наивной картине мира получают явления, важные для хозяйственно-экономической деятельности человека: *ветренеть* 'становиться ветреным (о погоде)'; *разненаститься* 'наступить (о ненастной погоде)'; *распогодиться*, *прояснеть* 'наступить (о ясной погоде)'; *влиться* 'свободно проникнуть куда-л. (о воздухе)'; *застекленеть* 'стать неподвижным и прозрачным, как стекло (о воздухе)'; *напитаться* 'наполниться, насытиться каким-л. запахом (о воздухе)'; *огласить* 'наполнить какими-л. громкими звуками (воздух)'; *мреть* 'переливаться, струиться, образуя марево (о нагретом солнцем воздухе)'; *дымиться* 'подниматься клубами, стлаться пеленой (о тумане)'; *куриться* 'поднявшись, виться, носиться в воздухе (о тумане)'; *опуститься* 'сойти, лечь на что-л., окутывая собой (о тумане)'; *рассеяться* 'разрежаясь, исчезнуть, разойтись (о тумане)'; *выплеснуть* 'выбросить вынести куда-л. (волной, течением)'; *отхлынуть* 'хлынув, отступить, откатиться назад

(о волнах)'; *приплескивать* 'находясь в движении, плеща, достигать какого-л. места, доставать до чего-л. (о волне)'; *взломаться* 'разломаться, разрушиться при вскрытии реки (о льде)'; *тороситься* 'тороситься торосами (о льде)'; *продрейфовать* 'дрейфуя, передвигаться. переместиться (о льде)' и др. Специализированные ЛС 'погода', 'лед', 'ветер', 'дождь', 'снег' преимущественно характерны для основных значений.

С семиологической точки зрения, глаголы этого референтно-отражательного подкласса сходны с предыдущим: здесь также представлены только глаголы с субъектной ориентацией, что полностью соответствует наивному восприятию человеком явлений природы.

ЛС 'участки земной поверхности'

Данный референтно-отражательный подкласс связан с одной из фундаментальных категорий мировосприятия человека – пространством, однако в системе ЛС не находит отражения пространство как равномерное бесструктурное место, здесь представлено "обжитое", освоенное человеком пространство, и этот факт служит лишним доказательством нашего положения о том, что система ЛС является отражением наивной картины мира. В.Н.Топоров, исследуя архаическую модель мира, приходит к интересному выводу о динамике идеи пространства. Этот вывод в некотором смысле пересекается с нашими наблюдениями над содержанием ЛС данной группы: "...вместо непрерывности и сплошной протяженности гомогенного пространства реконструируется представление о разнородном и, так сказать, "корпускулярном" пространстве с разной ценностью (значимостью) его частей" [Топоров 1983: 242]. Те части пространства, которые обладают особой значимостью для человека, фиксируются системой ЛС. Именно по причине разнородности пространства, конкретности его частей ЛС данной группы являются в абсолютном большинстве случаев специализированными. Здесь практически не встретились альтернативные ЛС, поскольку участки земли разнородны и для человека важными оказываются разные свойства каждого класса объектов, не совпадающие со свойствами других классов, что находит отражение в языке. Исключением являются денотаты *дорога*, *тропинка*, имеющие объективное сходство, а также разные

виды водоемов: *река, ручей, озеро*. Судя по материалам, для русской картины мира имели значение равнинные части пространства. Лишь однажды встретилась ЛС 'горы': *господствовать* 'возвышаться над окружающими предметами (о горах)'. Тогда как ЛС 'земля', 'луга', 'поля' присутствуют в семемах многих глаголов. Такое соотношение семантической плотности разных лексических единиц вполне соотносится с выводами Г.Д.Гачева о русском восприятии пространства, горизонтальном восприятии мира. Семантика глагола, включающего ЛС 'горы', тоже поддерживает эту мысль: горы в подобной модели мира вполне естественно характеризуются только по их отношению к основным, равнинным, объектам, над которыми они возвышаются.

Земля осмысливается русским человеком не как пространство вообще, но как пространство, на котором можно работать, пространство, вписывающееся в домоцентрическую систему мировосприятия русского человека, а также как почва, характеризующаяся по ее способности давать урожай (об этом свидетельствует альтернативная ЛС с вариантами 'земля, почва'): *гулять* 'не быть в употреблении, отдыхать (о земле)'; *истощиться* 'стать неплодородным (о почве)'; *родить* 'давать урожай (о почве)'; *оросить* 'насытить влагой (почву, землю)'; *травить* 'топтать, мять (луга, поля)'.

Из других участков земной поверхности в системе ЛС нашли отражение водоемы, преимущественно море и река – естественные объекты, играющие важную роль в жизни людей, в том числе и русских, поскольку исторически люди селились по берегам рек или на морском побережье. В топонимических системах гидронимы также одни из самых древних наименований [см.: Матвеев 1986б]. Эти природные объекты получили различные характеристики по их динамическим признакам: *взыграть* 'прийти в сильное движение, волнение, разбушеваться (о море)'; *штормить* 'быть бурным, волноваться при шторме (о море)'; *заштилет* 'стать совершенно спокойным, без какого-л. движения, утихнуть (о море)'; *омывать* 'окружать своими водами (о морях, течениях)'; *взбухнуть* 'подняться выше обычного уровня (о реке, ручье)'; *впадать* 'втекать, вливаться в реку, озеро, море (о реке, ручье)'; *вскрыться* 'взломать

ледяной покров, освободиться ото льда (о реке, озере)'; *встать* 'покрыться льдом, замерзнуть (о реке)'; *оковать* 'затянув льдом, сделать неподвижным (реку, озеро)' и т.д. При этом водоемы воспринимаются языковым сознанием как независимые от человека субстанции, что подтверждается наличием ЛС 'море', 'река' только в семемах субъектно ориентированных глаголов.

В русской модели мира важное место занимает дорога (ср. замечание Г.Гачева о дороге как модели русского движения), поэтому альтернативная ЛС 'дорога, тропинка' имеет высокую частотность в глагольных семемах обоих семиологических классов: *бежать* 'тянуться, простирается в каком-л. направлении (о дороге, тропинке)'; *вильнуть* 'круто повернуть, резко отклониться в сторону (о дороге)'; *залечь* 'стать непроходимой (о дороге)'; *пролечь* 'пройти, протянуться (о дороге, тропинке)'; *распуститься* 'стать топким, вязким (о грунтовой дороге)'; *наездить, натоптать, пробить, протоптать, проторить* 'положить, уплотнить (дорогу, тропинку)'.

Таким образом, в референтно-отражательном подклассе глаголов с помощью ЛС находит отражение не просто пространство, а наиболее типичный ландшафт, так сказать, "плоскостное", "равнинное" мышление русского человека. В связи с этим упомянем еще одно высказывание Г.Гачева по поводу гоголевской птицы-тройки: "Русь же катится: ее царство – даль и ширь, горизонталь..." [Гачев 1992: 35].

ЛС 'жидкость'

Данный референтно-отражательный подкласс глаголов однокорен с точки зрения содержащейся в их семемах ЛС: более чем в половине случаев ЛС является специализированной, но в значительной степени обобщенной, и чаще она присутствует в основных значениях глаголов: *взболтаться* 'прийти в движение от болтания, перемешаться (о жидкости)'; *кипеть* 'клокотать, пениться от образующихся при сильном нагревании пузырьков пара (о жидкости)'; *отстояться* 'постояв некоторое время, дать осадок, отстой (о жидкости)'; *просочиться* 'постепенно протечь сквозь что-л., куда-л. (о жидкости)'; *расплескаться* 'плещась, пролиться через край, разлиться (о жидкости)' це-

дить ‘пропускать (жидкость) через что-л. для очистки’; *фильтровать* ‘очищать, пропуская через фильтр (жидкость)’ и др., и реже – в неосновных значениях: *высохнуть* ‘испариться, исчезнуть, иссякнуть (о жидкости)’; *залиться* ‘проникнуть, попасть куда-л. (о жидкости)’; *хлестать* ‘стремительно, с силой выливаться, литься (о жидкости)’; *бултыхать* ‘взбалтывать, всплескивать (жидкость)’; *надавить* ‘давя, выжать в каком-л. количестве (жидкость)’ и др.

Помимо указанной ЛС, в этой группе встретилась ЛС ‘вода’, присутствующая с большим перевесом во вторичных значениях глаголов. Причем вода чаще характеризуется не с точки зрения ее физических свойств, а по ее способности быть разрушительной силой: *подточить* ‘разрушить, размыть постепенно (о воде)’; *промыть* ‘прорвать что-л. или просочиться через что-л. (о воде)’; *снести* ‘сместить, переместить, увлекая силой своего движения (о воде)’ и под. Иногда лексикографы включают в толкование сразу два существительных – *вода* и *жидкость*. Это наблюдается в значениях таких глаголов, которые обозначают действия человека над названным объектом. Здесь вода предстает не стихией, а лишь разновидностью жидкости, вполне подвластной человеку: *всплеснуть* ‘плеснуть, вметнуть вверх (воду, жидкость)’; *взмутить* ‘приводя в движение, в волнение или взбалтывая, сделать мутным (воду, жидкость)’; *высосать* ‘сосанием вытянуть извлечь из чего-л. (жидкость, влагу)’. С семантической точки зрения было бы вполне достаточно оставить в дефиниции только лексему *жидкость*, но с позиций антропоцентричности словаря включение лексемы *вода* не представляется избыточным, поскольку вода как природный объект имеет первостепенное значение для жизни человека, а лексема *жидкость* ассоциируется в первую очередь с водой.

В ряде случаев специализированная ЛС ‘вода’ имеет дополнительные характеристики – количественную: *схлынуть* ‘хлынув, стечь, сбежать (о большой массе воды)’; качественную: *журчать* ‘производить монотонный булькающий звук, шум (о текущей воде)’; *проточить* ‘промыть скважину, русло в почве (о текучей воде)’; *зацвести* ‘покрыться зеленью (о стоячей воде)’; *убежать* ‘кипя и бурля, пенясь, перелиться через край (о кипящей жидкости)’; *шпарить* ‘обдавать, обливать (кипятком)’. Кроме того, встречается разновид-

ность ЛС ‘физиологические жидкости’: *затуманить* ‘застлать (о слезах)’; *катиться* ‘стекать каплями (о слезах, поте)’; *навернуться* ‘появиться, выступить (о слезах)’; *отхлынуть* ‘отступить обратно (о слезах, крови)’; *показаться* ‘выступить наружу (о слезах, крови)’; *запечься* ‘свернуться, загустеть (о крови)’; *утереть* ‘вытирая, удалить (слезы, пот)’; *высушить* ‘осушить (слезы, пот)’. Система ЛС отразила лишь “человекозначащие” физиологические жидкости, которые являют собой в наивной картине мира признаки неординарного душевного (реже – физического) состояния людей.

Наличие в языке референтно-отражательного подкласса глаголов с ЛС ‘жидкость’ еще раз подтверждает нашу мысль о том, что в системе ЛС зафиксированы наиболее важные для человека явления окружающего мира. Как известно, вода не только издавна была широко распространена и играла огромную роль в жизни людей, но также считалась первоисточником жизни. Безусловно, такой объект не мог быть обойден вниманием в языке. Глаголы, в семемах которых присутствует ЛС ‘вода’, в большинстве своем относятся к классу субъектно ориентированных признаков имен. Использование человеком множества других различных жидкостей привело к появлению более обобщенной ЛС ‘жидкость’. Среди глаголов с такой ЛС чаще представлены объектно ориентированные, обозначающие разного рода воздействие человека на жидкость.

ЛС ‘физические явления’

Исследуемый материал показал, что русский лексикон имеет много глагольных слов, значения которых отражают действия и состояния, связанные с различными физическими явлениями, такими как свет, огонь, звук, запах. Являясь натурфактами, которые по своей природе не зависимы от воли человека и при этом играют важную роль в его жизни, указанные физические явления получают разнообразные характеристики в языке. Лексемы *свет*, *звук*, *запах* обозначают сходные денотаты, имеющие одинаковую природу – волновая форма их распространения, наличие источников их возникновения, способность воздействовать на органы чувств человека. Это естественным образом находит отражение в языке, в частности в том, что *свет*, *звук* и *запах*, а также *тепло* регулярно выступают как варианты альтернативной ЛС. При этом нами не обнаружено ни одного случая, когда вместо перечислительного ряда

было использовано обобщенное, родовое наименование *физические явления*. Лишь в дефиниции глагола *излучаться* 'исходить, распространяться откуда-л. лучами' присутствует ЛС обобщенного характера – 'различные виды лучистой энергии'. Составители-лексикографы избирают именно такую, более низкую, степень обобщения, ориентируясь на среднего носителя языка, в наивной картине мира которого преобладают конкретные имена. Например: *бить* 'с особой силой действовать на ощущения, чувства; стремительно проникать куда-л. (о свете, запахе, звуке)'; *изливаться* 'исходить, распространяться, излучаться (о звуках, запахах, свете)'; *литься* 'распространяться, струиться (о свете, запахе)'; *распороть* 'внезапно и резко нарушить тишину, мрак (о резких звуках, ярком свете)'; *струиться* 'распространяться струями (о свете, запахе)'; *точить* 'издавать, испускать (свет, запах)'; *ворваться* 'быстро проникнуть куда-л. в большом количестве, наполнить собой (о звуках, запахах)'; *донестись* 'распространиться, достигнуть чьего-л. слуха, обоняния (о звуках, запахах)'; *повиснуть* 'распространиться в воздухе (о запахах, звуках)'; *издать* 'произвести, испустить (звук, запах)'; *обдуть* 'обвеять, охватить (запахом, теплом, дыханием)'. Большинство глаголов, имеющих названную ЛС, обозначают разные способы перемещения, распространения этих физических явлений, и этот факт совершенно понятен, потому что свет, звук и запах сходны именно по волновому способу перемещения. Существительное *свет* имеет не только значение 'электромагнитное излучение, видимое глазом', которое объединяет эту семему с семемами *звук* и *запах*, но также и значение 'источник освещения и приспособление для освещения в домах и на улицах'. Эта семема входит в одну семантическую парадигму с семемой *огонь* – 'свет от осветительных приборов'. Ряд глаголов включает альтернативную ЛС, имеющую два названных варианта: *брызнуть* 'внезапно появиться, показаться (о свете, огне)'; *дрогнуть* 'слегка заколебаться, мигнуть (о свете, огне)'; *трепетать* 'мигать, мерцать (о свете, огне)'.

Вместе с тем каждое из физических явлений обладает некоторыми специфическими свойствами, что также отражается в языке. Эти специфические свойства, которыми наделены физические явления, обусловлены особенностями их восприя-

тия человеком. Так, свет воспринимается зрением, и ЛС 'свет' входит в глагольные семемы, которые предполагают участие органа зрения человека, например: *падать* 'ложиться на кого-, что-л., покрывать собой кого-, что-л. (о свете)'; *перебегать* 'быстро перемещаться, передвигаться (о свете, отражении)'; *сквозить* 'просвечивать сквозь отверстия, щели в чем-л. (о свете)'; *скользить* 'быстро, плавно перемещаться с предмета на предмет, по какой-либо поверхности (о лучах света)'; *пронизать* 'пробиваясь, проникая сквозь что-л., заполнить собой (о свете)'. Все толкования приведенных глагольных значений даны через восприятие человека, так как и перемещение света, и вообще его наличие может установить только человек.

Глагольные семемы с ЛС 'запах' имплицитно содержат информацию об обонянии, а иногда в дефиниции эксплицируется имя этого органа чувств: *щекотать* 'вызывать легкое раздражение в носу, горле (о запахе)'; *улетучиться* 'исчезнуть, рассеяться в пространстве (о запахе)'; *шибать* 'с особой силой действовать на кого-л. (о запахе)'; *тянуться* 'распространяться медленно, слабой струей (о запахе, дыме)'; *спереться* 'сгуститься (о запахе)'; *садить* 'сильно пахнуть, бить в нос (о неприятном запахе)'; *отбить* 'сделать незаметным или менее заметным; уничтожить (запах, привкус)'. ЛС 'запах' наименее частотная по сравнению с другими ЛС этой подгруппы.

Специализированная ЛС 'звук' входит в значения глаголов, которые отражают слуховое восприятие: *раздаться* 'стать слышным (о звуке)'; *стихнуть* 'перестать звучать, раздаваться (о звуке, шуме)'; *замереть* 'затихнуть, постепенно смолкая (о звуках)'; *перекатываться* 'разноситься на далекое расстояние, то усиливаясь, то затихая (о звуках)'; *отозваться* 'вызвать неприятное, болезненное ощущение в ушах, голове (о звуках, шуме)'. Часто ЛС 'звук' приобретает дополнительные качественные характеристики, ибо человек дифференцирует различные звуки, и это имеет для него значение: *бахнуть* 'раздаться (о сильном, низком звуке)'; *бацнуть* 'раздаться (о резком, отрывистом звуке)'; *докатиться* 'донестись (о громких, раскатистых звуках)'; *прогрохотать* 'раздаться, послышаться (о громких, грохочущих звуках)'; *прогудеть* 'прозвучать (о низком, протяжном звуке)'; *прорезать* 'раздаться (о внезапных, резких звуках)'; *рассыпаться*

‘послышаться, раздаться (о прерывистых, дрожащих звуках)’; *сверлить* ‘раздражать слух (о пронзительных звуках)’. Примечательно, что языковое сознание выделяет неприятные для слуха звуки.

Из множества разнообразных звуков особое место занимают звуки, произносимые человеком, в частности характеристика голоса, поэтому в ряде вторичных глагольных семем мы обнаружили ЛС ‘голос’: *возвысить* ‘усилить, сделать более громким (голос)’; *зреть* ‘становиться резким, громким, неприятным (о голосе)’; *змирать* ‘прерываться, терять звучность (о голосе)’; *осечься* ‘прерваться (о голосе)’; *охрипнуть* ‘стать хриплым (о голосе)’; *трястись* ‘звучать неровно, прерывисто (о голосе)’; *спуститься* ‘стать тише, глуше (о голосе)’; *сорвать* ‘потерять (голос)’; *снизить* ‘сделать (звук, голос) более низким по тону, менее громким по звучанию’; *переломиться* ‘измениться по тембру и диапазону (о мужском голосе)’. И для характеристики голоса, как показывают материалы, язык фиксирует те динамические признаки и свойства, которые нежелательны для человека и для процесса коммуникации.

Специализированная ЛС ‘огонь’ отличается от варианта альтернативной ЛС ‘огонь, свет’, так как является отражением совершенно иного денотата. В данном случае это ‘раскаленные, светящиеся газы вокруг горящего предмета, пламя’. В словарных дефинициях для манифестации этой ЛС равноправно используются синонимы *огонь* и *пламя*, а порой и оба одновременно. Глаголы, имеющие в значениях такую ЛС, называют действия, связанные преимущественно с разрушительной силой огня: *пожирать* ‘уничтожать, сжигая (об огне, пламени)’; *слизать* ‘уничтожить (об огне)’; *опалить* ‘уничтожить поверхность или края чего-л. (об огне)’; *выпыхнуть* ‘вспыхнув, вырваться, выбиться (о пламени)’; *палить* ‘сжигать, уничтожать (об огне)’; *лизать* ‘касаться чего-л., охватывая (о языках пламени)’; *обнять* ‘распространившись по всей поверхности чего-л., закрыть со всех сторон (о пламени)’; *окрасить* ‘сделать красным, придать красноватый оттенок чему-л. (об огне)’; *пыхнуть* ‘загореться ярко, вспыхнуть (об огне)’. Сюда же примыкают глаголы, в значениях которых есть ЛС ‘дым’. Они также характеризуют денотат по его отрицательным для человека действи-

ям: *есть* ‘раздражать, разъедать (о дыме)’; *задушить* ‘отравить, умертвить (о дыме)’; *расплыться* ‘распространиться, разойтись, стелясь (о дыме)’; *валить* ‘вырываясь, выходя откуда-л., двигаться сплошной массой (о дыме, паре)’; *напустить* ‘дать проникнуть, впустить (дым, пар) в большом количестве’ и др.

Итак, русский язык специализирует некоторые физические явления, играющие важную роль в жизни человека. Поскольку наибольшую значимость представляют свет и звук, ибо по ним человек ориентируется в жизненном пространстве, постольку одноименные ЛС наиболее частотны. Физические явления характеризуются, главным образом, по их отрицательным или опасным для человека свойствам.

ЛС ‘время’

Слово *время* вызывает вполне определенные ассоциации: существует время как физическая реальность, грамматическое время, время как психологический феномен – время переживаемое. Как показывают материалы, именно время переживаемое, “время жизни” осознается как некая самостоятельная категория человеческого существования, именно оно характеризуется и / или оценивается. “Время жизни” можно отнести к сфере самосознания человека. По И. Канту, это время “внутреннего созерцания”, та форма, в которой человеческий разум постигает окружающий мир [Кант 1965]. Время входит в сферу нашего менталитета. По замечанию А.Я. Гуревича, наряду с такими понятиями, как *пространство*, *причина*, *судьба*, *измерение*, время принадлежит к определяющим категориям человеческого сознания. “Эти универсальные понятия, – пишет А.Я. Гуревич, – в каждой культуре связаны между собой, образуя своего рода “модель мира” – ту “сетку координат”, при посредстве которых люди воспринимают действительность и строят образ мира, существующий в их сознании” [Гуревич 1972: 84]. Ментальная обусловленность восприятия времени со всей очевидностью объясняет факт появления в языке ЛС ‘время’. В отличие от категории пространства, которая отражается в языке не обобщенно, а “собирается” как антропоморфная система, время, напротив, представлено как нечто единое, не-

раздельное, возможно потому, что осознание человеком времени “происходит по событиям, его наполняющим” [Яковлева 1994: 86], а не по отдельным отрезкам, квантам времени. Время в языке характеризуется по его протеканию: *коротаться* ‘проходить, протекать (о времени)’ – единственный глагол имеет названную ЛС в основном значении. Зато вторичных значений достаточно много и, надо отметить, все они обозначают факт движения времени не нейтрально, а уподобляют его протекание перемещению материальных субъектов или объектов, которые движутся с разной скоростью. При этом обозначений быстрого протекания времени гораздо больше: *бежать, лететь, мелькать, мчаться, нестись, побегать, полететь, пролететь, пробежать, промелькнуть, промчаться, пронестись, проскочить*. Противоположная характеристика времени – ‘медленно проходить, протекать’ – менее распространена: *владиться, длиться, ползти, тянуться, протянуться*. Метафорический перенос по модели “физическое перемещение р движение времени” характерен и для других языков [см.: Клишин, Фонякова 1996]. Бесспорно, такие квалификации времени доказывают, что время не мыслится в отрыве от определенных событий. События “уплотняют” время, делают его “вместилищем” жизни [Яковлева 1994]. Ряд глаголов с другими значениями подтверждают мысль о событийном восприятии времени, ср.: *выйти* ‘окончиться, истечь (о времени)’; *надвинуться* ‘приблизиться, наступить (о времени)’; *приспеть* ‘настать, прийти (о времени)’. Можно говорить о начале и окончании конкретных событий, а не какой-либо абстракции, отвлеченной от субъективного фактора человеческой интерпретации.

Парадигма ‘времени’, представленная ЛС, включает несколько специализированных ЛС – обозначение времени суток: *вечереть* ‘клониться к вечеру, переходить в вечер (о дне)’; *угаснуть* ‘прийти к концу (об исходе дня, вечера)’; *спуститься* ‘сойти на землю (о ночи, сумерках)’; *смеркаться* ‘наступать (о сумерках)’; *брезжить* ‘наступать (о рассвете)’. Эти ЛС являются отражением не линейного ‘времени жизни’, наполненного событиями, а времени циклического, с которым связываются идеи бесконечных возвратов и повторов. Интересно, что другие временные циклы, например времена года, не выделены

системой ЛС.

Таким образом, в классе *неживой мир* подкласс *натурфакты* представлен референтно-отражательными группами глаголов с ЛС 'небо', 'небесные светила', 'явления природы', 'участки земной поверхности', 'жидкость', 'физические явления', 'время'. Здесь нашли отражение такие природные субстанции, которые исторически играли и играют решающую роль в жизни человека. В наивной картине мира природа живет своей особой жизнью, не зависимой от человека. Самостоятельность природного мира, его независимость, а в определенной степени и воздействие на человека отражаются в языке таким образом, что глаголы референтно-отражательного подкласса *натурфакты* в большинстве своем имеют субъектную ориентацию.

Артефакты

ЛС 'средства передвижения'

ЛС названной подгруппы являются специализированными, но имеют как обобщенный, так и конкретный характер. Обобщенная ЛС встречается в семемах глаголов, обозначающих вообще движение либо остановку транспорта: *ехать* 'двигаться, катиться (о средствах передвижения)'; *курсировать* 'совершать регулярные поездки, рейсы по определенному курсу, маршруту (о транспорте)'; *укатить* 'быстро, стремительно удалиться (о средствах передвижения)'; *тормозить* 'останавливаться или замедлять свой ход (о транспортных средствах)'; *буксовать* 'вращать колесами, скользят и не двигаясь с места (о транспортных средствах)'; *стоять* 'прекратить движение, находиться на остановке, стоянке (о транспортных средствах)'; *наклонить* 'наклонить набок, в сторону (средство передвижения)' и пр.

Конкретные ЛС этой группы связаны лишь с двумя видами средств передвижения – самолетами (шире – летательными аппаратами) и плавучими средствами. Исключение составляет глагол *трястись* 'ехать, раскачиваясь, подпрыгивая по тряской дороге (об экипаже)'; *катиться* 'передвигаться, ехать (о колесных средствах передвижения)'. Выделение современным язы-

ковым сознанием двух видов транспортных средств связано, на наш взгляд, с большими возможностями манипулирования ими и с их специфическими действиями: *барражировать* ‘патрулировать в воздухе, охраняя войска, объекты от авиации противника (о самолетах)’; *вырулить* ‘передвигаясь по земле (перед вылетом, после посадки), выехать, подкатить куда-л. (о самолетах)’; *парить* ‘лететь, держась восходящими потоками воздуха (о планере, о самолете с выключенным мотором)’; *пикировать* ‘снизиться (снижаться) на большой скорости в почти вертикальном положении (о самолете)’; *болтать* ‘покачивать из стороны в сторону, подбрасывать (самолет)’; *сажать* ‘вести на посадку, приземление (самолет)’; *дрейфовать* ‘непроизвольно двигаться, плыть по направлению ветра, течения (о судне)’; *зашилеть* ‘остановиться вследствие штиля, безветрия (о парусном судне)’; *отчалить* ‘отойти, отплыть (о судне)’; *пристать* ‘причалить (о плавучих средствах)’; *швартоваться* ‘закрепляться за причальные приспособления при помощи швартовов (о судах)’; *оснастить* ‘оборудовать, снабдить снастями (судно)’; *фрахтовать* ‘нанимать (судно) для перевозки груза’ и др.

ЛС ‘орудия труда, механизмы’

Референтно-отражательный подкласс глаголов с такой ЛС довольно обширен и пополняется до сих пор в силу экстралингвистических причин: научно-технические достижения порождают все большее число устройств, предназначенных для выполнения разных работ, что не может не найти отражения в языке [см., например: Новое 1980... вып 1-6]. В этой группе встречается альтернативная ЛС, варианты которой обозначают однотипно функционирующие механизмы: *работать* ‘находиться в действии, действовать (о механизмах, агрегатах, устройствах)’; *завестись* ‘прийти в действие, движение, получив завод (о моторе, механизме)’; *идти* ‘находиться в действии (о механизмах, машинах)’; *сноситься* ‘прийти в негодное состояние в процессе работы (о машине, механизме, оборудовании)’; *падать* ‘указывать на понижение давления (о барометре, манометре)’; *настроить* ‘наладить, отрегулировать (станок, механизм)’. Но чаще в этом подклассе глаголов представлена специализированная

ЛС. В ряде случаев она имеет обобщенный характер, обозначая гипероним: *бездействовать* 'не производить никакой работы, находиться в состоянии покоя (о машинах)'; *пыхтеть* 'выпуская пар, газы, издавать отрывистые, короткие ритмические звуки (о машинах)'; *стопориться* 'останавливаться, переставать действовать (о машине)'. Судя по материалам, формальное различие между альтернативными и обобщенно-специализированными ЛС не отражает содержательного различия, так как глаголы с обоими типами ЛС обозначают общие процессы, связанные с началом или прекращением работы, а также с пребыванием в работе любого устройства, ср.: *работать, идти, завестись, стопориться, бездействовать, настроить* и под. Различие, на наш взгляд, обусловлено собственно лексикографическими причинами, связанными с глубиной определения и не имеющими никакого отношения к семантике. Отличительными чертами обладают лишь специализированные ЛС конкретного характера, поскольку указывают на определенный вид орудий труда или конкретный механизм: *тикать* 'мерно постукивать при ходе (о часах)'; *спешить* 'показывать неверное, более позднее, чем в действительности, время, вследствие слишком быстрого хода (о часах)'; *взвестись* 'встать на боевой взвод (об оружии)'; *замолкнуть, замолчать* 'прекратить стрельбу (об огнестрельном оружии)'; *барахлить* 'работать с перебоями (о моторе)'; *зарядиться* 'получить электрическую энергию (о приборе)'; *зуммерить* 'давать звуковой сигнал (о зуммере)'; *приближать* 'увеличивая, делать близким для рассматривания (об оптических приборах)'; *расстроиться* 'потерять свой строй, лад (о музыкальном инструменте)'; *задуть* 'ввести в действие (доменную печь)'; *сечь* 'наносить удары, поражать (холодным оружием)'; *направить* 'отточив лезвия, сделать (режущий инструмент) пригодным для использования'; *нацелить* 'направить (оружие) на какую-л. цель'. Поскольку технический мир чрезвычайно разнообразен, конкретные ЛС также очень разнообразны, но при этом представлены единично. Из всего многообразия референтов этого класса лишь *оружие* и *часы* представлены в нескольких глагольных семемах.

Вместе с тем в данной группе обнаруживается сходство в семантике глаголов. Оно проявляется в том, что глагольные

семемы субъектной ориентации обозначают функциональное состояние соответствующих орудий труда и механизмов, а объектные глаголы – приведение объекта в функциональное состояние либо выведение из него. Аналогичное содержание присуще и множеству других глагольных семем, содержащих ЛС, представленные артефактонимами. Это определено самой природой артефактов – функционально ориентированных предметов, созданных человеком. Подобную картину мы наблюдаем, в частности, в следующей референтно-отражательной группе ЛС.

ЛС 'предметы быта'

Человека в быту окружает огромное множество разнообразных предметов, важных и необходимых для него. Некоторые из них предназначены для выполнения специфических функций, другие отличаются какими-либо специфическими состояниями. Язык фиксирует это с помощью глагольных семем, включающих денотативно-конкретизирующие ЛС. В связи с этим можно отметить две особенности выделенной референтно-отражательной группы: с одной стороны, чрезвычайное разнообразие артефактонимов, выполняющих функцию компонента-ограничителя в глаголе, а с другой стороны, их единичная представленность. В анализируемой группе присутствуют специализированные ЛС очень конкретного характера.

Например, особое состояние отмечено языковым сознанием для таких предметов: *зацвести* 'покрыться пятнами (о стекле)'; *плакать* 'запотев, покрыться каплями влаги (о стеклах)'; *замокнуть* 'разбухнув от влаги, перестать течь (о деревянной посуде)'; *растечься* 'впитываясь в бумагу при письме, образовать кляксы, подтеки; расплыться (о чернилах)'; *полоскаться* 'колебаться от ветра, трепетать на ветру (о флаге, парусе)'; *облезть* 'сойти с поверхности чего-л. (о краске, лаке)'; *зажухнуть* 'стать тусклым (о красках)'; *нагореть* 'покрыться нагаром (о свечах)'; *сучиться* 'скручиваясь, свиваясь, соединяться в одно (о нитках, пряже)' и др. Подобного материала в словарях обнаружено немного. По данным "Частотного словаря", эти глаголы малоупотребля-

тельны [ЧС 1977]. Кроме того, мы проверили несколько выпусков словарей “Новое в русской лексике” [Новое 1980; Новое 1981; Новое 1982; Новое 1986] и не встретили ни одного глагола, значение которого было бы связано с особым состоянием какого-либо предмета бытового обихода. Видимо, это неактуально для жизнедеятельности человека, во всяком случае для современного языкового сознания.

Гораздо важнее для человеческого существования и потому больше зафиксировано языком функциональное состояние артефактов, которые и создаются для выполнения определенных действий: *прозвонить* ‘издать непродолжительный звон (о звонке, колоколе)’; *перезванивать* ‘издавать попеременно или одновременно звон (о колоколе, колокольчике)’; *протрубить* ‘прозвучать (о трубе, рожке)’; *снова́ть* ‘двигаться взад и вперед, прокладывая основы (о челноке)’; *тянуть* ‘иметь тягу (о дымоходе, трубе)’; *гореть* ‘топиться (о печи)’; *топиться* ‘иметь в себе разведенный огонь (о печи)’; *исчиркать* ‘истратить, чиркая, зажигая (спички)’.

Глаголы с таким значением регулярно образуют пары векторных антонимов, поскольку артефакты существуют, выполняя основную для них функцию, либо они уже не могут выполнять своего назначения и, следовательно, перестают существовать. При этом глаголы не только реализуют противоположные значения, но приобретают дополнительное значение цикла. Оно формируется в результате осмысления противоположных действий как компонентов, фаз единого цельного действия, которое может быть исчерпано только комплексом двух действий [см.: Козельская 1984]. Ср.: *закуриться* ‘зажечься и начать куриться (о папиресе, трубке)’, *раскуриться* ‘разжечься (о папиресе, сигаре)’ – *выкуриться* ‘израсходоваться курением (о трубке, папиресе)’; *закрыться* ‘сдвинуться, сомкнуться, преграждая доступ куда-л. (о створках, крышке)’ – *открыться* ‘раздвинуться, отойти в сторону или подняться (о закрытой крышке, створках)’. Векторные антонимы представлены не только субъектными, но и объектными глаголами, обозначающими изменение функционального состояния предмета: *засупонить–рассупонить* хомут; *затворить–отворить* дверь,

окно. Примечательно, что в дефинициях субъектных глаголов не встречается разнобоя при отражении специализированных ЛС, тогда как при описании объектных глаголов в ряде случаев векторные антонимы со значением 'изменение функционального состояния' имеют по-разному представленные в словаре ЛС. Так, в глаголе *запечатать* выделена специализированная ЛС 'закрыв (конверт), заклеить', а в антонимичном ему глаголе *распечатать* ее нет, а есть лишь обобщенно представленный включенный объект 'что-л. заклеенное, запечатанное'. То же самое мы наблюдаем в парах *отомкнуть* (замок, задвижку) – *замкнуть*; *отвязать* (веревку, шнур) – *завязать*, в которых вторые члены пары, по материалам словарей, не имеют специализированных ЛС. Такое положение дел, на наш взгляд, не отражает истины. Векторные антонимы, обозначающие цикл, связаны не только общим признаком 'изменение функционального состояния', но также и специализированными ЛС, то есть в семантике обоих членов пары присутствует соответствующая конкретизирующая ЛС, что, безусловно, должно быть отмечено в словарных толкованиях.

Некоторые возвратные глаголы обозначают лишь одну фазу цикла, и это только конечная фаза – выход из функционального состояния, потеря свойств, необходимых объекту для того, чтобы выполнять свое предназначение. Ср.: *отстегнуться* 'выпасть из петли, разъединиться (о застёжке, частях застёжки)'; *избиться, истоптаться, сбиться, стоптаться* (об обуви); *распрячься* 'развязаться, распуститься (об упряжи)'; *измазаться* 'истратиться, израсходоваться (о краске, мази, смазочном материале)'; *измылиться* 'израсходоваться при мытье или стирке (о мыле)'; *износиться* 'прийти в негодность от продолжительной работы (о машине, механизме, оборудовании)'; *исписаться* 'прийти в негодность от писания (о пере, карандаше)'; *разбинтоваться* 'размотаться, развязаться (о бинте)'; *отвязаться* 'развязавшись, отделиться (о веревке, шнуре)'; *откупориться* 'открыться (о пробке)'; *рассупониться* 'развязаться (о супони)' и др. Подобный факт объясняется многими причинами: во-первых, объект не может самостоятельно, без активного внешнего воздействия приходить в рабочее состояние; во-вторых, как мы уже отме-

чали, языковое сознание фиксирует то, что противоречит интересам человека. Выполнение функций, для которых создан тот или иной объект, воспринимается как норма, а невозможность их выполнения – как отклонение от нее. “Человек воспринимает мир избирательно, и прежде другого он замечает аномальные явления”, – пишет Н.Д. Арутюнова [1987: 4]. И далее замечает: “Всем ненормативным, редким и необычным явлениям обеспечен прямой выход в лексику” [там же: 11].

Среди предметов бытового обихода можно выделить некоторые вещи, обеспечивающие жизнедеятельность человека. К ним относятся одежда, обувь, продукты питания. В отличие от других ЛС, обозначающих предметы быта, специализированные ЛС ‘одежда’, ‘обувь’, ‘продукты питания’ широко представлены в глаголах анализируемой референтно-отражательной группы: ‘одежда’ и ‘обувь’ – свыше 50 единиц, ‘продукты питания’ – свыше 40. В некоторых глагольных семемах ЛС ‘одежда’ и ‘обувь’ сосуществуют как варианты альтернативной ЛС. Это наблюдается в глаголах, обозначающих процессы надевания предметов или освобождения от них: *налезть, влезть, напялиться* ‘надеться с некоторым усилием (о тесной одежде, обуви)’ и антонимичные им *снять, стащить, снять*, а также *надеть, нахлобучить* одежду, обувь. Кроме того, альтернативная ЛС встречается в глаголах *износиться, сноситься* ‘прийти в ветхость, негодность от носки (об обуви, одежде)’ и близких им по значению *дотаскать, дорвать; жать, теснить* ‘быть тесным, давить, причиняя неудобство, боль (об одежде, обуви)’.

Вместе с тем есть глагольные семемы, которые обозначают свойства, присущие либо одежде, либо обуви, и соответственно содержат только одну специализированную ЛС: *коробиться* ‘топорщиться, не ложиться ровно, гладко (об одежде)’; *морищить* ‘лежать негладко, иметь морщины (об одежде)’; *облегать* ‘плотно прилегать, охватывать (об одежде)’; *запахнуться* ‘закинуться (о полах одежды)’; *свалиться* ‘получиться в результате валяния (об одежде из шерсти, пуха)’; *избиться, истоптаться, сбиться, стоптаться* ‘потерять первоначальную форму, прийти в негодность от носки (об обуви)’. Как видно из материалов, многие глаголы с названными специализированными ЛС образуют

синонимические ряды, куда входят стилистически маркированные единицы. Так, *налезть*, *влезть* принадлежат сфере разговорной речи, а *нахлобучиться* *напаяться* имеют помету “просторечное”, так же маркированы лексемы *избиться*, *истоптаться*, *сбиться*, *стоптаться*.

ЛС ‘продукты питания’ входит в семемы следующих глаголов: *вязнуть* ‘застревать (о пище)’; *заветреть* ‘утратить свежесть, начать портиться с поверхности под воздействием воздуха (о продуктах)’; *изжариться* ‘стать жареным, совсем готовым для еды (о пище)’; *преть* ‘вариться, поспевать на медленном огне в плотно закрытой посуде (о пище)’; *прогоркнуть* ‘испортившись, приобрести неприятный запах и горький вкус (о пищевых продуктах)’; *прокоптиться* ‘в результате копчения прийти в состояние полной готовности (о пище)’ и др. Глаголы с названной ЛС преимущественно обозначают либо способ приготовления пищи, либо ее свойство, по которому она становится непригодной для еды. Некоторые продукты имеют особый способ приготовления, поэтому в глагольных семемах специализированная ЛС конкретизируется: *закоптиться* ‘стать готовым к употреблению в результате копчения (о рыбе, мясе)’; *выходиться*, *добродить* ‘стать готовым к употреблению в результате брожения (о вине, пиве)’; *топиться* ‘подвергаться продолжительному выдерживанию и кипячению в печи на легком жару (о молоке, сливках)’. Другие ЛС с конкретным содержанием из этой же тематической группы входят в глагольные семемы, представляющие специфические свойства продуктов питания. Например: *засахариться* ‘загустеть, выделив сахар (о варенье, меде)’; *играть*, *муссировать* ‘пениться, кипеть, искриться (о вине и шипучих напитках)’; *подняться*, *взойти*, *подойти* ‘увеличиться в объеме, став более рыхлым (о тесте)’; *свернуться*, *створожиться* ‘превратиться в творог (о молоке)’.

Таким образом, референтно-отражательный подкласс глаголов с денотативно-конкретизирующей ЛС ‘артефакты’ отличается большим разнообразием по содержанию ЛС. Это является объективным отражением внешнего мира – мира вещей. Семантической особенностью данного подкласса является то, что объектные глаголы занимают здесь гораздо большее место, чем в других подклассах. Именно в сфере артефактов про-

является особая связь между целенаправленным действием и объектом, о чем подробно писала Н.Д.Арутюнова: "... именно объект определяет характер действия, направленного на его создание, изменение, уничтожение" [Арутюнова 1976: 114]. В результате производственной деятельности человек создает множество различных объектов, необходимых ему в жизни. Вполне естественно, что не все они получают отражение в виде ЛС, присутствующих в глагольных семемах. Для того чтобы это произошло, человеческое сознание должно либо наделить данный объект специфическими свойствами (часто представляющими опасность или нежелательность для людей), либо зафиксировать особые способы его создания или обработки, либо обнаружить его контраст с фоном окружающей среды как некоторого аномального явления.

В соответствии с первой причиной, как нам кажется, появилась специализированная ЛС 'химические вещества', которая присутствует в глагольных семемах, обозначающих опасные для человека воздействия этих веществ. Значение 'разрушить что-л., причинить повреждение чему-л.' манифестировано рядом лексем, однокоренных приставочных производных от глагола *есть*: *выесть, изесть, обьесть, отьесть, развесть, съесть*, а также их синонимом *сжечь*.

Большая группа объектных глаголов называет специфические способы получения или изготовления предмета и поэтому содержит специализированную ЛС, обозначающую артефакт: *набить* 'отпечатать особым способом на ткани (узор, рисунок)'; *накатать* 'нанести с помощью специального приспособления на поверхность чего-л. (рисунок, резьбу)'; *намыть* 'промывая водой золотоносную породу, добыть, получить (золото)'; *плавить* 'превращать твердое тело (преимущественно металл) в жидкое путем нагревания'; *обкосить* 'косьбой придать нужные качества (косе)'; *навести* 'построить (мост, переправу)'; *штукатурить* 'покрывать (стены, потолки) штукатуркой для образования гладкой поверхности'; *добыть* 'извлечь из недр земли (полезные ископаемые)'; *выработать* 'выбрать без остатка (полезные ископаемые)'; *выжечь* 'сделать (знаки, узоры) раскаленным железом или особым инструментом'; *воткать* 'вставить посредством тканья (нитку, узор, полосу)'; *вырисовать* 'тщательно, ста-

рательно написать (буквы, цифры), выводя каждую линию'.

Особенностью рассматриваемого референтно-отражательно-го подкласса является то, что одна и та же ЛС входит и в возвратный, и в невозвратный глаголы, образующие коррелятивную пару: *топить* 'поддерживать огонь (в печи)' – *топиться* 'иметь в себе разведенный огонь (о печи)'; *затворить* 'закрыть (дверь, окно)' – *затвориться* 'закрыться (о двери, окне)'; *отгладить* 'хорошо прогладить (платье, костюм)' – *отгладиться* 'стать гладким после утюжки (о платье, костюме)'; *стоптать* 'нося, искривить на одну сторону от носки (обувь)' – *стоптаться* 'искривиться в одну сторону от носки (об обуви)'; *изжарить* 'приготовить посредством жарения (пищу)' – *изжариться* 'стать жареным, совсем готовым для еды (о пище)'. Невозвратные глаголы обозначают 'приведение объекта в определенное состояние', а возвратные – 'пребывание объекта в этом состоянии', и они находятся в отношении лексической конверсии. При этом, нам кажется, нельзя рассматривать возвратные глаголы как форму невозвратных, поскольку их семный состав совпадает с семой невозвратных глаголов по всем дифференциальным признакам, но различается категориально-лексической (интегральной) семой, а следовательно, возвратные глаголы входят в состав другой лексико-семантической группы. О семантической самостоятельности таких глаголов писал Т.П. Ломтев [1976: 164–168; см. также: Шапиро 1941]. И.Т. Вепрева рассматривает подобные явления как переходные случаи, когда возвратный глагол способен проявлять себя и как самостоятельный глагол, и как форму исходного невозвратного глагола, что зависит от текстового окружения [Вепрева 1982: 98–99].

Различие между коррелятами обнаруживается также в возможности каждого из них иметь векторный антоним. Невозвратные транзитивные глаголы с большей регулярностью и частотностью образуют антисемические оппозиции. Поскольку такие глаголы обозначают воздействие активного субъекта (человека) на объект, названный ЛС, с целью приведения его в функциональное состояние, а также выведение из этого состояния, постольку язык фиксирует оба таких действия, и при этом образуется пара векторных антонимов, объединенных специализированной ЛС. Возвратные глаголы обозначают функциональное

состояние объекта как самостоятельное, лишенное воздействия извне, причем это состояние мыслится как постоянное, не имеющее начала и конца: *печь топится, мыло мылится, рожок, труба трубит, свеча тает, лампа* (источник света) *отсвечивает* и под.; это уже не собственно состояние, а свойство [Семантические типы предикатов 1982]. Поэтому возвратные глаголы не имеют антонимичной пары и лишь в ряде случаев, как мы уже указывали, обозначают конечную фазу цикла.

ЛС 'предметы культуры'

В референтно-отражательном подклассе глаголов *артефакты* выделяется группа глаголов с ЛС, называющих предметы, созданные в результате интеллектуальной и творческой деятельности человека. Так, особую группу представляют объекты печатной продукции: *издаваться* 'печататься и выходить в свет (о печатной продукции)'; *печатать* 'помещать на своих страницах, сообщать о чем-л. печатно (о газетах, журналах)'; *экранизировать* 'положить в основу создания кинофильма (литературное произведение)' или вообще художественные произведения: *сложиться* 'возникнуть, создаться в процессе творчества (о стихе, песне)'; *идти* 'ставиться, показываться (о пьесе, спектакле)'; *исполнить* 'воспроизвести для слушания, обозрения (произведение искусства)'; *озвучить* 'сделать звуковым (кинофильм)'. Разные художественные произведения различаются, помимо прочего, способом исполнения, поэтому названные ЛС встречаются преимущественно в глаголах со значением 'исполнять художественное произведение'. Смысловая общность таких глаголов позволила даже выделить лексико-семантическую подгруппу глаголов 'исполнение художественных произведений' [ЛСГРГ: 58], куда входят, например: *аккомпанировать, вальсировать, декламировать, запевать, высвистать, разыгрывать, танцевать, вытанцовывать*. Число ее членов невелико, и объединены они не только категориально-лексической (интегральной) семой, но также и специализированной ЛС 'художественное произведение'.

Особняком стоит специализированная ЛС 'денежные средства, деньги', которая присутствует в довольно большом количестве гла-

голов. Занимая важное место в жизни человека, деньги и связанные с ними субстанции получают разные характеристики: *котироваться* ‘цениться, оцениваться (о ценных бумагах, валюте)’; *вложить* ‘поместить, отдать для хранения, использования (деньги, денежные средства, капитал)’; *скопить* ‘сберегая, собрать, накопить (деньги, имущество)’; *наменять* ‘разменять (деньги) в каком-л. количестве’; *тянуть* ‘вымогать (деньги)’; *разойтись* ‘израсходоваться постепенно по мелочам (о деньгах)’; *тратить* ‘расходовать (деньги)’; *мотать* ‘неразумно, нерасчетливо растрачивать (деньги)’. Как видно из примеров, человеческое сознание фиксирует, главным образом, два противоположных процесса, связанных с деньгами – процесс накопления и процесс потери денег. Не мог язык обойти и такое явление в финансовой деятельности человека, как долг. Эта ЛС входит в глагольные семемы *нарасти* ‘накопиться в каком-л. количестве (о процентах, долгах)’ и *сквитать* ‘уплатить, возвратить (долг)’.

Итак, денотативно-конкретизирующие ЛС, связанные с вещным миром – миром неживой природы, охватывают множество реальных объектов, а также категории реального мира (время) или опредмеченные физические, химические, механические свойства конкретной вещи, воспринимаемые акустически, визуально, тактильно. Их отражение в системе ЛС связано с присущими им особыми свойствами, имеющими непреложное значение для человека. Довольно часто язык фиксирует способность объектов к деструктивному воздействию, а также разного рода девиации. Это наблюдение перекликается с замечанием Н.Д. Арутюновой о том, что “концепт нормы применим практически ко всем сферам жизни – явлениям природы, естественным родам, выведенным культурам, артефактам, организмам и механизмам, погоде, социальным явлениям, поведению людей и их действиям... экономике, искусству, науке, языку и мышлению, профессиональным действиям, играм, спорту и т.п.” [Арутюнова 1987: 6]. И поскольку природа и общество постоянно нарушают правила и нормативы, а восприятие мира прежде всего фиксирует аномальные явления, постольку в языке так много разнообразных ЛС.

Таким образом, система денотативно-конкретизирующих

ЛС в семемах глаголов является основанием для выделения референтно-отражательных групп – ономаσιологических классов глаголов, включающих в свою семантику лимитирующие компоненты, обозначающие предметы или явления, которые имеют материальное воплощение или могут быть представлены таковыми человеком. Этот вывод полностью подтверждает особую природу ЛС, их связь с представлением как формой наглядно-чувственного мышления. С точки зрения грамматики, манифестаторами денотативно-конкретизирующих ЛС выступают лишь слова с конкретно-предметным и неконкретно-предметным [см.: Шведова 1981] значением. Существительные, именующие “предметы психического мира”, хотя и относятся к разряду абстрактных имен, но обладают, как мы уже указывали, специфическими чертами, отличающими их от других абстрактных существительных и сближающими с конкретными именами, – они “часто функционируют как имена актантов – участников драм и мистерий, развертывающихся на “внутренней арене”” [Арутюнова 1976: 94].

Для того чтобы составить полное представление о “наивной энциклопедии”, зафиксированной системой денотативно-конкретизирующих ЛС, следует, на наш взгляд, проанализировать с этой точки зрения и другие знаменательные части речи.

Лимитирующие семы в семемах прилагательных

Прилагательное, наряду с другими лексико-грамматическими классами, участвует в обозначении предметов и явлений действительности, но выражает свойство, качество предмета только в сочетании с определенными существительными. Как отмечает большинство исследователей имени прилагательного (И.М.Айдынов, Е.М.Вольф, Т.М.Николаева, Ж.П.Соколовская, А.А.Уфимцева, А.Н.Шрамм, Г.М.Шипицына), особенностью семантики этих единиц является их чрезвычайно широкий смысловой объем, “они имеют сигнификат, но не имеют денотата” [Вольф 1978: 6]. Не имеющие собственно денотативного значения, лишенные референции [Lewis 1972: 178], они нуждаются в денотации, которую несет определяемое ими существительное. По логике вещей значение прилагательного

должно быть приписано какому-либо предмету или лицу. Формально пассивное, прилагательное является семантически активным, на него всегда проецируется значение носителя признака.

Прилагательное входит, наряду с глаголами, в класс признаков имен, и его значение, следовательно, имеет бинарную структуру: собственно понятийная часть (сигнификативный макрокомпонент значения) и субстанциональная часть, представляющая денотативно-ограничительный компонент семемы – ЛС. Поскольку прилагательное именует конкретные свойства конкретных сущностей, дает экзистенциальную характеристику явлению, устанавливает вневременную и внемодальную связь субстанции с признаком, постольку его референтный потенциал связан только с категорией субъекта, и денотативно-конкретизирующие ЛС в семемах прилагательных представляют носителя соответствующего признака.

Класс прилагательных, имеющих в семантике ЛС, значительно меньше, чем класс глаголов с ЛС. Этот факт можно объяснить тем, что многие различные по сути субстанции являются носителями сходных или общих свойств. В окружающем мире не так много предметов, обладающих уникальными свойствами, которые являются значимыми для человека и потому находят отражение в языке. Однако, как отмечает А.А.Уфимцева, “у каждого лексико-семантического варианта (ЛСВ. – *О.М.*) прилагательного должен быть свой специфичный круг референции, системный набор имен класса, серии, категории предметов, лиц и т.п., соотносимых и соотносящихся с данным статичным признаком по логике вещей, по логике общепринятой нормы (системе или узусу) и по логике конкретного высказывания, интенции и ситуационных условий говорящего и слушающего” [Уфимцева 1986: 212]. Н.Е.Сулименко также говорит об ограниченности лексических связей разных ЛСВ многозначных прилагательных, которая выражается в “тематической замкнутости ключевых слов в словосочетаниях прилагательных” [Сулименко 1966: 13], и эта тематическая замкнутость должна быть зафиксирована в словарях: “толкования должны тем или иным образом включать область денотатов, которым может быть приписан соответствующий признак” [Вольф 1978: 5].

Специфичный круг референтов, соотносящихся с определенным признаком по логике вещей, закреплён в семемах прилагательных в виде денотативно-конкретизирующих ЛС. При этом, как уже отмечалось, в многозначных прилагательных разные ЛСВ, обладая общим сигнификативным значением, различаются именно референтной приложимостью соответствующего признака, ср.: *чистый* 6./ 'без веснушек, прыщей и т.п. (о коже)'; 7. 'не замутнённый грязью, песком (о воде)'; // 'свежий, не душный, не пыльный (о воздухе)'; // 'без сорняков (о злаках)'; // 'не смешанной породы, чистокровный (о животных)'; // 'одной древесной породы (о лесе)'; 8. 'звонкий, без хрипа (о голосе, звуке)'; 9. 'правильный, соответствующий нормам, без ошибок (о языке, слог)'. Общее сигнификативное значение разных ЛСВ прилагательного *чистый* – 'не имеющий посторонних, не желательных для предмета признаков' – конкретизируется в разных микроконтекстах применительно к разным референтам. Или другой пример: *лютый* 1. 'свирепый, кровожадный (о животных)'; // 'жестокый, беспощадный (о человеке)'; // 'ожесточённый, кровопролитный (о битве, бое, сражении)'. Эти оттенки значения объединены общим понятийным признаком 'проявляющий жестокость', но различны по денотативно-ограничительной части семемы. Таким образом, ещё раз подчеркнем, что все значения многозначного слова, в частности прилагательного, позиционно распределены, исключают друг друга в одном и том же контексте, но различие семантических вариантов слова определяется не позицией данного слова в контексте, а онтологическим различием самих признаков, названных словом и приписанных различным субстанциям.

Разнообразие субъектов, обладающих специфическими свойствами и отражённых в ограничительной части атрибутивных семем, также даёт возможность проанализировать ЛС в семантико-отражательном аспекте. В литературе известны исследования имен прилагательных, проводимые в разных аспектах: со стороны их парадигматических особенностей [Вольф 1978; Соколовская 1979; 1980; Шипицына 1975; 1979; Шрамм 1979; 1983; 1989], функционирования [Сергеева 1989; Убийко 1988] и с точки зрения их синтагматических свойств [Айдынов 1970; Соколовская 1988]. Именно последнее направление ис-

следований находится в русле наших интересов.

И.М.Айдынов, анализируя синтаксическую сочетаемость прилагательных с существительными, выделяет 4 группы существительных (лицо, не-лицо, собственно предмет, отвлеченный предмет), а затем на основе этих групп строит 15 “конфигураций синтаксических сочетаний” по способности прилагательного сочетаться с разными типами существительных, например: “прилагательное + существительное-лицо” (именитый писатель), “прилагательное + существительное–собственно предмет” (свободное место), “прилагательное + существительное–отвлеченный предмет” (скоропостижная смерть), “прилагательное + существительное–не-лицо или существительное–собственно предмет” (чешуйчатая рыба, чешуйчатые листья) и т.д. [Айдынов 1970]. В основе выделенных исследователем групп существительных лежат признаки обобщенного характера, поэтому соответствующие группы являются логико-грамматическими, в них не учитывается лексическая семантика существительных. Ж.П.Соколовская, исследуя лексическую сочетаемость прилагательных со значением ‘обобщенная положительная оценка’, выделяет синтагматически связанные с ними группы имен существительных, которые рассматривает “как варианты соответствующих идеографических групп”. Это описание охватывает фактически весь класс имен существительных, поскольку при необходимости человек может дать обобщенную положительную оценку любому предмету; другими словами, с названными прилагательными могут сочетаться субстантивы любой семантики. Ж.П.Соколовская выделяет следующие группы имен существительных:

1. Существительные, обозначающие людей по профессии, занимаемой должности, роду занятий, участию в общественно-политических, спортивных и других организациях: *актер, артист, врач, ученик, горничная, министр* и др.

2. Существительные, обозначающие людей вообще: *человек, люди, народ*.

3. Существительные, обозначающие людей по возрастному и половому признаку: *мужчина, женщина, мужик, старик, мальчик, парень* и др.

4. Существительные, обозначающие людей по признаку

родства: *мать, сын, отец, дочь, бабушка* и др.

5. Существительные, обозначающие людей по признаку близких, дружеских, деловых отношений: *друг, приятель, знакомый, попутчик* и др.

6. Существительные, обозначающие совокупности людей в зависимости от отношений, существующих между ними: *коллектив, компания, семья, группа, курс, отряд* и др.

7. Существительные, обозначающие наименование частей человеческого тела и функций человеческого организма: *рука, нога, сердце, кровь, голос, зрение, мысль* и др.

8. Существительные, обозначающие наименование физического состояния человека: *здоровье, жизнь, смерть, самочувствие* и др.

9. Существительные, обозначающие наименование душевного состояния человека: *настроение, расположение духа, радость* и др.

10. Существительные, обозначающие наименование явлений и понятий общественно-политической жизни.

11. Существительные, обозначающие наименование понятий искусства и литературы, произведений искусства и литературы: *кино, театр, живопись, музыка* и др.

12. Существительные, обозначающие наименование отвлеченных понятий с различной семантикой.

13. Существительные, обозначающие предметы, вещи.

14. Существительные, обозначающие продукты питания.

15. Существительные, обозначающие явления неживой природы. Погода. Растительный мир.

16. Существительные, обозначающие промежутки времени.

17. Существительные, обозначающие явления неживой природы.

18. Существительные, обозначающие названия учреждений, предприятий, заведений: *школа, больница, театр, университет* и др.

19. Существительные, обозначающие единицы административного деления.

20. Существительные с ослабленным лексическим значением.

К сожалению, автор не во всех случаях приводит примеры имен существительных, поэтому не вполне ясно, какой круг

денотатов охватывают группы, в частности группа 15 “Существительные, обозначающие явления неживой природы. Погода. Растительный мир” и группа 17 “Существительные, обозначающие явления неживой природы”. Кроме того, выделенная группа “Существительные с ослабленным лексическим значением”, по нашему мнению, не может входить в число идеографических групп, равно как и группа “Существительные, обозначающие наименование отвлеченных понятий с различной семантикой”, поскольку основанием для выделения этих групп являются лексико-грамматические семы.

Проведенная нами семантико-ономасиологическая классификация денотативно-конкретизирующих ЛС, содержащихся в именах прилагательных, также позволила выделить группы имен существительных, обозначающих носителей определенных признаков. Результаты нашей типологии в некоторой части совпадают с типологией Ж.П.Соколовской: сходными оказываются те группы, в которых имена отражают конкретно-предметные сущности (см., например, в типологии Ж.П.Соколовской группы 1–4, 7, 13, 14). Рассмотрим группы денотативно-конкретизирующих ЛС в семемах прилагательных, последовательно сопоставляя их с группами ЛС, содержащихся в семантике глаголов.

Класс первый. *Человек*

ЛС ‘человек’

Прилагательные с такой ЛС обозначают внешние черты и внутренние качества, реже – состояние, человека: *длинный* ‘высокий ростом (о человеке)’; *дородный* ‘крупного, плотного телосложения (о человеке)’; *коренастый* ‘крепкого телосложения, широкоплечий, но невысокий (о человеке)’; *ширококостный* ‘широкий в кости (о человеке)’; *семижильный* ‘выносливый (о человеке)’; *согбенный* ‘сгорбленный (о человеке)’; *свежий* ‘полный здоровья, сил (о человеке)’; *рассыпчатый* ‘полный, пышный, дородный (о человеке)’; *хороший* ‘обладающий положительными моральными качествами (о человеке)’; *душевный* ‘добрый, чуткий, отзывчивый (о человеке)’; *туманный* ‘грустный, печаль-

ный (о человеке, его лице)'; *хозяйственный* 'такой, который хорошо ведет хозяйство, заботится о нем (о человеке)'. Эта ЛС, обладая обобщенным содержанием, т.е. называя родовое понятие, входит, как и в глагольных семемах, только во вторичные ЛСВ. В названной группе также наблюдается субкатегоризация обобщенного содержания – выделяются подгруппы, в которых ЛС обозначают людей по половому и возрастному признакам: *холостой* – о мужчине, о женщине; *женатый* – о мужчине, о муже и жене; *беспризорный* 'бездомный, никем не воспитываемый (о ребенке, подростке)'; *голопузый* 'с голым, неприкрытым животом (обычно о детях)' и др. Значительно реже, чем в глагольных семемах, обнаруживается в именах прилагательных субкатегоризация ЛС 'человек' по социальному или национально-территориальному признаку: *дворовый* 'взятый на барский, господский двор (о крепостных, оторванных от земли для обслуживания помещика)'; *вольноотпущенный* 'отпущенный на волю (о рабах или крепостных)'; *коренной* 'исконный, основной и постоянный (о жителях определенной местности, представителях определенной среды)'; *близкий* 'находящийся, состоящий в прямой связи, в тесных отношениях (о родне, друзьях)'; *добрососедский* 'дружественный (о взаимных отношениях соседей)'; либо по профессиональной принадлежности: *маститый* 'заслуживший своей долголетней деятельностью всеобщее уважение, признанный (о деятелях науки, искусства)'; *холодный* 'работающий с простейшими приспособлениями, инструментами, примитивным способом (обычно о сапожнике, парикмахере)'; либо по его состоянию, наклонностям, образу жизни, обычно отрицательно характеризваемым в общественном мнении: *тяжелый* 'находящийся в опасном положении, состоянии (о больном)'; *беспробудный*, *беспросытный* 'не знающий меры (о пьянице)';

В целом класс антропонимических прилагательных весьма обширен, что объясняется коммуникативными причинами: возникает необходимость выделить каждого человека по признакам внешности, по психическим и умственным данным, по качествам и свойствам, обусловленным местом человека в обществе и его положением в общественной жизни, т.е. свойства отдельного человека оказываются важными не только для него самого, но и для окружающих. Но денотативно-конкрет-

тизирующая ЛС 'человек' включается в словарную дефиницию прилагательного далеко не всегда. Как было указано выше относительно глагольных лексем, КО встречаются обычно в дефинициях прилагательных также во вторичных, метафорических, а также стилистически маркированных лексико-семантических вариантах: *аппетитный* перен., прост. 'привлекательный, соблазнительный (обычно о женщине)'; *сдобный* перен. 'пухлый, полный (о человеке)'; *гулящий* прост. 'распутная, развратная (о женщине)'; *толстомясый* прост. 'толстый, жирный, мясистый (о человеке)'; *единокровный* устар. 'происходящий от одного отца, но от разных матерей (о детях)'; *единородный* устар. 'единственный у родителей (о сыне, дочери)' и др.

ЛС 'части тела'

Хрупкий 'тонкого, нежного, изящного сложения (о человеке, о частях тела)'; *мягкий* 'нежный, пухлый (о теле, частях тела)'; *толстый* 'крупный, мясистый (о частях тела, лица)'; *точеный* 'правильной, тонкой, изящной формы, очертаний (о чертах лица, фигуре)'; *античный* 'классически правильный, напоминающий красотой статуи древнего мира (о чертах лица, формах тела)'. В альтернативных ЛС в виде вариантов обычно объединяются ЛС 'фигура' и 'лицо'. Конъюнкция лица и фигуры в русском сознании вполне типична, так как с фигурой связывается телосложение, внешнее очертание человека, а с лицом – его духовная жизнь, личностное начало, поэтому внимание к обоим планам дает возможность представить человека во всей его целостности, со всем, что в нем есть. В системе прилагательного получили характеристики все черты лица: *курносый* 'короткий, вздернутый (о носе)'; *вздернутый* 'приподнятый вверх (о носе, плечах, голове)'; *хмурый* 'насупленный (о бровях)'; *бледный* 'без румянца, лишенный естественной окраски (о цвете лица)'; *восковой* 'бледно-желтый, мертвенно-бледный (о цвете кожи)'; *зеленый* 'бледный, с землистым оттенком (о лице)'; *серый* 'бледный с оттенком такого цвета (о лице)'. Как и в глагольных семемах, в прилагательных широко представлена ЛС 'глаза': *влажный*, *выразительный*, *въедливый*, *огненный*, *огнево*, *сияющий*, *туманный*, *тусклый* и др. Разнообразны и многочислен-

ны прилагательные, содержащие ЛС 'волосы': *белокурый, белобрысый, взлохмаченный, взъерошенный, еристый, гладкий, льняной, смоляной*. Наряду с этим, получают номинацию разные свойства голоса человека, поэтому ряд прилагательных этой референтно-отражательной группы содержит ЛС 'голос': *бархатный, вибрирующий, гибкий, густой, горловой, грубый, громогласный, петушиный, плачущий, сдавленный, трескучий*.

ЛС 'чувства', 'мысли'

Гнетущий 'тягостный, удручающий (о чувствах, мыслях)'; *бессильный* 'лишенный возможности удовлетворения (о чувствах)'; *глубокий* 'очень сильный, достигший значительной степени (о чувстве, состоянии)'; *бледный* 'неотчетливый, смутный (о воспоминаниях, впечатлениях)'; *гениальный* 'чрезвычайно удачный (о мыслях, планах)'. Ряд прилагательных включает ЛС, отражающую состояние человека: *безвыходный* 'не представляющий или не имеющий выхода (о положении, состоянии)'; *сентиментальный* 'чувствительно разнеженный, растроганный (о настроении, состоянии)'; *флегматический* 'характеризующийся... слабым проявлением эмоциональных переживаний (о нервной организации, темпераменте)'; *тупой* 'с притупленным восприятием окружающего (о состоянии человека)'; *сложный* 'сочетающий в себе разнообразные, часто противоречивые стороны, черты (о душевном мире, чувствах человека)' и под.

В класс *человек* мы сочли возможным включить прилагательные с ЛС, обозначающими характерологические особенности личности и ее поведения, так как эти свойства позволяют создать портрет того или иного лица. Отражение в системе денотативно-конкретизирующих ЛС некоторых характерологических особенностей свидетельствует об их социальной значимости. Так, судя по материалам, важными оказываются представления о походке (*грузный*), о дыхании (*глубокий*). Но главную информацию о человеке мы получаем, когда слышим его речь или видим написанное им, поэтому, вероятно, в русском языке широко представлены прилагательные, в которых лимитирующая семантика отражает разные аспекты устной или письменной речи: *авторитетный* 'не допускающий возражений, властный (о тоне, жесте)'; *докторальный* 'педантически на-

ставительный, поучающий, не допускающий возражений (о тоне, манере говорить)'; *каллиграфический* 'красивый и четкий (о почерке)'; *размашистый* 'широкий, свободный (о почерке)'; *высокопарный* 'отличающийся высоким слогом (о речи, стиле)'; *гладкий* 'текущий легко, без затруднений, без нарушений норм (о речи, повествовании)'; *бледный* 'невыразительный, лишенный яркости (о языке, стиле)'; *витиеватый* 'лишенный простоты, напыщенный, цветистый (о речи)'; *членораздельный* 'отчетливый, внятный (о речи)'; *смачный* 'выразительный, яркий (о речи)'.

Класс второй. Живая природа

ЛС 'животные'

Домашний 'живущий при доме, не дикий (о животных, птицах)'; *дикий* 'не прирученный, живущий на воле в отличие от домашнего (о животных и птицах)' – как видно, одна и та же альтернативная ЛС входит в семемы прилагательных, связанных антонимическими отношениями. Это типичная картина для имен прилагательных, так как многие парадигмы атрибутивных слов строятся на основе антонимических пар [Убийко 1988; Шипицына 1979]. Вообще следует отметить, что денотативно-конкретизирующая ЛС 'животные' входит в семемы прилагательных, связанных парадигматическими отношениями. Например, эта ЛС присутствует во многих прилагательных, называющих особенности внешнего вида: *вислоухий*, *вислозадый*, *горбоносый*, *голоногий*, *разномастный* (о животных), *красноперый* (о рыбе), *желторотый* (о птенцах); или особенности поведения животных: *бешеный*, *блудливый*, *дрессированный* (о животных), *певчий*, *перелетный* (о птицах) и др. В целом эта группа ЛС отмечена теми же специфическими чертами, что и аналогичная группа ЛС в семемах глаголов. Так, среди специализированных ЛС выделяются ЛС "домашние животные", но нет ЛС "дикие животные": *гуртовой* (обычно о скоте); *чистокровный*; *чистопородный* (о домашних животных) и под. Среди прилагательных, связанных ЛС 'домашние животные', выделяется группа лексем, обозначающих состояние самок животных, связанных с рождением потомства: *жеребая* 'беремен-

ная (о кобыле, ослице, верблюдице)'; *супоросая, супоросная* 'беременная (о свинье)'; *яловая* 'бесплодная, неоплодотворенная (о самках сельскохозяйственных животных)'.

Самыми частотными и в прилагательных оказываются специализированные ЛС 'собака' и 'лошадь': *борзой, брыластый, гончий, густопсовый* (о собаке) и др.; *взмывенный, вспененный, выездной, горячий, долгогривый, седловатый* (о лошади) и др. Как известно, существует обширный ряд прилагательных, называющих масти лошадей (*буланый, бурый, вороной, гнедой* и пр.), но они не входят в круг анализируемых нами явлений, так как обладают связанным значением, т.е. в этом случае мы должны говорить о связанности грамматического слова, но не о наличии денотативно-ограничительного компонента в структуре семемы. В.В.Виноградов отмечал, что прилагательные со значением цвета "имели очень конкретное значение. Эта большая конкретность значений древнего имени прилагательного и в связи с этим меньший объем его смысловых связей с именами существительными ярко выступают в обозначениях лошадиных, отчасти собачьих мастей. Соответствующие обозначения, в значительной своей части восходящие к тюркским заимствованиям, вследствие исключительности своего применения имеют до сих пор сильный привкус предметности. *Вороной, буланый, гнедой, каурый, мухортый, пегий, саврасый, соловый, чалый, чубарый* (выделено автором. – О.М.) – употребляются непосредственно как клички лошадей" [Виноградов 1972: 153].

ЛС 'растение'

Прилагательные, имеющие в семантике ЛС 'фитонимы', характеризуют растения по двум направлениям: во-первых, образ жизни и биологические особенности, знание которых помогает улучшить использование растений в жизни человека: *болезнеустойчивый* 'маловосприимчивый или невосприимчивый к болезням (о растениях)'; *водолюбивый* 'растущий преимущественно в сырых местах (о растениях)'; *выносливый* 'способный переносить неблагоприятные внешние условия (о растениях)'; *засухоустойчивый* 'переносящий, выдерживающий засу-

ху (о растениях)'; *морозостойкий, морозоустойчивый* 'способный противостоять морозам (о растениях)' и под., во-вторых, свойства растений, благодаря которым последние вошли в культуру человека: *эфирномасличный, бальзамический, сахароносный, плодоносный* (о растениях)'; *грызовой* 'годный для того, чтобы грызть (о сорте подсолнечника)'; *гонкий* 'быстро растущий (о деревьях, лесе)'; *кондовый* 'с плотной, прочной древесиныой и с малым количеством сучков (о хвойных деревьях)'; *тучный* 'сочный и густой (о траве)'; *махровый* 'с большим количеством лепестков (о цветке)'; в-третьих, качественные признаки растений (часто – в большей или меньшей степени отрицательные для человека): *плакучий* 'имеющий длинные, свисающие ветви (о деревьях и кустарниках)'; *вялый* 'потерявший свежесть, увядший (о растениях)'; *лохматый* 'густой, с неровно торчащими ветвями, листьями (о растениях)'; *дремучий* 'густой, труднопроходимый, старый (о лесе)'; *зеленый* 'недозревший, неспелый (о плодах, злаках)'.

Класс третий. Неживая природа

В полном соответствии с классом глаголов в этом классе имен прилагательных выделяются два референтно-отражательных подкласса – *натурфакты* и *артефакты*. Первый подкласс представлен также шестью референтно-отражательными группами, но каждая из них весьма малочисленна.

Натурфакты

ЛС 'небо, небесные светила'

Глубокий 'уходящий в высоту, не имеющий видимого предела (о небе)'; *безоблачный* 'не закрытый облаками, ясный (обычно о небе)'; *беззвездный* 'не имеющий видимых звезд (обычно о ночном небе, ночи)'; *хмурый* 'пасмурный, сумрачный (о небе)'; *жаркий* 'источающий сильный жар, палящий (о солнце, огне)'.

ЛС 'явления природы'

Ведреный 'ясный, солнечный, сухой (о погоде)'; *вешний* 'весенний (о погоде)'; *гнилой* 'сырой, дождливый, туманный (о погоде, климате)'; *теплый* 'с повышенной температурой воздуха, без холодов (о погоде, времени года)'; *теплый* 'с высокой среднегодовой температурой воздуха (о климате)'; *мягкий* 'теплый, не суровый (о погоде, климате)'; *свежий* 'сильный (о ветре)'; *спертый* 'душный, несвежий, тяжелый (о воздухе)'; *мутный* 'белесый (об облаках, тумане)'; *тонкий* 'не густой, прозрачный (о тумане, дыме)'.

ЛС 'участки земной поверхности'

Денотативная отнесенность таких существительных, выражающих ЛС в семемах прилагательных, более ограничена, чем в аналогичной группе глаголов. Здесь меньше представлены имена "ландшафтной" группы, но больше существительные, обозначающие локус на земной поверхности: *гористый* 'покрытый горами, холмистый, возвышенный (о местности)'; *привольный* 'широко, свободно раскинувшийся (о какой-л. местности, пространстве)'; *колеистый* 'с глубокими колеями (о дороге)'; *возвратный* 'ведущий назад, обратно (о пути)'; кроме того, встречаются названия небольших водоемов: *быстротекущий* 'с быстрым течением (о реке)'; *говорливый* 'безумолчно журчащий (о ручье)'; а также ЛС 'земля', 'почва': *тучный* 'плодородный (о земле)'; *бесплодный* 'неплодородный (о почве)'; *плодородный* 'способный производить и питать богатую растительность, дающий хороший урожай (о почве)'.

ЛС 'жидкость'

Семемы прилагательных этой референтно-отражательной группы содержат в большинстве случаев специализированную денотативно-конкретизирующую ЛС 'вода': *бегущий* 'быстро и непрерывно движущийся (о воде)'; *высокий* 'имеющий уровень выше обычного (о воде)'; *гнилой* 'испорченный, несвежий, затхлый (о воде)'; *прибылой* 'поднявшийся от прилива, дождей, таяния снега (о воде)'; значительно реже – обобщенную ЛС 'жидкость': *мутный* 'непрозрачный, нечистый (о какой-л. жидкости)'; *сливной* 'слитый из разных сосудов в один (о жидкости)';

ЛС 'физические явления'

Указанная ЛС в семемах прилагательных представлена специализированными ЛС конкретного характера 'звук', 'свет', 'огонь', 'запах', которые, в отличие от аналогичных ЛС в глагольных семемах, не сосуществуют как варианты альтернативных ЛС. Отождествляя данные физические явления по динамическим признакам, русское языковое сознание разводит их по качественным характеристикам: *сладкий* 'очень сильный и приторный (о запахе)'; *тяжелый* 'неприятный для обоняния (о запахе)'; *тухлый* 'свойственный гниющему, истлевающему предмету (о запахе)'; *тусклый* 'неяркий, слабый (о свете)'; *мутный* 'неясный (о свете)'; *белый* 'ясный, светлый (о времени суток, о свете)'; *холодный* 'не излучающий тепла (о свете)'; *языкастый* 'имеющий вид, форму языка (об огне, пламени)'; *высокий* 'тонкий, вызываемый колебаниями большой частоты (о звуках)'; *глухой* 'не звонкий, приглушенный, неясный (о звуках, обычно низких)'; *далекий* 'доносящийся издали (о звуках)'; *хрустальный* 'чистый, звонкий, как у хрусталя (о звуках)'; *хриплый* 'сиплый, нечистого тона, сопровождаемый шумами (о звуках)'. Однако ЛС 'звук' во многих случаях является одним из вариантов альтернативной ЛС, наряду с вариантом 'голос': *толстый* 'низкий, густой (о голосе, звуках)'; *сдавленный* 'приглушенный, сдержанный (о голосе, звуках)'; *плачущий* 'такой, какой бывает при плаче (о звуках, голосе)'; *густой* 'полнозвучный, низкий (о звуке, голосе)'; *вибрирующий* 'звучащий прерывисто, неровно (о звуках, голосе)'; *бархатный* 'приятный, мягкий (о голосе, звуке)'. Вообще следует заметить, что в семемах прилагательных самой частотной является специализированная ЛС 'звук'

ЛС 'время'

Судя по материалам, картина времени, зафиксированная системой ЛС в именах прилагательных, не имеет когнитивных различий с аналогичной системой в глаголах, т.е. в прилагательных также характеризуется время-событие: *горячий* 'требующий сосредоточения всех сил (о времени)'; *глубокий* 'очень давний, очень отдаленный (о времени)'; *неурочный* 'неподходящий, необычный (о времени)'; *черный* 'связанный с трудностями'

ми, невзгодами (о времени)'. Отрезки времени представлены весьма незначительно, преимущественно это ночь: *безлунный* 'не освещаемый луной, лунным светом (обычно о ночи)'; *беззвездный* 'с невидимыми звездами (о ночи, ночном небе)'; *беспросветный* 'совершенно темный (о ночи, мгле)'. Семантика этих прилагательных, как и во многих других случаях, фиксирует аномальные, ненормативные явления.

Артефакты

Прилагательные данного референтно-отражательного подкласса весьма разнообразны по содержанию ЛС. В целом можно говорить о совпадении ЛС, представленных артефактонимами, в семемах прилагательных и глаголов, но в количественном отношении соответствующий референтно-отражательный подкласс прилагательных значительно меньше, поэтому дадим выборочный список всего подкласса: *дряхлый* 'давно сделанный, утративший от времени свои качества (о вещах, предметах)'; *беспилотный* 'управляемый автоматически, без участия пилота (о летательных аппаратах)'; *вертлявый* 'неустойчивый (о лодке)'; *дисковый* 'имеющий рабочую часть в виде диска с зубчатыми или заостренными краями (о машинах, механизмах)'; *слабосильный* 'имеющий небольшую мощность (о машинах, механизмах)'; *душный* 'со спертым, несвежим воздухом (о помещении)'; *жаркий* 'сильно нагретый, натопленный (о помещении)'; *духовой* 'действующий посредством вдувания струи воздуха (о музыкальных инструментах)'; *двухрядный* 'с двумя рядами клавишей (о гармонии)'; *хромой* 'со сломанной, шатающейся или более короткой, чем другие, ножкой (о мебели)'; *каленный* 'обработанный калением, закаленный (о металлических изделиях)'; *дешевый* 'низкий (о цене)'; *возвратный* 'подлежащий возврату (о денежных средствах)'; *аскетичный* 'строгий и скупой (о живописи, рисунке)'; *бравурный* 'оживленный, выражающий бодрость и отвагу (о музыке)'; *песенный* 'связанный с песней, использующий ее особенности (о литературных и музыкальных произведениях)'; *грациозный* 'отличающийся изяществом формы (о художественном произведении)'; *двухактный* 'состоящий

из двух актов (о пьесе)'.

Разнообразнее других артефактонимов в функции КО представлены названия одежды и продуктов питания. Например, ЛС 'одежда' входит в семемы таких прилагательных: *вли-той* 'хорошо, плотно облегающий (об одежде)'; *вечерний* 'предназначенный для вечеров, для театра (об одежде)'; *длиннопо-лый* 'с длинными полами (об одежде)'; *двубортный* 'имеющий два борта с пуговицами и петлями на каждом (об одежде)'; *на-рядный* 'красивый, праздничный (об одежде)'; *мешковатый* 'слишком широкий, похожий на мешок (об одежде)'; *откровен-ный* 'слишком обнажающий, открывающий тело (об одежде)'; *распашной* 'носимый без застежек, с запахивающимися пола-ми (об одежде)'; *дырявый* 'изношенный до дыр, рваный (об оде-де, обуви)'; *смазной* 'смазываемый дегтем (о коже, сапогах)'; *до-машний* 'предназначенный для ношения дома (о платье, обуви)'; *гладкий* 'простого покроя, без украшений (о платье)'; *глухой* 'на-глухо застегнутый, закрытый (о воротнике, платье)'; *безразмер-ный* 'обладающий большой растяжимостью и приобретающий нужный размер при натягивании (обычно о трикотажных издели-ях)'. ЛС 'пища' присутствует в прилагательных: *вареный* 'при-готовленный посредством варки (о пище)'; *духовой* 'приготов-ленный в плотно закрытом сосуде на пару (о кушаньях)'; *горя-чий* 'горячая пища (обычно о жидкой пище)'; *сдобный* 'приго-товленный на молоке, масле, яйцах (о тесте и изделиях из него)'; *сладкий* 'приготовленный с сахаром (о кушаньях)'; *слоеный* 'при-готовленный особым образом и расслаивающийся на тонкие слои после выпечки (о тесте)'.

Результаты анализа показали, что типология денотативно-конкретизирующих ЛС в именах прилагательных полностью накладывается на типологию денотативно-конкретизирующих ЛС в се-мемах глаголов.

Таким образом, системно-отражательный подход к дено-тативно-конкретизирующим ЛС и содержащим их признако-вым именам дал возможность выделить референтно-отража-тельные группы глаголов и прилагательных, ограниченных предметной (субъектной или объектной) семой. Лексические единицы, составляющие эти группы, суть единицы, которые допускают не только лингвоцентрическую, но и антропоцент-

рическую интерпретацию, так как существенные свойства языковых наименований отображают сущностные свойства внеязыковых реалий. Отсюда следует, что значения глаголов и прилагательных, имеющих ЛС, принимают на себя функцию языкового представления некоторого фрагмента действительности, которая в целом оказывается своеобразно расчлененной разными национальными языками. Переходя от лингвоцентрического описания, когда мы характеризовали язык как системно-структурное образование и типологизировали его, на позиции антропоцентрической методологии, описывающей язык с учетом его присущности человеку, мы можем выйти за пределы языка и обнаружить те знания, которые национальный язык транслирует и навязывает каждому отдельному члену этнического сообщества. Родной язык и прежде всего его лексика – это самый мощный источник знаний человека. Узнавая и постигая родной язык, индивид приобретает определенные приемы думания, обозначения “отдельностей” окружающего мира; другими словами, язык сообщает сознанию отдельного человека черты изоморфности по отношению к сознанию его соплеменников. Этот факт дает основания реконструировать по данным языка картину мира, отраженную в сознании определенного этноса.

Полный анализ всего лексикона под обозначенным углом зрения теоретически дает возможность создать языковую модель мира. Эта модель, по признанию ученых, национально своеобразна, так как системная семантика единиц языка коррелирует со структурой мышления и способом познания внешнего мира у того или иного народа.

Границы нашего исследования более узки, поскольку мы, во-первых, выделяем лишь часть лексикона – те единицы, в которых наблюдаются определенные семантические ограничения; а во-вторых, опираемся не на понятийную часть лексического значения, а на ту, что связана с представлением, – чувственно-наглядную, эмпирическую часть семемы. Вследствие этого наши выводы являются, с одной стороны, более частными и конкретными, но, с другой стороны, именно они касаются специфической части картины мира. Это утверждение базируется на следующих положениях: денотативно-конкретизирующие

ЛС есть результат отражения усредненного представления об объектах действительности; эти представления являют собой базовое знание, то, что относится к базовому опыту носителей данного языка. Другими словами, денотативно-ограничительная часть семемы включает в себя знание, которым владеют все носители языка, то есть ЛС обладают не только лингвистической, но и когнитивной ценностью. Исходя из этого, мы предполагаем, что система денотативно-конкретизирующих ЛС – это система антропологически релевантных знаний, а покрываемое ею семантическое пространство есть слепок наиболее значимого для данного этноса участка наивной картины мира.

Последнее утверждение может вызывать определенные возражения, так как, по мнению многих философов, русская культура, в частности 18-19 веков, была “исключительно подражательной: религия в России являлась целиком византийской, а ее светская культура целиком западно-европейской” [Гройс 1992: 53]. Историки языка [Биржакова, Войнова, Кутина 1972; Долотова 1989; История лексики... 1981; Процессы формирования... 1966; Сорокин 1965] пишут о процессе европеизации русского языка в 18-19 вв., который проявлялся в интенсивном заимствовании и семантическом и словообразовательном калькировании, преимущественно с французского. Однако наибольший приток иноязычной лексики наблюдался в общественно-социальной, культурной и научной сферах, тогда как лексемы, содержащие ЛС, охватывают иные области, связанные чаще с бытовой, а не с общественной жизнью. Кроме того, мы уже отмечали, что очень многие лексико-семантические варианты, содержащие ЛС, являются стилистически маркированными, принадлежащими сфере *просторечия*. Эти факты доказывают, на наш взгляд, что в том участке лексикона, который выявлен по данным ЛС, со всей очевидностью проявляется исконно русское мировосприятие.

Что же представляет собой картина мира по данным лимитирующей семантики? Какие явления действительности (независимо от их природы – реальной, конвенциональной, мифологической и т.п.) составляют этот участок, преобразуя окружающий мир и формируя при этом информационное ядро? Как

справедливо заметил Х.-Г.Гадамер, “на языке основано и в нем выражается то, что для человека вообще есть мир... тут – бытие мира есть бытие языковое” [Гадамер 1988: 512].

Языковая картина мира выстраивается не хаотично, а в соответствии со свойствами самих обозначаемых. По наблюдениям ученых-этимологов, создание древних топонимических систем основано на принципе антропоцентризма: для человека “точка отсчета – сам человек, в основе всего – сравнение с человеком” [Матвеев 1986а: 89]. По материалам системы ЛС данный участок наивной картины мира также центруется вокруг человека и проецируется на него, при этом денотативно-конкретизирующие ЛС охватывают и закрепляют в семантике признаков имен далеко не все возможные существующие или мыслимые субстанции, то есть составляющими кусочками (составными частями) становятся только те факты, которые значимы для человека. Следовательно, здесь проявляется, во-первых, антропоцентризм самого языка как особой черты его устройства, во-вторых, принцип антропологической релевантности. Развивая мысль Г.В.Лейбница, который писал, что наличие какого-либо слова в языке “показывает, что данная идея заслуживает быть отмеченной” [Лейбниц 1983: 432], мы можем предположить, что значимость какой-либо идеи для этноса еще более велика, если эта идея воплощается в языке в виде денотативно-конкретизирующих ЛС.

Сознание личности отражает и, упорядочивая, закрепляет в языке окружающий мир и личный мир, поэтому перспектива наивной картины мира располагается как бы по двум направлениям. При этом зоны окружающего и личного мира соотносительны: внешний мир рассматривается человеком сквозь “прорезь” своего мира. По обоим направлениям картина мира складывается из ярусов, причем каждый вышележащий ярус есть отражение более отдаленного от человеческого бытия участка мира. Наши наблюдения находятся в полном соответствии с тезисом французского археолога и этнографа А.Леруа-Гурана о двух типах восприятия пространства – маршрутном и радиальном [см.: Токарев 1973], при этом радиальная концепция пространства исторически оказалась более продуктивной. При радиальном (статическом) мировидении, свой-

ственном оседлым земледельцам, каковыми являлись русские, человек находится как бы в центре пространства и “строит мир в виде концентрических кругов вокруг своей житницы” [там же: 215]. Таким образом, получается “вполне очеловеченный микрокосм”. И поскольку широта обзора прямо пропорциональна расстоянию от воспринимающего, постольку каждый vyšележащий ярус охватывает большее “пространство мира”. При этом отдельные конкретные детали на более высоком уровне прорисовываются с меньшей четкостью и число этих деталей меньше, то есть взгляд становится более обобщенным, приближаясь к границам неведомого. Такое отражение мира в языке в некотором смысле совпадает с пространственной перспективой при построении повествования [см.: Успенский 1995]. По мнению Б.А.Успенского, в художественном произведении точка зрения автора (позиция повествователя) может быть фиксирована в пространстве, при этом выделяется ряд возможностей такой фиксации: совпадение пространственных позиций повествователя и персонажа, перемещение позиции наблюдателя, его движение по полю описания, всеохватывающий обзор – точка зрения “птичьего полета”. Отдаляясь в пространстве от персонажа, автор расширяет свой обзор, отказываясь от дробного описания и переходя к суммарному описанию всей сцены. [Успенский 1995: 81–89]. Наибольшая удаленность позиции наблюдателя представляет собой “немую сцену”, при которой невозможно услышать голоса действующих лиц, но можно их наблюдать [там же: 90]. Эти позиции автора в произведении совпадают с позицией языковой личности по отношению к ярусам реконструированной нами модели мира. Таким образом, отражение картины мира в языке подчиняется тем же законам, что и описание пространства в художественном произведении, а это, на наш взгляд, подтверждает объективность сделанных выводов.

В философской литературе также высказывается мысль, идущая еще от Ф.Бэкона, о “троеначалии” жизни: все вокруг группируется в «три большие категории, три космоса – мир Вселенной, мир общества и индивидуальный мир. Человек способен как бы вживаться в образ каждого из этих миров, отождествляться с ним и смотреть на все “его глазами”» [Никитин

1991: 10; см. также: Прохвачева 1996]. Человек вживается в один из миров, но в норме существует сразу в трех.

Итак, центром наивной картины мира является сам человек и его демографический паспорт. Антропоцентричность как главное свойство языка детерминирует появление многочисленных и разнообразных характеристик лица: физических и физиологических свойств, эмоциональных состояний, образа мыслей, взглядов, способа мышления, склонностей, вкусов, черт характера, привычек, знаний, умений, навыков, совершаемых действий, поступков, поведения, функций, занятий, участия в чем-либо, положения в различных социальных сферах, разнообразных связей, отнесенностей, отношений и т.п. [см., например: Белоусова 1989; Путягин 1975]. Однако не все указанные признаки находят отражение в системе ЛС, а лишь те из них, которые являются наиболее значимыми для наивного языкового сознания: биографические характеристики (признаки возраста, пола), а также профессия, социальное положение лица.

В ближайшей перспективе картины мира располагаются представления о человеке как индивиде, биологическом существе, поэтому здесь находится номенклатура частей тела и органов человека. В направлении окружающего мира ближайшим участком оказывается дом человека и его быт. В полном соответствии с теорией композиции Б.А.Успенского это наиболее конкретизированная и проработанная в языке сфера, охватывающая все то, что составляет “периметр безопасности” (А.Леруа-Гуран) и обеспечивает жизнедеятельность людей: продукты питания, одежду, обувь, орудия труда, животных, преимущественно домашних, растения. И представленные здесь денотаты получают обозначения с помощью видовых понятий: *волосы, голова, сердце, кровь, румянец, варенье, коса, листья, лошадь, собака* и пр.

Второй ярус (или, через круговую схему, концентрический круг) – это личность и общество. “Социальное тело” человека есть нечто отличное от его “зоологического тела” [Токарев 1973: 201]. Поэтому представления о себе как социальном субъекте включают информацию о семейно-родственных или дружеских отношениях (муж, жена, супруги, друзья, гости, соседи), о некоторых профессиях, которые имеют специ-

фические черты (писатель, актер, альпинист, священнослужитель, летчик), а также о социальных статусах человека, чаще уже отсутствующих в современном социуме, но сохраняющихся в языке, который является хранителем коллективного опыта (раб, крепостной, помещик, вольноотпущенный). Кроме того, важным для наивных представлений о себе оказывается и фактор дееспособности человека. Так как язык фиксирует прежде всего отклонения от нормы, то в картине мира имеется ячейка с наименованиями недееспособного лица (или лица с ограниченной дееспособностью) – больной, спящий, пьяный, утопленник.

Осмысляя себя как личность, человек обращает свой взгляд на общество, выделяя в нем явления, значимые для него. Так, на втором ярусе наивной картины мира располагаются административно-территориальные объекты (город, страна), а также объекты транспортных средств, материальных ценностей (деньги, документы, оружие, музыкальные инструменты) и культурных ценностей (произведения искусства и литературы). Ценность перечисленных объектов для человека подтверждается исследованиями этнографов и антропологов. В частности, А.Леруа-Гуран в своем капитальном труде – двухтомнике “Жест и слово” – доказывает, что город “оказывается в центре мира”, а транспорт служит “синтезом сил” в развитии материальной культуры и является средством выражения “городского времени” как символа социальной системы. По мере развития общества наблюдается иерархическое господство “мира символов” (социальных, эстетических) над “миром техники” [цит. по: Токарев 1973], поэтому, вероятно, в исследуемой нами системе имеются лексемы, обозначающие материальные и культурные ценности.

Как мы уже отмечали, удаляясь от человека, картина становится менее детализированной, поэтому на втором уровне объекты представлены, главным образом, родовыми, обобщенными наименованиями. Например, *транспорт, транспортные средства* – в большинстве случаев, а конкретизированы, как мы уже отмечали, и в глаголах, и в прилагательных лишь “иносферные” для землянина в плане передвижения *самолет и судно*.

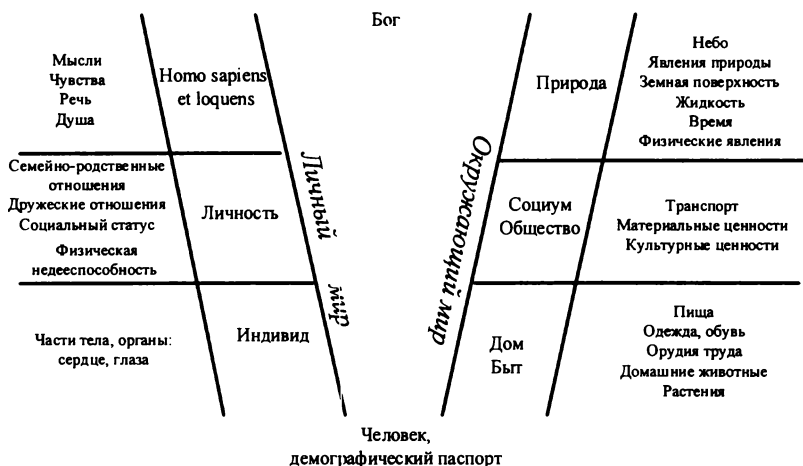
И, наконец, на третьем уровне человек осмысляет себя как высшее существо, способное мыслить, говорить и испытывать высшие эмоции – *homo sapiens et loquens*. При этом эмоциональный и интеллектуальный мир человека, по данным языка, соотносится с миром природы как самостоятельный и самодовлеющий, неподвластный личности. Неслучайно поэтому признаковые имена в прямом значении имеют ЛС из группы ‘природа’ (жидкость, свет, звук, огонь), а в переносных значениях приобретают ЛС ‘чувства’, ‘мысли’. В окружающем мире человек познает природу во всем ее многообразии, поэтому запечатленная в языке наивная картина мира также разнообразна.

Отдаленность этого концентрического круга от “наблюдателя” объясняет тот факт, что в роли ЛС выступают только имена с обобщенной семантикой *мысли, чувства*, хотя вообще в языке отражается детализированная система эмоций. То же наблюдается при обозначении натурфактов, в частности, используется только существительное *жидкость*, несмотря на большое разнообразие видов жидкости. При обозначении осадков и других явлений природы встречаются только обобщающие имена *дождь, снег, лед, облака*, однако работы диалектологов и этимологов свидетельствуют, что в говорах широко разработана метеорологическая терминология (это подтверждается и данными словаря В.И. Даля). Так, например, в говорах встречаются специальные обозначения для ‘молодого тонкого синего льда в пору ледостава’ (*выстега*), ‘мелкой снежной пыли’ (*ворозь*), ‘снега, давшего осадку’ (*ворза*) и др. [см.: Горячева 1986].

Венчает наивную картину мира *Бог*, объединяющий обе ее ветви. Мы позволили себе такой вывод, исходя, во-первых, из априорной системы ценностей русской национальной личности: одной из обязательных составляющих этой системы признается религиозность и православие, а доминирующими концептами русского менталитета является “общинность, соборность, православная вера” [Воробьев 1997: 173]. Во-вторых, слова, содержащие ЛС ‘бог’ даже своей морфемной структурой указывают на высший уровень: *всевидающий, всевышний, всемогущий, всемилостивый*. Здесь следует обратить внима-

ние на известный субъективизм составителей словарей и отразившуюся в лексикографии языковую политику. В МАС зафиксирована ЛС ‘бог’ лишь при семантизации глагола *сподобиться*, тогда как в семемах вышеназванных прилагательных она отсутствует, но зато справедливо восстанавливается в ССРЛЯ, изданном в более демократичное время.

НАИВНАЯ КАРТИНА МИРА ПО ДАННЫМ ЛС

Таким образом, наивная картина мира, реконструируемая по данным системы ЛС, отражает значимые для человека явления и представляет собой иерархию релевантности этих явлений. Предложенная модель наивной картины мира, по всей вероятности, универсальна, является отражением общечеловеческих представлений, так как в ее основе лежит “человек в языке”, то осуществление антропоцентризма, которое Ю.С.-Степанов, в частности, сформулировал так: “язык создан по мерке человека, и этот масштаб запечатлен в самой организации языка” [Степанов 1974: 15]. Вместе с тем, наполнение этой модели, безусловно, обнаруживает лингвокультурное своеобразие каждого этноса. Еще Л.В.Щерба писал: “Мир, который дан нам в нашем непосредственном опыте, оставаясь всегда одним и тем же, постигается различным образом в различных языках, даже в тех, на которых говорят народы, представляю-

щие известное единство с точки зрения культуры” [Щерба 1974: 69. См. об этом также: Национально-культурная специфика 1977, 1982]. Если мы вправе говорить о национально-культурном колорите языка, то искать его следует прежде всего в лексике, особенно в тех ее сферах, которые прямо или опосредованно связаны с социально-этническими и национально-культурными особенностями среды обитания и жизни носителей языка. А.Леруа-Гуран справедливо высказал весьма важную и плодотворную идею о том, что “человеческая культура не растекается как жидкость по ровной горизонтальной поверхности, напротив, она концентрируется в каких-то человеческих группах” [цит. по: Токарев 1973: 230], т.е. именно этнос рассматривается как зона концентрации культурных признаков.

О национальных особенностях выделенной модели можно говорить уже потому, что в ней представлены такие группы слов, которые всегда были в центре интересов русских и зарубежных этнолингвистов: отношения родства, номенклатура одежды и обуви, частей тела, предметов быта, продуктов питания, растений.

Еще в большей степени можно говорить о национальной специфике, если обратиться к отдельным лексическим единицам, наполняющим группы. Как справедливо заметил Г.Д.Томахин, “фактически любое слово, являясь частью лексико-семантической системы языка, обслуживающей данную культуру, национально окрашено, и трудно провести границу между его общечеловеческим и национально-культурным компонентами значения” [Томахин 1988: 83].

Если обратить внимание на имена существительные, выполняющие функцию КО в признаковых именах и очерчивающие денотативное пространство последних, то заметно, что они не просто укладываются в языковую модель наивной картины мира, но, по нашим наблюдениям, отражают своеобразие русского быта и русского менталитета, то есть в абсолютном большинстве являются лингвокультурами. По определению В.В.Воробьева, лингвокультура – это комплексные единицы, совмещающие в себе “сегменты не только языка (языкового значения), но и культуры (внеязыкового культурного

смысла), репрезентируемые соответствующим знаком” [Воробьев 1997: 44]. В лингвокультурах диалектически взаимодействует лингвистическое и экстралингвистическое содержание. В работах по лингвострановедению выделены группы безэквивалентной и фоновой лексики, которая отражает характерные черты национальной культуры [Брагина 1986; Верещагин, Костомаров 1983; Воробьев 1997; Русское слово 1987]. В словаре ЛОРЯ составители выделили подраздел “Лексико-методические группы страноведческого типа”, единицы которого нуждаются в страноведческом комментировании, так как их семантика “несет на себе печать своеобразия русской и советской культуры”, а адекватная семантизация этих слов “невозможна без приведения сведений, ассоциируемых с денотатами этих лексических единиц в языковом сознании русских” [ЛОРЯ: 33]. Таким образом, мы имеем достаточно полный список лингвокультурем: Сопоставление единиц, заполняющих ячейки выделенного нами фрагмента языковой картины мира, с этим списком, позволяют говорить об их лингвокультурологической значимости.

Как известно, различаются предметы материальной и духовной культур. К области материальной культуры в нашем лексическом массиве относятся лингвокультуемы, в значении которых отражается быт (1-й ярус модели). Например, встречаются слова, обозначающие реалии – символы русского быта: *гармонь, колокол / колокольчик, изба*, разделенная на две части капитальной стеной, *печь, дымоход*. Так, изба – это исконно русский сельский жилой дом, равно как и печь – обязательная принадлежность русской избы. Печь появилась на Руси как оригинальный тип очага. Несмотря на то что первая ручная гармонь была изобретена немцем Бушманом, этот инструмент стал поистине русским, а отечественные мастера создали много разновидностей гармошки: тульская, саратовская, “черепашка”, петербургская, бологоевская, белобородовская, вятская, ливенка, русянка, сибирская, хромка. Колокол – непременный атрибут православной церкви. О его особом значении для русского народа свидетельствует множество пословиц, загадок. Так, в словаре В.Даля указаны: *Пришло счастье, хоть в колокола звони; Бездушен колокол, а благовестит во*

славу Господню; Звони поп в колокола, чтоб попадья не спала; Дан попу колокол, хоть звони, хоть об угол колоти; Язык есть, речей нет, вести подает [СД, т.2: 353]. Эти и подобные им слова исследователи относят к фоновой лексике [Верещагин, Костомаров 1983]. Обычно эти слова в функции КО семантики признаков имен встречаются лишь в 1–2 семемах (*пятистенный* – об избе; *вызвонить, вызвониться, прозвонить, перезванивать* – о колоколе; *двухрядный* – о гармонии; *гореть, топиться* – о печи; *тянуть* – о дымоходе), но тем ярче выступает их культурологическая специфика.

Лингвокультуремами являются единицы из группы ‘пища’, ‘продукты питания’, ибо “русская кухня вполне была национальна, то есть основывалась на обычае, а не на искусстве” [Костомаров 1993]. Этнические особенности русской культуры обнаруживаются в присутствии таких слов, как *тесто, изделия из теста* (сдобный, взойти), *поджаристая корочка пирога* (румяный), *капуста* (шинковать), *топленое молоко* (румяный). В связи с тем, что в нашей стране с глубокой древности возделываются рожь, пшеница, овес, ячмень, русский народ давно овладел техникой изготовления теста, муки и тайнами выпечки изделий. И в питании русских людей большую роль играли и играют изделия из дрожжевого теста. С незапамятных времён используется в русской кухне капуста (в “Домострое” XVI в. ей отводится одно из основных мест).

Нашла отражение в наивной картине мира и лингвокультурема *спиртные напитки (перепить)*, которая много значила (и значит) для русского человека: «Русский народ издавна славился любовью к попойкам. Еще Владимир сказал многозначительное выражение: “Руси веселие пити: не можем без этого быти!” Русские придавали пьянству какое-то героическое значение» [Костомаров 1993: 149–150]. Интересно, что лексическая единица *спиртные напитки* проявляет свою национальную специфику именно в функции КО, а не собственно номинативной единицы, так как соответствующая ЛС ‘спиртные напитки’ входит в семему глагола *перепить*. Точно так же мы можем говорить о лингвокультурологической значимости родовых наименований этой группы – *пища, кушанья*, которая с особой очевидностью проявляется, так как прилага-

190

тельные, содержащие такие ЛС, называют национальные способы приготовления блюд – *вареный, духовой*. Дело в том, что особенности русской печи определили приемы тепловой обработки продуктов – варение, тушение, запекание.

Лексические единицы из группы ‘растения’ пересекаются с группой ‘пища, продукты питания’, поскольку отражение в языке нашли растения, преимущественно используемые человеком в пищу (*хлеб, стебли хлебных злаков*), либо просто в хозяйственной деятельности (*лен, пенька, сено*). Можно предположить, что для русских людей они имели определенную значимость, коль скоро они нашли отражение в системе первичных представлений и зафиксированы в ядерной части наивной картины мира. Следовательно, о них можно говорить как о лингвокультуремах.

В языковой картине мира, отражающей наивные представления, зафиксирована особая для русского человека роль лошади и собаки. Основанием для такого утверждения служит количество признаков имен, ориентированных на эти денотативные сферы. А.Леруа-Гуран во многих работах настойчиво проводит в качестве одной из главных такую идею: тенденция к одомашнению животных и к разведению культурных растений проявляется везде, где к этому имеются условия, но конкретные формы domestикации и виды домашних животных, равно как и виды культурных растений, – разные [см.: Токарев 1973].

Все лингвокультуремы, располагающиеся в этой ячейке языковой картины мира, являются составляющими идеографического поля, образуемого национально-культурным концептом “дом”, который может служить основой для изучения ментальности народа. Г.Д.Гачев, изучая национальные образы мира, ставит в центр особенностей этноса дом, ибо “человек творит дом, как Бог мир – по своему образу и подобию ...дом строится как схема того, что человек видит вокруг, так что по дому можно изучать воззрение народа на мир – как он его понимает” [Гачев 1995: 38].

Не менее интересной с точки зрения лингвокультурологии оказывается другая ячейка низшего яруса наивно-языковой картины мира, где сосредоточены представления человека о себе как

индивиде. Здесь мы находим подтверждение той, на первый взгляд парадоксальной, мысли, что язык отражает уникальность человека не только через интеллектуальные или духовные качества последнего, но и через особенности его строения и функции частей его тела: “Тело человека – вот что первое всего называем мы человеком” [Флоренский 1993]. А.Д.Шмелев говорит о телесном строении человека как главной черте, отличающей его от животного мира, что проявляется в особенностях употребления слова *тело*, а также слов, обозначающих части тела и внутренние органы, применительно к животным [см.: Булыгина, Шмелев 1997: 523–524].

В этом фрагменте наивно-языковой картины мира представлены не только лингвокультураны, но и концепты – *сердце, душа*. Неоднократно отмечалось, что душа и сердце воспринимаются как некоторое вместилище внутренних состояний, как средоточие всей духовной жизни человека. Хотя сердцу отводится центральная роль во многих языках, но все же не во всех. Так, например, в языке ифалук внутренняя жизнь связывается с кишками [см.: Wierzbicka 1992], а в языке догон подобную роль играет печень [см.: Плунгян 1991]. Что касается души, то, несмотря на то что такое понятие существует и в других культурах, для русского сознания и русской культуры оно является особенно значимым. А.Д.Шмелев в доказательство этого положения приводит такие факты: «Говоря о настроении человека, мы используем предложно-падежную форму *на душе* (здесь и далее выделено автором. – О.М.)... при изложении чьих-то тайных мыслей употребляется форма *в душе*... Если бы мы говорили по-английски, упоминание души в указанных случаях было бы неуместно. Не случайно мы иногда используем выражение *русская душа*... но никогда не говорим “об английской душе” или “французской душе”» [Булыгина, Шмелев 1997: 488].

На втором ярусе языковой картины мира закодированы предметы материальной культуры (транспорт, деньги) и духовной культуры (художественные произведения), следовательно, и здесь мы должны говорить о лингвокультуранах, в значениях которых заложена их социальная значимость на экстралингвистическом уровне. Так, лингвокультурана *деньги* имеет богатое аксиологическое со-

держание, которое эксплицируется во множестве русских пословиц и поговорок. Квинтэссенцией этого представления о силе денег можно назвать пословицу “денежка маленька, да имя велико”, которую приводит В.В.Воробьев [1997: 126].

Лексические единицы, составляющие группу с общим значением “родство”, бесспорно считаются лингвокультурами, так как в них выражаются не только различные виды семейных отношений, но и определенная система социально-психологических установок. В России “мир испокон века держится родством” [Муравьев 1991: 224], поэтому все единицы этой группы обладают сильным культурологическим потенциалом. Столь же национально своеобразны лексические единицы, называющие различное социальное положение лица, так как в них отражается история русского народа, в частности эпоха крепостного права. Примечательно, что субстантивированные прилагательные *пьяный*, *спящий* (*сонный*) с расширительным значением ‘беспомощный’ широко употреблялись в русских народных сказках [Кузнецова 1996; Хроленко 1991]. Эти слова, приобретая указанное значение, выполняли, по наблюдениям исследователей, функцию индикатора “положительных или отрицательных моральных качеств персонажей сказок” [Кузнецова 1996: 85]. Кроме того, лексема *пьяный* в фольклоре не имела отрицательных коннотаций.

И, наконец, третий ярус языковой картины мира, наиболее удаленный от человека, но вместе с тем, несомненно, играющий очень важную роль в его жизни. Из числа наименований явлений природы в наивно-языковой картине мира представлены лингвокультуры, пришедшие еще с древнейших времен: *солнце*, *небо*, *дорога*. Солнце, небо очень тесно связаны со сферой язычества, так как это место обитания богов, по небу “проходит свой ежедневный путь животворное солнце и проплывают тучи, несущие влагу” [Лукинова 1986]. Кроме того, “практический идеализм”, предпочтение ‘неба’ ‘земле’ отмечалось как черта русского национального характера многими этнопсихологами, иностранными путешественниками. Дороги также играли важную роль в жизни людей уже с доисторических времен, и лингвокультура *дорога* выступает одновременно как отражение плоскостного восприятия пространства русскими

и модель русского движения. Можно считать лингвокультурами слова *ветер*, *метель*, так как эти явления природы различно воспринимаются разными народами [Томахин 1988: 83].

Та ячейка языковой картины мира, в которой сосредоточены обозначения эмоционального и интеллектуального мира и духовной жизни человека, также является национально-специфической, включая лингвокультуры 'чувства', 'мысли'. Лингвокультурологическая значимость этих единиц определяется, во-первых, разработанностью этого фрагмента лексической системы, ибо богатство какого-либо одного участка и относительная бедность другого участка лексической системы говорит о том, как структурировано знание человеческой природы, выраженное в словаре, а тем самым об особенностях менталитета этноса. А во-вторых, значением признаков имен, содержащих эту ЛС. В русском языке о чувствах говорится как об активном начале, русские вполне сознательно отдают во власть стихии чувств, поэтому глаголы и прилагательные обычно обозначают "воздействие" на человека чувства как самостоятельной субстанции.

Таким образом, наивно-языковая картина мира, воссозданная до данным ЛС, обладает национальной спецификой, имеет национально-культурологическую значимость, так как ее таксонами являются не просто лексические единицы, но лингвокультуры, в которых собственно предметная семантика углублена до концептуальной значимости.

Целостная языковая картина мира, возникающая в процессе познания и в связи с активной ролью языка, в общем и главном совпадает с логическим отражением в сознании людей. Но при этом существуют специфические участки в языковой картине мира, в которых с особой силой проявляется национальное своеобразие языка. Ментальный образ вечно мира задает особую системную организацию отбора и набора лимитирующих сем.

Лимитирующие семы в семемах существительных

Имена существительные представляют класс предметных имен, хотя, как известно, обозначают не только предметы, но

и абстрагированные действия, процессы, свойства, качества, отношения. Центр класса составляют конкретные имена существительные, обозначающие реальные предметы; на периферии располагаются все прочие имена, обозначающие мыслимые предметы, то есть абстрактные существительные с общим значением “предметность”. Отражение в категории субстанциональности предметного мира, с одной стороны, и мыслительных субстанций, с другой, определяет особенности лексического значения существительных разной семантики.

Конкретные существительные (денотативы) – это идентифицирующие имена, основная функция которых идентифицировать объекты мира ‘действительность’. Абстрактные существительные – это признаковые (характеризующие, предикатные) имена, предназначенные описывать отношения между объектами.

Значение идентифицирующих имен дискретно, создается общими чертами класса денотатов. Такие значения настолько насыщены индивидуальными признаками, что неясно, сопоставимы ли они друг с другом. Значение абстрактных имен существительных гомогенно, их смысл стремится к “элементарности, моносемности” [см.: Аспекты 1980: 342]. Специфика значений этих категорий существительных обусловила различие в их описании в рамках лингвоцентрического подхода. Конкретные имена изучались в актах категоризации и описывались по тематическим группам, основной чертой которых является внеязыковая обусловленность отношений между ее элементами [см. например: Михеев 1983; Михеев, Рюмина, Фрумкина 1985; Мостовая 1990; Мостовая, Фрумкина 1987; Рюмина 1987]. Абстрактные имена исследовались преимущественно в актах предикации и описывались в границах функционально-семантических полей или лексико-семантических групп, основанных на внутриязыковых связях слов [см., например: Бабенко 1989; Белоусова 1989; Гарипова 1982; Кошель 1980; Кузнецов 1980; Мостовая 1990; Полевые структуры 1989; Шахова 1980].

Однако при изучении существительных с любым типом значения в их семантике выделяются жесткие наборы признаков, формирующие дедуктивно-логическое понятие класса. Комбинация признаков составляет логико-предметную осно-

ву каждого входящего в класс слова, поэтому такие признаки выполняют функцию дифференциации, различия значений. Дифференциальные признаки выявляются в противопоставлении двух или нескольких семем. Н.В.Цветков на основе работ, содержащих компонентный анализ, а также опираясь на собственную классификацию существительных, составил каталог универсальных (независимо от языка) дифференциальных смысловых признаков: активность, близость, величина, вес, вид, вкус, возраст, время (временной), высота, глубина, громкость, диапазон, длина, длительность, доза, запах, заполненность, значение, инструмент, интенсивность, калибр, качество, количество, масса, масть, материал, мера, место, назначение, наличие–отсутствие, направление, норма, объект, объем, окраска, организация, основание, особенность, отношение, оценка, ощущение, пол, поколение, полнота, положение, положительный–отрицательный, порядок, постоянный–непостоянный, предел, признак, принцип, природа, причина, размер, расположение, реакция, режим, результат, ритм, рост, свойство, сила, система, следствие, соотношение, состав, состояние, специфика, способ, среда, средство, степень, строение, строй, субъект, сущность, сфера, тембр, темп, температура, тип, тон, уклад, условие, форма, характер, цвет, цель, чувство, ширина [Цветков 1984: 11].

Перечисление (алфавитный список) дифференциальных признаков представляет интерес для системного описания слов, но не имеет особого значения для человека, познающего действительность и творящего язык. Если же учитывать человеческий фактор и подходить к значению с позиций антропологической лингвистики, то мы должны констатировать, что дедуктивное понятие с конечным числом признаков при его выражении языковым наименованием создает “силовое поле”, в котором отражается наше базовое знание о мире. Базовое знание не может удовлетворяться знанием дифференциальных признаков значения, но включает и некоторые когнитивные характеристики, которыми, по представлению носителя языка, обладает прототипический объект. При этом концептуальная (когнитивно значимая) информация, заключенная в значениях слов, представляет собой итог строгого анализа всех имеющихся значений о называемых вещах и отбора определенных,

196

ценных для данного языкового коллектива сведений. Это принципиально отличает энциклопедические знания от языковой информации о вещи, с одной стороны, и объясняет своеобразие концептов в разных языковых картинах мира, с другой.

Представления об идеальном объекте – стереотипе класса – находят отражение в КО, включенных в словарные дефиниции существительных, так как составители словарей являются типичными носителями русского языка и, следовательно, в их сознании запечатлена инвариантная для русских картина мира. КО в толкованиях существительных фиксируют денотативно-конкретизирующие ЛС, которые в большинстве случаев являются вероятностными, что в полной мере соответствует положению о необязательности данного признака для всех членов класса, но одновременно и о его когнитивной значимости для прототипа. В отличие от денотативно-конкретизирующих ЛС в семемах признаков имен, подобные ЛС в семемах существительных, как мы указывали, ограничивают проявление аналитического признака предмета–субстанции прототипическими представлениями о нем.

Логично предположить, что ЛС должны сущностно совпадать с дифференциальными признаками, однако выявление совпадений и различий не является целью нашего исследования. Мы используем антропологический принцип интерпретации ЛС, предусматривающий выход из ситуаций, в которых соответствующие объекты входят в соприкосновение с человеческой деятельностью. В итоге предполагается получить перечень особых атрибутов, присутствующих в наивном представлении о вещном мире. Кроме того, можно выявить наборы ЛС в значениях слов, относящихся к различным концептуальным областям (имена “естественных родов”, артефактов и под.), и тем самым – типы когнитивных связей. С такой точки зрения семантика существительных не описывалась.

В работах Р.М.Фрумкиной и ее учеников на основе экспериментальных методов изучались конкретные существительные, выделялись признаки их семантики, которые оформляются в “элементарные блоки”. Элементарный блок – это фрагмент толкования, содержащий информацию одного определенного вида.

Например, в толкования слов класса “посуда” входит шесть элементарных блоков: родовое имя, функция, форма, размер, материал, вес [Мостовая, Фрумкина 1987; Фрумкина 1984]. Однако исходной единицей анализа в работах этих ученых является также тематическая группа.

И.А.Стернин исследовал вероятностные семы в значениях слов разных частей речи как в денотативном, так и в коннотативном макрокомпонентах в русском и английском языках [Стернин 1979; 1980; 1985]. На материале русского языка (по словарю С.И.Ожегова, далее – СО) им выделено свыше 60 содержательных разновидностей вероятностных сем, большинство из которых приходится на существительные. Наиболее частотны, по наблюдениям исследователя, такие: “сфера или место функционирования объекта”, “форма объекта или его составной части”, “функциональное назначение объекта” [Стернин 1985: 65].

Поскольку денотативно-конкретизирующие ЛС в существительных, как мы сказали, являются преимущественно вероятностными, наша типология (в ее первом представлении) частично совпадает с разновидностями сем, выделенными И.А.Стерниным. Своеобразие нашей классификации обусловлено, прежде всего, материалом – мы анализировали, во-первых, только ЛС в существительных; во-вторых, не только вероятностные, но и альтернативные ЛС. Денотативно-конкретизирующие ЛС специализированного характера в существительных практически не встречаются, так как в этом случае они приобретают статус дифференциальной семы – обязательного признака. Кроме того, дефиниции в МАС и СО имеют различия. Многие признаки, отмеченные как вероятностные в СО, в МАС семантизированы как постоянные либо исключены вообще. Исключаются, как удалось заметить, ЛС с достаточно размытым содержанием – ‘обычно небольшое’, ‘обычно обильное’ и под. Расхождения первого типа не включены в план анализа, а исключенные из МАС вероятностные ЛС частично восстановлены нами по СОШ с опорой на собственную интуицию.

В результате анализа нами выделены следующие типы де-

ЛС 'размер'

Такая ЛС не задает точного параметрического признака, а определяет его лишь в плане нормы (усредненного представления): *град* 'атмосферные осадки, выпадающие в виде округлых льдинок (величиной с горошину и больше)'; *рыбина* 'одна рыба, обычно крупная'; *цапля* 'птица (обычно крупная) отряда голенастых...'; *боты* 'резиновая или фетровая, суконная и т.п. обувь, обычно высокая...'; *памфлет* 'злобное, острое, обычно небольшое, сочинение обличительного характера'; *покои* 'внутренние помещения, комнаты (обычно большие)'. Величина, размеры — одна из самых важных характеристик любого предмета, так как это его пространственные координаты, а человек "вообще склонен к гиперболизации пространственных... комментариев" [Цивьян 1973: 243]. Поэтому ЛС 'размер' входит в семантику имен, называющих явления природы, представителей фауны, предметы бытового обихода и культурные явления, но преобладают среди всех возможных имен наименования биофактов.

ЛС 'форма предмета'

По нашим материалам можно обнаружить разные модификации в представлении о форме предмета:

1. *Глазок* 'небольшое (обычно круглое) отверстие в двери'; *платок* 'кусочек ткани или вязаное изделие, обычно квадратной формы...'; *ведро* 'сосуд, обычно цилиндрической формы с дугообразной ручкой для ношения и хранения воды и других жидкостей'; *лохань* 'деревянная клепочная посуда круглой или овальной формы с невысокими краями для различных надобностей'; *луковица* 'утолщенная, чаще шарообразная, часть стебля некоторых растений'; *колба* 'стеклянный сосуд для химических работ (обычно шаровидной или конической формы)'; *брусок* 'шлифовальный, точильный продолговатый камень, обычно четырехгранного, трехгранного или круглого сечения';

балясина ‘точенный, обычно фигурный столбик перил’.

2. *Аннотация* ‘краткая характеристика книги, статьи и т.п., излагающая их содержание (обычно в виде перечня главнейших вопросов)’; *басня* ‘короткий, чаще стихотворный, нравоучительный рассказ в иносказательной форме изображающий людей и их поступки’; *каватина* ‘одна из разновидностей оперной арии, обычно свободного построения’; *роман* ‘большое по объему повествовательное произведение, обычно в прозе’.

3. *Деление* ‘расстояние между отметками (обычно в виде черточек) на измерительной шкале’; *нике* ‘хлопчатобумажная или шелковая ткань с рельефным узором (обычно в виде узких рубчиков)’; *пуф* ‘низкая табуретка с мягким (обычно круглым) сиденьем’.

1-я и 2-я группы примеров иллюстрируют разное понимание формы: в 1-й группе под формой имеется в виду наружный вид предмета, его внешние очертания. В примерах 2-й группы форма – это установленный образец чего-л., внешние особенности художественных произведений как жанра (не случайно все лексемы – *аннотация*, *басня*, *каватина* – являются названиями жанров). В 3-й группе собраны примеры, в которых ЛС определяет форму не самого предмета, а его составной части. Признак формы оказывается значимым только для предметов-артефактов.

ЛС ‘цвет, окраска предмета’

Волк ‘хищное животное семейства псовых, обычно серой окраски’; *мышь* ‘небольшой грызун, обычно серого цвета’; *репа* ‘съедобные утолщенные корни... обычно белого или желтого цвета’; *малина* ‘душистые, сладкие, обычно красного цвета ягоды’; *гранат* ‘драгоценный камень, обычно темно-красного цвета’; *графит* ‘разновидность углерода, минерал темно-серого или почти черного цвета...’; *опал* ‘минерал, стекловидный камень различной окраски, нередко бесцветный’; *холстинка* ‘легкая льняная или хлопчатобумажная ткань полотняного переплетения (обычно полосатая или в полоску)’; *чесуча* ‘плотная шелковая ткань, обычно желтовато-песочного цвета’ – в приведенных примерах отмечается особенность цвета целого объекта. Тогда как в следу-

ющих примерах ЛС характеризуют цвет какой-либо части объекта: *голубь* ‘птица с разнообразной окраской оперения (обычно с серовато-голубой или белой)...’; *лебедь* ‘водоплавающая... птица с белым (реже черным) оперением’; *глазок* ‘круглое пятно, иногда окаймленное цветным ободком (в окраске насекомых, птиц и др.)’; *барвинок* ‘вечнозеленое травянистое растение обычно с крупными голубыми или синими цветами’; *льнянка* ‘травянистое... растение... с желтыми или фиолетовыми цветками’ и др.

ЛС этой разновидности характеризуют в абсолютном большинстве случаев объекты естественных классов из мира природы, и это полностью совпадает с выводами А. Вежбицкой о восприятии цвета: “Похоже, что универсальной чертой языков мира служит описание цветового восприятия на определенной ступени развития в терминах имен референтов, важных для определения среды обитания человека, таких, как минералы характерного вида, животные или растения... Мне кажется, что слова такого рода служат свидетельством в пользу психологической реальности следующего семантического компонента в толковании слов с цветовой семантикой: ‘когда видишь предметы, подобные X-у, можно подумать о...’” [Вежбицкая 1996: 282].

ЛС ‘внешний вид предмета’

Это в известной мере синкретичная группа, в которой как бы соединились признаки формы и цвета, потому что из этого складывается внешний вид любого объекта. При этом наблюдается некоторая закономерность: при восприятии объектов-натурфактов какая-либо яркая черта его внешнего вида связывается обычно с цветом, а при восприятии объектов-артефактов особенности внешнего вида определяются формой, ср.: *лебеда* ‘травянистое сорное растение с листьями, обычно покрытыми мучнистым налетом’; *дворец* ‘большое и великолепное здание, обычно выделяющееся своей архитектурой’; *факел* ‘переносный светильник на рукоятке, обычно в виде палки с намотанной на конце просмоленной паклей’; *барельеф* ‘скульптурное (с низким рельефом) изображение

на плоской поверхности' и др. Хотя природные объекты могут обладать и другими особенностями внешности, что отражается в ЛС: *вьюн* 'рыбка с длинным червеобразным телом, покрытым мелкой чешуей или без чешуи'; *выползок* 'сброшенный во время линьки (обычно в виде цельного чехла) наружный ороговевший слой...'. Но в целом ЛС данной разновидности могут характеризовать объекты как естественных, так и искусственных классов.

ЛС 'запах'

Роза 'декоративный кустарник с крупными махровыми, обычно ароматными цветками'; *звездика* 'травянистое... растение с яркими цветами и (у некоторых разновидностей) пряным запахом'. Это очень небольшая в количественном отношении группа, вероятно потому, что свойства объекта, воспринимаемые обонянием, не столь значимы для человека, как другие сенсительные свойства, в частности зрительные и слуховые. В.В.Виноградов, исследуя имена прилагательные, пришел к такому же заключению: "Известно, что в европейских языках – при богатстве и разнообразии прилагательных, выражающих зрительные, слуховые и отчасти вкусовые ощущения, – очень беден состав прилагательных для выражения обонятельных и осязательных ощущений" [Виноградов 1972: 153]. Совпадение выводов, полученных при изучении разного материала, как нам кажется, свидетельствует о том, что в системе ЛС отражены далеко не случайные, а самые специфические черты языка. ЛС этой разновидности характеризуют только денотаты класса 'растения'.

ЛС 'конструктивные особенности предмета'

Люди создают множество предметов, обеспечивающих удобство их существования, и функциональное предназначение этих предметов определяет некоторые особенности их конструкции. Поэтому ЛС данной разновидности встречаются только в семемах, называющих артефакты: *бричка* 'легкая повозка, иногда с откидным верхом'; *гондола* 'длинная плоскодонная одновесельная венецианская лод-

ка... обычно имеющая каюту или навес для пассажиров'; *веер* 'небольшое ручное, обычно складное опахало...'; *колесо* 'круг (со спицами или сплошной), вращающийся на оси...'; *секретер* 'род письменного стола или шкафа, с выдвижной или откидной доской для письма'.

В некоторых случаях конструктивные особенности описываются через отрицание, при этом отсутствие названного элемента – это очень важный нулевой маркер, значимый для наивного представления об объекте и отличающий этот объект от сходных с ним: *брошюра* 'небольшая книжка в виде сшитых или скрепленных листов, обычно без переплета'; *телогрейка* 'женская одежда в виде теплой кофты, обычно без рукавов'; *сарай* 'крытое нежилое строение, обычно без потолочных перекрытий'; *камзол* 'старинная короткая мужская одежда, обычно без рукавов...'.

ЛС 'отличительная составная часть предмета'

Окружающий нас вещный мир – это огромное число предметов и явлений, которые человек расчленяет в своем сознании на составные части, поэтому созданный в результате когниции образ денотата является сложным, состоящим из ряда элементов. Некоторые из составляющих элементов являются обязательными, другие же в представлении носителей языка характеризуют лишь прототипический образец класса. При этом представления об обязательности или "обычности" составных частей объектов могут различаться у членов языкового коллектива. Сказанное объясняет особенности описываемой группы, которые проявляются в том, что при семантизации именно этого признака – 'отличительная составная часть предмета' – наблюдаются в большей степени расхождения в разных лексикографических источниках. Ср.: *дельфинарий* 'большой аквариум, обычно с морской водой...' [МАС] и *дельфинарий* 'большой аквариум с морской водой...' [ССРЛЯ]; *дирекция* 'руководящий орган предприятия, учреждения, учебного заведения (обычно с директором во главе)' [МАС] и *дирекция* 'руководящий орган учреждения, предприятия, учебного заведе-

ния во главе с директором' [ССРЛЯ]; *водевиль* 'легкая шутильная комедия, чаще в одном-двух действиях, в которой диалоги чередуются с пением куплетов' [МАС] и *водевиль* 'короткая комическая пьеса, обычно с пением' [СОШ]; *камлот* 'старинная плотная шерстяная ткань, иногда с примесью шелка или хлопчатобумажной пряжи' [МАС] и *камлот* 'плотная темная шерстяная или хлопчатобумажная ткань' [СОШ]. Как видно из примеров, один и тот же признак семантизируется в разных словарях то как дифференциальный, то как ЛС. Указанные различия не только не противоречат, но, напротив, подтверждают наши утверждения о том, что ЛС – это часть семемы.

Во многих случаях данные разных словарей совпадают: *буря* 'ненастье... часто с дождем или снегом'; *джаз* 'оркестр или ансамбль, в состав которого входят преимущественно духовые и ударные инструменты и певцы-солисты'; *дубрава* 'лиственный лес, обычно с преобладанием дуба'; *роща* 'небольшой, чаще лиственный, лес'; *пастила* 'род кондитерского изделия из протертых и сваренных с сахаром фруктов (обычно с добавлением взбитых яичных белков)' и др.

Человеческое сознание выделяет составные части как в природных объектах (буря, роща, дубрава), так и в предметах-артефактах (предметы одежды, продукты питания и пр.). Примечательно, что при семантизации слов-натурфактонимов наблюдается значительно меньше расхождений, чем в толкованиях артефактонимов. Вообще ЛС описываемой группы являются важными составляющими для понимания значения слова, поскольку, по справедливому замечанию В.Г.Гака, "очень часто значение слова можно идентифицировать только указанием на устройство и назначение обозначаемого предмета" [Гак 1988б: 120]. Именно поэтому не менее важной является следующая группа.

ЛС 'назначение предмета'

Такие ЛС указывают на то, для чего служит и каким образом используется тот или иной объект. ЛС этой группы, в отличие от других, манифестируются не отдельным словом или

простым словосочетанием, а обширным фрагментом, часто предикативной конструкцией. Но формальные особенности не сказываются на сущностных различиях, ибо этот фрагмент выполняет тоже ограничительную функцию: назначение предмета оказывается самым важным прототипическим признаком для коллективного языкового представления о соответствующем объекте. Сама информация о предназначении объекта в одних случаях является в значительной степени обобщенной, в других – довольно конкретной. Это вполне соответствует общему свойству специализированных ЛС, степень конкретизации которых колеблется. ЛС, дающие общее представление об использовании объекта, очерчивают лишь область его применения, например: *асбест* ‘минерал... (широко применяется в технике)’; *гравий* ‘осадочная горная порода... (употребляется в строительных и дорожных работах)’; *камфара* ‘бесцветное кристаллическое вещество... (используется в медицине и технике)’; *сера* ‘химический элемент... (применяется в промышленности, военном деле, сельском хозяйстве, медицине)’; *эфир* ‘органическое соединение... (используется в медицине, парфюмерии, технике)’; *аппаратура* ‘совокупность аппаратов, приспособлений (для выполнения какой-либо работы)’ и др. Но во многих случаях ЛС более точно определяют назначение объекта: *горчичник* ‘...(применяется как лекарственное средство, вызывающее прилив крови)’; *люпин* ‘травянистое растение... используемое для удобрения, как декоративное и в качестве корма для скота’; *мочало* ‘волокно... (идет на изготовление рогожи, веревок)’; *кабинет* ‘служебное помещение в учреждении обычно для ответственного лица’; *скетч* ‘короткая пьеса шуточного характера для двух, реже трех исполнителей’; *рейтузы* ‘узкие брюки (для верховой езды)’ и др. Однако ЛС любого уровня обобщения вносит очень ценную информацию для целостного понимания значения слова, ибо “чтобы понимать значение слов, именующих продукты человеческой деятельности, следует прежде всего понять, для какой цели созданы соответствующие объекты, т.е. необходимо понять их функцию” [Wierzbicka 1985: 19]. Действительно, ЛС ‘назначение объекта’ встречается преимущественно в семемах артефактонимов (*вуаль, карандаш, калейдоскоп, графин, перо, пыльник, фартук, рукавицы, гимнастерка, рогожа, флердоранж, ста-*

туэтка, пластрон, мотыга, чулан). Однако функционирование и назначение объекта в типической для него ситуации определяется, по нашим данным, не только для имен артефактов, но и для некоторых имен натурфактов. Так, названия некоторых растений (*бадан, калуфер, гвоздика, рогоз, чий, чистотел, юкка* и пр.) идентифицируются в наивном сознании только путем указания на сферу их использования. Указание на назначение объекта является типичным также и для семантики слов, обозначающих разного рода вещества и минералы (*ацетон, арболит, атропин, апатит, газолин, глинозем, гудрон, глина, гелиотроп, гипс, кодеин, канифоль, кокаин, известка* и др.). Нередко ЛС 'назначение объекта' присутствует в семемах существительных – названий животных, используемых в пищу человеком или животными: *вобла* '...(употребляется в пищу главным образом в копченом и вяленом виде)'; *сельдь* '...(употребляется в пищу главным образом в соленом и копченом виде)'; *мотыль* 'личинка комара-дергуна... (используется как приманка при ловле рыбы на удочку и как корм для рыб в аквариумах)' и др.

ЛС 'материал изготовления предмета'

Такая ЛС выделяется только в семемах существительных, именующих предметы, созданные руками человека, например: *бочка* 'большой цилиндрический сосуд для жидкостей (обычно деревянный)...'; *балдахин* 'нарядный навес на столбах (обычно матерчатый)...'; *кольцо* 'предмет (чаще всего из металла), имеющий форму обода'; *рюмка* 'небольшой, обычно стеклянный, сосуд'; *манто* 'широкое дамское пальто, обычно меховое'; *голландка* 'комнатная (обычно кафельная) печь'; *канат* 'толстая, очень прочная веревка из волокон или проволоки'; *рулетка* 'узкая лента (стальная, холщовая или клеенчатая) с делениями...'; *печь* 'каменное или металлическое сооружение...'; *решето* 'вид тары, представляющий собой деревянный широкий обод с натянутой на него сеткой (обычно из мочала)'; *пестрядь* 'грубая льняная или хлопчатобумажная ткань из разноцветных ниток...'; *лукошко* 'ручная корзина из лубка или прутьев'; *верша* 'рыболовная снасть, сплетенная обычно из ивовых прутьев...' и др. Эта группа ЛС в известной степени может служить источником для изучения истории создания

многих объектов, особенно бытовых, так как здесь зафиксированы материалы, первоначально используемые для изготовления разнообразных предметов. Развитие науки и техники, появление новых материалов и предметов внесли большие изменения в эту сферу, поэтому современное представление об объектах, входящих в описываемую группу, как нам кажется, иное.

ЛС 'способ изготовления, получения предмета'

Например: *варежки* 'теплые, обычно вязаные, рукавицы'; *вино* 'алкогольный напиток, получаемый обычно в результате брожения винограда'; *пестрядь* 'грубая льняная или хлопчатобумажная ткань из разноцветных ниток, обычно домотканая'; *дрова* 'распиленные и обычно расколотые на поленья деревья, идущие на топливо'; *рейка* 'узкая, тонкая деревянная доска или брус, обычно являющаяся отходами лесопиления'; *гостинец* 'вещь, предмет, сладости и т.п., обычно приносимые, привозимые или присылаемые откуда-л. в знак внимания'; *газон* 'площадка... засеянная травой, обычно коротко и ровно подстриженной'; *вкладка* '...лист (печатаемый отдельно от основного текста)'; *билет* 'документ, удостоверяющий право пользования чем-л. (обычно за плату)'. ЛС этой группы, как и прежде рассмотренных групп, маркируют семемы существительных, называющих конкретные предметы, созданные руками человека для различных нужд. Однако семантический признак 'способ' является типовым не только для денотативов, но также и для предикатных (характеризующих) имен. Поэтому в данной группе выделяется модификация названной ЛС -- ЛС 'способ действия', которая присутствует в абстрактных именах существительных (часто отглагольных), например: *гальваностегия* 'осаждение тонкого слоя металла (путем электролиза)'; *вызов* 'требование, просьба (выражаемая аплодисментами, криками).. ' и др.

ЛС 'локализация предмета'

Привязка объекта к определенному месту, указание на позицию объекта в "окрестностях" носителя языка -- это одна из главных характеристик предмета, ибо, как заметил П.А.Ф-

лоренский, “действительность есть лишь особая организация пространства” [Флоренский 1993: 71]. Данная ЛС представляет различные локальные признаки, такие как место бытования объекта, территория его распространения. Варианты ЛС ‘локальности’ определяются понятийной семантикой существительного [Осильбекова 1986]. Так, имена животных и растений содержат ЛС, указывающую на ареал распространения этих представителей фауны и флоры: *аргус* ‘лесная птица... (водится в Юго-Восточной Азии)’; *гиена* ‘южное хищное млекопитающее, обитающее главным образом в пустынных или полупустынных степях...’; *воробей* ‘маленькая птичка... живущая обычно близ жилых строений’; *жаворонок* ‘певчая птица..., обитающая преимущественно в полях и лугах’; *бычок* ‘род мелкой рыбы, преимущественно морской’; *василек* ‘травянистое растение... встречающееся преимущественно среди посевов озимых хлебов’ и т.д. Названия лиц (а здесь встретились только имена лиц по функциональному состоянию) имеют в семантике ЛС, очерчивающую место, где они выполняют свои функции: *певчий* ‘певец хора, обычно церковного’; *регент* ‘дирижер хора, преимущественно церковного’; *ризничий* ‘тот, кто заведует ризницей (в монастыре)’ и др.

Среди других денотативов с локальной ЛС значительную часть составляют имена-локативы, в семантике которых ЛС характеризует относительность расположения объекта: *кулуары* ‘боковые залы, коридоры (преимущественно в парламенте, театре)’; *духовка* ‘железный ящик (обычно вделанный в плиту)...’; *лужайка* ‘небольшой луг, обычно на опушке или посреди леса’; *койка* ‘подвесная постель из парусины (обычно на судне)’; *лягушатник* ‘сосуд для сохранения лягушек живыми (в научных кабинетах, лабораториях)’; *терраса* ‘горизонтальный уступ земной поверхности (на склонах, скалах)’; *тротуар* ‘пешеходная дорожка... обычно приподнятая над проезжей частью’ и др.

И, наконец, данная ЛС входит в семемы ряда имен-натурфактонимов: *буран* ‘сильный зимний ветер, поднимающий массу сухого снега; снежная буря, метель (обычно в степи, на открытых местах)’; *водоворот* ‘вихревое движе-

ние воды в реках, морях и т.п., возникающее обычно в местах столкновения встречных течений...»; *ржавчина* 'желто-оранжевые пятна на поверхности растений (обычно на листьях, стеблях)'. При семантизации таких существительных наблюдается смена "точки зрения": составителя словаря ориентируются на адресата как носителя специальных знаний, тогда как во всех других случаях учитывается точка зрения адресата – носителя обыденного языкового сознания.

ЛС 'время появления / существования предмета'

Это небольшая группа, так как для денотативов темпоральный признак не является существенным, в отличие от признака локализации предмета. Вероятно, это связано с общим восприятием пространства и времени. Б.А.Успенский пишет, что человек активен по отношению к пространству и пассивен по отношению ко времени: "...время движется относительно человека, осознающего себя в неподвижном пространстве" [Успенский 1989: 31]. Об автономности времени говорит и Д.С.Лихачев, анализируя древнее культурное сознание: "время не было ориентировано на воспринимающего его субъекта. Его мыслили как объективно и независимо существующее" [Лихачев 1979: 255]. Хотя пространственность, безусловно, преобладает при восприятии чувственно явленного мира, все же в некоторых случаях темпоральная характеристика становится значимой для языкового сознания, и эта значимость обуславливает появление соответствующей ЛС. Временной параметр оказывается необходимым для описания происходящих событий и преходящих (или повторяющихся) явлений, поэтому анализируемая ЛС присутствует в семантике событийных существительных: *базар* 'розничный торг... происходящий (по определенным дням и ежедневно) на площади...'; либо существительных, денотат которых в наивном представлении связан с событиями или процессом: *газета* 'периодическое издание, обычно ежедневное...'; *анонс* 'объявление (обычно предварительное)'. Кроме того, ЛС темпоральности входит в семемы имен лиц для указания на возраст: *дети* 'сыновья или дочери (независимо от возраста)'; *ребенок* 'сын или дочь (до отроческого возраста)'.

ЛС 'отличительный качественный признак предмета'

Мы выделили такую группу, хотя она весьма разнородна по конкретному содержанию ЛС. Однако в представлении носителей языка соответствующий денотат отличается от других объектов класса именно признаком, передаваемым ЛС, несмотря на его необязательность и наличие других, обязательных, дифференциальных сем: *диван* 'род мебели большого размера, обычно мягкой, для сидения и лежания'; *крендель* 'витая (обычно сдобная) булка...'; *калика* 'нищий, чаще слепой, собирающий милостыню пением...'; *хвост* 'придаток (обычно подвижный) на заднем конце тела животного' и др. Выделяемый в объектах отличительный признак относится к типу описательных [см.: Гак 1977], отличающих предмет от других предметов данного класса. Такие признаки воспринимаются обычно органами чувств и характеризуют предметы, с которыми человек имеет дело в повседневной жизни. Но отличительный качественный признак может выявляться в денотате путем умственных операций сопоставления денотата с другими, подобными ему. ЛС, выделенные таким образом, характерны для существительных, обозначающих социально и культурно значимые явления. Например, *бонна* 'воспитательница, большей частью из иностранок, при маленьких детях...'; *артерия* 'путь сообщения (особенно водный)'; *готика* 'художественный стиль, преимущественно архитектурный, позднего европейского средневековья...'; *дифтерия* 'острая заразная болезнь, преимущественно детская...' и др. Такой признак, как видно из материалов, указывает на относительное свойство (неслучайно ЛС выражена относительным прилагательным), то есть характеризует отношения между предметами, нередко посессивные отношения.

Иногда отличительный признак объекта определяется не качественно, а аксиологически: *бельэтаж* 'второй снизу, обычно лучший этаж дома'; *ляпсус* 'грубая, часто нелепая ошибка'; *величие* 'сознание своей важности, исключительности, обычно преувеличенное'; *анонимка* 'письмо... обычно содержащее что-

л. обидное, оскорбительное' и пр. В этом случае ЛС принимает статус коннотативной семы, осложняясь оценочным элементом.

ЛС большинства рассмотренных групп, как мы указывали выше, ограничивают проявление аналитического признака, выделяемого в соответствующем денотате, то есть ЛС связаны с отражением диспозиционных свойств самих обозначаемых. С точки зрения логико-семантических отношений ограничение в этих случаях проявляется в таком типе, как "предмет – его свойство". В.Г.Гак считает, что «в синхронном аспекте все предметы и явления связаны между собой отношениями иерархии "быть" или иерархии "иметь". Первая иерархия отражает гипергипонимические отношения, то есть называет разновидности предметов. Вторая – отражает отношения присущности, то есть отношения "предмет – его часть", "предмет – его свойство", "предмет – другой предмет"» [Гак 1987: 8–9]. Как показывают наши материалы, ограничения могут "вторгаться" в любую разновидность отношений присущности, но они отсутствуют в гипергипонимических отношениях. Объясняется этот факт, по нашему мнению, тем, что гипергипонимические связи между предметами выявляются в процессе когниции и они не наблюдаемы. Тогда как отношения присущности видны в реальной действительности. И поскольку ЛС представляют денотативную часть семемы, отражая внешний мир, и связаны с мыслительной операцией представления, то сама природа этих семантических компонентов предопределяет возможность их участия только при выражении отношений присущности.

Ограничения в отношениях "предмет – его часть" обнаруживаются в группе ЛС 'составная часть объекта'. Заглавное слово называет объект, а ЛС, соответственно, такую часть этого объекта, которая представляется существенной для стандартного, идеального, образца данного класса. Ограничения в этом же типе отношений представлены и такими случаями, как, например: *обух* 'тупая, противоположная лезвию, сторона острого орудия (обычно топора)'; *седловина* 'вогнутость, прогиб в спине животного (преимущественно лошади)'; *луб* 'внутренняя часть коры молодых лиственных деревьев (пре-

имущественно липы)'; *чешуйка* 'микроскопическая хитиновая пластинка на теле некоторых членистоногих животных (главным образом насекомых)'; *веснушки* 'желтоватые или коричневатые пигментные пятнышки на коже (преимущественно лица)'; *вестибюль* 'передняя при парадном входе в здание (преимущественно общественное)'.

ЛС сужают круг денотатов, выделяя прототипический предмет, частью которого в наивном представлении является объект, названный заглавным, реестровым словом. Р.М.Фрумкина называет партонимические отношения такого типа "ориентированными", потому что имя, обозначающее часть, предсказывает имя, обозначающее предмет, и "в реальности объект А [составляющая часть. – О.М.] без объекта В зачастую не имеет смысла... или просто не существует" и "смысл А осознается как подчиненный по отношению к смыслу В" [Семантика и категоризация 1991: 23–24]. Наши материалы устанавливают не столь жесткую связь между частью и предметом, поскольку здесь встречаются лишь вероятностные ЛС. Объективно в реальном мире действительно не существует однозначной принадлежности названной составной части к виду объекта, отраженному в ЛС. Так, луб имеется не только у липы, но и у других сложных растений (винограда, бересклета, у многих хвойных); веснушки могут быть и на других участках кожи, не только лица; седловина образуется в спине многих вьючных животных (мула, оленя), однако наивное сознание приписывает такую составную часть именно одному из ряда подобных объектов. Включение КО в дефиниции указанных слов доказывает еще раз мысль о том, что составители словаря избирают точку зрения наивного носителя языка. Об этом же можно говорить, анализируя толкование вокабулы *чешуйка*. Класс членистоногих в научной систематике обширен и многообразен, и в этом многообразии он неизвестен большинству представителей русского этноса, то есть слово *членистоногие* входит в число агнонимов [см.: Морковкин, Морковкина: 1997], поэтому фиксация в словаре вероятностной ЛС 'насекомые' отвечает потребностям языкового коллектива.

В третьей разновидности отношений присущности – "предмет – другой предмет" – также встречаются ограничения, ко-

212

которые проявляются в том, что денотат, обозначенный заглавным словом, связывается лишь с некоторыми членами класса денотатов, названного в толковании. Сюда относятся прежде всего те единицы из группы ЛС ‘отличительный качественный признак’, в которых этот признак является относительным (см. *бонна*, *артерия*, *дифтерия*, *готика*). Кроме того, к названному типу относим: *седок* ‘тот, кто едет в конном экипаже (обычно наемном)’; *птицелов* ‘тот, кто занимается ловлей птиц (преимущественно певчих)’; *головня* ‘...болезнь растений (преимущественно злаковых)’; *выводок* ‘детеныши, выведенные одной самкой (птиц, животных) и держащихся вместе’. В некоторых случаях в толковании нет имени класса, возможно, по причине отсутствия универба в языке. Сам факт относительной немногочисленности “родовых слов” в русском языке, по сравнению, например, с французским, хорошо известен [см.: Гак 1977]. Например: *рыболов* ‘тот, кто ловит рыбу (на удочку, перемет)’; *добытчик* ‘тот, кто добывает средства к жизни (для семьи, близких)’. Как нам кажется, толкование существительных в группе с отношением “предмет – другой предмет” проведено с позиции составителей словаря, и отражение ЛС в дефиниции служит более точной и корректной фиксации значения. В представлении наивных носителей языка реестровые слова имеют более расширенную семантику. Об этом свидетельствуют и данные СОШ: ни в одном из приведенных слов, исключая *птицелов*, не отмечена соответствующая ЛС.

До сих пор наши наблюдения были направлены на денотативы, однако в числе существительных, содержащих ЛС, имеются и абстрактные имена, хотя и в небольшом количестве. По своей семантике они относятся к классу характеризующих имен, а ЛС в них, как и в других признаковых именах, несут информацию о субъекте – носителе динамического или статического признака. Абстрактные существительные с ЛС отличаются от всех прочих существительных с отвлеченной семантикой природой своего значения. Для семантики абстрактных существительных интегративным компонентом выступает сема ‘отвлеченность признака (статического или динамического) от его носителя’, определяющая их лексико-граммати-

ческое значение. В тех абстрактных существительных, которые имеют ЛС, названный компонент определяет лишь грамматическое значение, но с точки зрения лексической семантики он является неотъемлемой частью прототипического значения.

Ономазиологический подход к абстрактным существительным, имеющим в семемах ЛС, показал, что в этой группе слов выделяются те же самые референтно-отражательные группы, которые были обнаружены нами при анализе глаголов и прилагательных. Приведем лишь некоторые примеры: *голубица* ‘целомудренное, невинное, кроткое существо (обычно о девушке)’; *рукоделие* ‘ручной труд, преимущественно женский’; *виртуозность* ‘высокое техническое мастерство артиста (преимущественно музыканта)’; *днёвка* ‘дневной отдых, сон (животных, птиц)’; *всхожесть* ‘способность (семян) к прорастанию’; *восход* ‘появление над горизонтом (небесного светила, утренней зари)’; *бездна* ‘беспредельная глубина (моря, неба)’; *бесплодие* ‘неплодородие, неплодородность (о почве)’; *достоинство* ‘стоимость, ценность (денежных знаков или ценных бумаг)’.

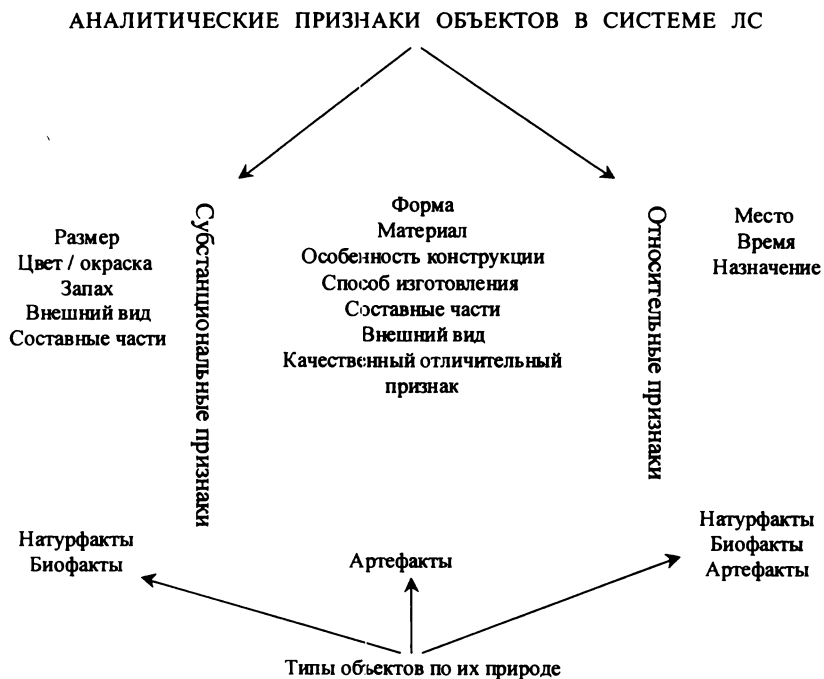
В реальной действительности любой объект может обладать различными диспозиционными свойствами, и среди них есть как инвариантные, так и прототипические. Разнообразие прототипических качеств объекта находит отражение в языке таким образом, что в рамках отношений “предмет – его свойство” выделяется несколько разновидностей ЛС по “вещественному” содержанию, в отличие от отношений “предмет – его часть” и “предмет – другой предмет”, которые уже сами по себе являются конкретными, отражающими внешний мир, поэтому здесь мы не выделяем частных разновидностей, за исключением, может быть, “предмет – его принадлежность к другому предмету”.

Согласно избранной нами модели анализа ЛС, рассмотрим вещественное содержание ЛС, присутствующих в семемах существительных, применительно к языковой модели мира.

Мы согласны с Ю.Н.Карауловым, что картина мира может быть организована только идентифицирующими именами

[Караулов 1981], поэтому характеризующие признаки, обозначенные в языке с помощью ЛС, нуждаются в ином подходе, чем ЛС, отражающие денотативные сущности.

Выделение языковым сознанием разнообразных аналитических признаков, присущих объектам окружающего мира, имеет определенные закономерности, обусловленные онтологией самих объектов. Нам кажется, что денотативно-конкретизирующие ЛС, обозначающие свойства предмета, в наибольшей степени выявляют эти закономерности, так как ограничительная часть семемы есть отражение мыслительной категории представления и через систему ЛС “просвечивает” ценность внелингвистических объектов и выделяемых в них свойств, что мы попытались представить на схеме.

ЛС в семемах денотативов отражают субстанциональные (диспозиционные) и относительные свойства объектов. Суб-

станциональные признаки связаны с физическими параметрами, они неотчуждаемы от объекта и основаны на перцептивном восприятии. Субстанциональные свойства: размер, цвет/окраска, запах, внешний вид – это природные качества, поэтому ЛС с таким содержанием присутствуют только в именах естественных объектов – природных и биологических существей. Искусственно созданные людьми объекты – артефакты – также могут обладать некоторыми неотчуждаемыми свойствами (форма, особенности конструкции, материал и способ изготовления, внешний вид, качественный отличительный признак), однако эти свойства “заданы” объекту человеком с утилитарной целью и могут быть в принципе изменены. Поэтому такие свойства являются, с одной стороны, субстанциональными, так как определяют сущность предмета, а с другой – относительными, так как обусловлены связью с человеком.

Относительные свойства указывают на отношения объекта с окружающим миром и человеком. Они приписываются как естественным, так и искусственным объектам. В системе ЛС из числа таких относительных свойств нашли отражение место и время. Это вполне понятно, так как пространственно-темпоральные характеристики относятся к числу “эгоцентрических спецификаторов” [см.: Рассел 1957]. В фундаментальных представлениях человека о мире каждый объект помещается в вещное пространство и циклическое или линейное время, независимо от его происхождения. Наличие такого рода ЛС зависит, скорее, от ситуаций, в которых соответствующие объекты входят в соприкосновение с человеком. Не менее важным оказывается и относительное свойство ‘назначение объекта’, так как практические потребности человека распространяются на все предметы внешнего мира и в процессе труда происходит превращение этих предметов, независимо от их природы, в продукт труда. Относительные свойства объектов “высвечивают” этнокультурную специфику последних, ибо, как справедливо пишут А.Рей и С.Делесаль, такие признаки, как зона распространения и промышленное назначение, – это признаки, важные в культурном отношении [см.: Рей, Делесаль 1983: 293].

Таким образом, признаки объектов, зафиксированные системой

ЛС в семемах существительных, неслучайны, определены онтологией мира. В исследованиях, посвященных толкованиям лексических единиц, в частности конкретных существительных, в энциклопедиях и толковых словарях, встречаются замечания относительно того, какие признаки необходимо указывать при описании, например, биологических единиц [см.: Арбатский 1977; Косовский 1975]. В работах, посвященных проблемам номинации и мотивации [см., например: Блинова 1984; Голев 1989 – здесь же см. библиографию; Павел 1983; Резанова 1982; 1984; Языковая номинация 1977а; Янценецкая 1979 и др.], также неоднократно указывалось на обусловленность выделяемых в слове семантических компонентов принадлежностью данного слова к тематическому классу.

Наблюдения и выводы, полученные исследователями, в основе своей совпадают с полученными нами данными. Этот факт говорит о том, что концептуальный класс прогнозирует набор и структуризацию не только понятийных компонентов языкового значения, но также и признаков, отражающих характерные свойства прототипов – идеальных образцов класса. И, опираясь на систему денотативно-конкретизирующих ЛС в семемах существительных, мы можем составить достаточно полную картину о том, какие признаки объектов вещного мира обладают ценностью в представлении данного языкового коллектива. Важно подчеркнуть, что ценностная информация об объекте в наивном языковом сознании соединяет перцептивные, функциональные и локально-темпоральные характеристики.

Что касается другого типа денотативно-конкретизирующих ЛС в семемах существительных – ЛС, обозначающих предмет, связанный разного рода отношениями с другими предметами, то они могут быть рассмотрены в той модели мира, которую мы выявили по ЛС в признаковых именах, поскольку отношения между предметами отражают через язык нашу концептуализацию предметного мира. По нашим наблюдениям, ЛС в именах существительных называют денотаты, занимающие нижний ярус в реконструированном нами фрагменте картины мира, как то: предметы бытового обихода, часто национально спе-

цифические (топор, удочка, перемет и др.); домашние животные и растения, части тела. Очень незначительно отражены в этих ЛС денотаты 2-го яруса, причем ими являются лишь социально значимые объекты (семья, транспорт). И совершенно отсутствуют в этой системе ЛС денотаты 3-го яруса.

Такое положение дел координируется с нашими выводами о близкой и далекой перспективе в восприятии мира. Отношения между отдельными предметами могут обрести ценность для этнической группы и закрепиться в языке только в том случае, если сами эти предметы входят в ценностную картину. Согласно нашим выводам, детально прорабатывается языком лишь ближайший к человеку “концентрический круг”, включающий представления об индивиде и его доме. Следовательно, значимость приобретают также лишь отношения между предметами “концентрического круга” с этим же радиусом. Отдаленность пространственной позиции дает широкий охват без дробных деталей, потому и отношения между удаленными предметами “не просматриваются”.

Отсутствие денотатов 3-го яруса объясняется, с нашей точки зрения, их природой. Практически каждый объект из мира натурфактов уникален и самостоятелен, поэтому в наивном языковом сознании важен объект сам по себе, а не его отношения с другими объектами. Представленный на 3-м ярусе внутренний мир человека, хотя и моделируется по образу и подобию внешнего мира, но, безусловно, не тождествен ему. “Жизнь” объектов внутреннего мира представляет интерес для человека только в плане отношений между ним самим и этими объектами, но не между объектами вне отношения к человеку.

Таким образом, система денотативно-конкретизирующих ЛС в семемах разных лексико-грамматических классов конструирует одну и ту же наивную модель мира, и это свидетельствует, на наш взгляд, об объективности вывода о том, что данная система отражает концептуализацию мира в наивном языковом сознании. Эта система сложилась в языке не случайно, а представляет собой национально специфическую часть общей картины мира, причем эта часть соответствует ценностям русского этноса, в значительной мере определяемым потребностями, общественными институтами, традициями, верованиями русских.

ВЫВОДЫ

1. Содержание ЛС определяется типом имени: в именах с признаковой семантикой ЛС отражают денотативные сущности, в именах с предметным значением ЛС указывают на характеризующие свойства. В этом проявляются особенности лингвокреативного мышления, которое, отражая окружающую человека действительность, связи и отношения между предметами, фиксирует эти связи во взаимной отражательной настроенности друг на друга предметных и признаковых имен.

2. ЛС являются экспликаторами когнитивной обработки мира. Система ЛС фиксирует лишь те объекты действительности, те связи и отношения между ними, которые наиболее ярко видятся языковому коллективу, обладают психологической значимостью. Значимость объектов может определяться или присущими им какими-то особыми свойствами, или их культурной ценностью для носителей данного языка, или тем и другим одновременно. ЛС показывают, что представление о мире основано на принципе пиков: отражению подвергается не мир в целом, а те его составляющие (пики), которые являются наиболее релевантными для “этнического стиля” – свойственной данному коллективу манеры принимать и отмечать ценности [см.: Токарев 1973 : 209].

3. Опираясь на систему ЛС, можно утверждать, что формирующаяся в сознании языкового сообщества система концептуальных связей основана не столько на том, какова онтология объектов, сколько на наших представлениях о сущностных свойствах окружающего мира. И представления эти отражают национально специфическое видение мира.

Заключение

Лексическое значение слова принадлежит к числу самых загадочных категорий, исследуемых лингвистикой. Принцип антропоцентризма, фундаментальный для современной науки, позволяет считать, что семантика лексической единицы не приравнивается к одной только мыслительной форме – понятию, но особой своей частью соотносится с другой формой мысли – представлением. Эта часть семемы, названная нами **д е н о т а т и в н о - о г р а н и ч и т е л ь н ы м** **к о м п о н е н т о м**, расширяет структурное значение слова, совпадая с непонятными семантическими долями (лексическим фоном). Совпадение это частично, так как названный компонент одновременно выполняет ограничительную функцию, обозначая отбор из бесконечного числа фоновых признаков лишь прототипических, свойственных идеальному образцу класса объектов или ситуации, сформированных культурно-языковыми условиями и отражающих наивное языковое сознание этнического коллектива.

Денотативно-ограничительный компонент включает лимитирующие семы разных типов и входит в семемы слов всех грамматических классов. С точки зрения системно-интегрального подхода каждое лексическое значение имеет лимитирующие семы (хотя это не всегда зафиксировано в словаре), так как любому понятию сопутствуют стандартные представления об объекте. На этом основании, вероятно, можно говорить о денотативно-ограничительном компоненте как о семантической универсалии, которая должна отражаться при лексикографической семантизации каждой лексической единицы. Составители нового академического толкового словаря (НАС), судя по изложенным ими принципам, поставили перед собой именно такую задачу, и в этом мы видим

практическое подтверждение нашего исследования. Выделенные в результате анализа вещественные разновидности денотативно-конкретизирующих ЛС и закономерности их взаимодействия с типами значений помогут определить необходимые для толкования слов КО, отсутствующие в существующих словарях.

Денотативно-ограничительный компонент восходит к действительности, является экстралингвистическим содержанием слова, отражающим прямо и непосредственно обслуживающую языком культуру. Границы лингвистического и экстралингвистического в семантике слова достаточно неопределенны и лабильны, и задача заключается в том, чтобы выявить точки их соприкосновения. ЛС позволяют соединить слово и вещь, помогают войти в круг вещей и идей, выделить национальные особенности слов, не утерав общечеловеческих связей. И вместе с тем ЛС являются собственно лингвистическим компонентом, так как имеют отражательную природу.

Мир имеет континуальный характер, и это свойство мира непременно должно находить “отголоски” в языке. В одной из своих последних работ Б.М. Гаспаров пишет о “языковом существовании”. Его идея заключается в том, что язык есть целостное и при этом живое динамическое явление, в котором невозможно выделить отдельные значения [Гаспаров 1996]. Не принимая идею целиком, в ее столь категоричном виде, мы поддерживаем ее главную мысль – о целостности языка, который представляет собой не просто концептуальную сетку, но развивающийся континуум. Целостность и континуальность мира и языка, как доказывалось выше, отражается в словаре. Связующими нитями, “сцепками”, протянутыми от одной семемы к другой, являются лимитирующие семы. С их помощью глагол “тянет” за собой существительное, оно, в свою очередь, прилагательное, и отдельные единицы словаря образуют сплошной поток лексикона. Действительность при этом предстает в языке мозаично сложным целым.

ЛИТЕРАТУРА

- Азнаурова 1973 – *Азнаурова Э.С.* Очерки по стилистике слова. Ташкент, 1973.
- Айдынов 1970 – *Айдынов И.М.* О сочетаемости имен прилагательных в современном русском языке // Актуальные проблемы лексикологии. Минск, 1970.
- Алексеева 1987 – *Алексеева Н.В.* Универсальное и идиотническое как объективное и субъективное в языковой семантике: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 1987.
- Апресян 1967 – *Апресян Ю.Д.* Экспериментальное исследование семантики русского глагола. М., 1967.
- Апресян 1986 – *Апресян Ю.Д.* Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира // Семиотика и информатика. М., 1986. Вып. 28.
- Апресян 1986а – *Апресян Ю.Д.* Интегральное описание языка и толковый словарь // Вопросы языкознания. 1986. № 2.
- Апресян 1995 – *Апресян Ю.Д.* Избранные труды. Т. 1. Лексическая семантика. М., 1995.
- Апресян 1995а – *Апресян Ю.Д.* Образ человека по данным языка: Попытка системного описания // Вопросы языкознания. 1995. № 1.
- Арбатский 1977 – *Арбатский Д.И.* Толкование значений слов. Ижевск, 1977.
- Аристотель 1936 – *Аристотель.* Об истолковании // Античные теории языка и стиля. М; Л., 1936.
- Арнольд 1966 – *Арнольд И.В.* Семантическая структура слова в современном английском языке и методика ее исследования. Л., 1966.
- Арнольд 1970 – *Арнольд И.В.* Эмоциональный, экспрессивный, оценочный и функционально-стилистический компоненты лексического значения // XXП Герценовские чтения. Иностранные языки. Л., 1970.
- Арнольд 1973 – *Арнольд И.В.* Стилистика современного английского языка. Л., 1973.
- Арнольд 1979 – *Арнольд И.В.* Потенциальные и скрытые семы и их актуализация в английском художественном тексте // Иностр. яз. в школе. 1979. № 6.
- Арутюнова 1976 – *Арутюнова Н.Д.* Предложение и его смысл: Логико-семантические проблемы. М., 1976.
- Арутюнова 1980 – *Арутюнова Н.Д.* К проблеме функциональных типов лексического значения // Аспекты семантических исследований. М., 1980.
- Арутюнова 1987 – *Арутюнова Н.Д.* Аномалии и язык: (К проблеме языковой “картины мира”) // Вопросы языкознания. 1987. № 3.
- Арутюнова 1988 – *Арутюнова Н.Д.* Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. М., 1988.
- Арутюнова 1991 – *Арутюнова Н.Д.* Истина: фон и коннотации // Логический анализ языка: Культурные концепты. М., 1991.

Арутюнова 1995 – *Арутюнова Н.Д.* Истина и этика // Логический анализ языка: Истина и истинность в культуре и языке. М., 1995.

Арутюнова 1995а – *Арутюнова Н.Д.* Человек и “фигура” (анализ понятий) // Филологический сборник: (К 100-летию со дня рождения академика В.В.Виноградова). М., 1995.

Аспекты 1980 – *Аспекты семантических исследований*. М., 1980.

Ахманова 1957 – *Ахманова О.С.* Очерки по общей и русской лексикологии. М., 1957.

Бабенко 1989 – *Бабенко Л.Г.* Лексические средства обозначения эмоций в русском языке. Свердловск, 1989.

Бархударов 1975 – *Бархударов Л.С.* Язык и перевод. Вопросы общей и частной теории переводов. М., 1975.

БАС – *Словарь современного русского литературного языка*: В 17 т. М., 1950-1965.

Бацевич 1993 – *Бацевич Ф.С.* Функционально-отражательное изучение лексики: теоретические и практические аспекты: (На материале русского глагола). Львов, 1993.

Бацевич, Космеда 1997 – *Бацевич Ф.С., Космеда Т.А.* Очерки по функциональной лексикологии. Львов, 1997.

Башиева 1995 – *Башиева С.К.* Стилистический компонент фразеологического значения: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Краснодар, 1995.

Бибчук 1991 – *Бибчук Е.М.* Образный компонент в лексическом значении русского существительного: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 1991.

Белоусова 1989 – *Белоусова А.С.* Имена лиц и их синтаксические свойства // Слово и грамматические законы языка: Имя. М., 1989.

Бережан 1988 – *Бережан С.Г.* Отражение семантических системных связей лексических единиц в одноязычном (толковом) словаре // Словарные категории. М., 1988.

Березин 1979 – *Березин Ф.М., Головин Б.Н.* Общее языкознание. М., 1979.

Бирвиш 1981 – *Бирвиш М.* Семантика // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1981. Вып. 10.

Биржакова, Войнова, Кутина 1972 – *Биржакова Е.Э., Войнова Л.А., Кутина Л.Л.* Очерки по исторической лексикологии русского языка XVIII века: Языковые контакты и заимствования. Л., 1972.

Блинова 1984 – *Блинова О.И.* Явление мотивации слов (лексикологический аспект). Томск, 1984.

Богданов 1977 – *Богданов В.В.* Семантико-синтаксическая организация предложения. Л., 1977.

Богданова 1995 – *Богданова Л.И.* Идеографическое описание языка: тенденции и перспективы: (На материале глагольной сочетаемости) // Лингвистика на исходе XX века: итоги и перспективы. Т.1. М., 1995.

Богуславский 1957 – *Богуславский В.М.* Слово и понятие // Мышление и язык. М., 1957.

Болинджер 1981 – *Болинджер Д.* Атомизация значения // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1981. Вып. 10.

Брагина 1986 – *Брагина А.А.* Лексика языка и культура страны. М., 1986.

Брагина 1991 – *Брагина Н.Г.* Метаязыковая функция сочетаемости русского

слова в общелингвистическом и прикладном рассмотрении: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1991.

Булаховский 1954 – *Булаховский Л.А.* Введение в языкознание. Ч. 2. М., 1954.

Булыгина, Шмелев 1988 – *Булыгина Т.В., Шмелев А.Д.* Механизмы квантификации в русском языке и семантика количественной оценки // Референция и проблемы текстообразования. М., 1988.

Булыгина, Шмелев 1997 – *Булыгина Т.В., Шмелев А.Д.* Языковая концептуализация мира: (На материале русской грамматики). М., 1997.

Буслаев 1959 – *Буслаев Ф.И.* Историческая грамматика русского языка. М., 1959.

Варина 1967 – *Варина В.Г.* К проблеме семантики слова (денотативный и коннотативный аспекты в слове): Дисс. ... канд. филол. наук. М., 1967.

Васильев 1971 – *Васильев Л.М.* Семантические классы русского глагола (глаголы чувства, мысли, речи и поведения): Автореф. дис... д-ра филол. наук. Л., 1971.

Васильев 1981 – *Васильев Л.М.* Семантика русского глагола. М., 1981.

Васильев 1985 – *Васильев Л.М.* Значение в его отношении к системе языка. Уфа, 1985.

Васильев 1990 – *Васильев Л.М.* Современная лингвистическая семантика. М., 1990.

Васильев 1996 – *Васильев Л.М.* Форма и содержание языка как знаковой системы // Вестник Восточного института экономики, гуманитарных наук, управления и права. № 3. Уфа, 1996.

Вежбицка 1983 – *Вежбицка А.* Из книги “Семантические примитивы” // Семиотика. М., 1983.

Вежбицкая 1996 – *Вежбицкая А.* Язык. Культура. Познание. М., 1996.

Вейнрейх 1981 – *Вейнрейх У.* Опыт семантической теории // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1981. Вып. 10.

Вепрева 1982 – *Вепрева И.Т.* Об отношении семантики возвратных глаголов к лексико-семантической группе мотивирующих глаголов // Семантические классы русских глаголов. Свердловск, 1982.

Верещагин, Костомаров 1980 – *Верещагин Е.М., Костомаров В.Г.* Лингвострановедческая теория слова. М., 1980.

Верещагин, Костомаров 1983 – *Верещагин Е.М., Костомаров В.Г.* Язык и культура. М., 1983.

Виноградов 1935 – *Виноградов В.В.* Язык Пушкина. Пушкин и история русского литературного языка. М; Л., 1935.

Виноградов 1972 – *Виноградов В.В.* Русский язык. Грамматическое учение о слове. М., 1972.

Виноградов 1977 – *Виноградов В.В.* Основные типы лексических значений слов // Виноградов В.В. Избр. тр.: Лексикология и лексикография. М., 1977.

Власова 1995 – *Власова А.Е.* Критерии тождества адресатных актантов // Лингвистика на исходе XX века: итоги и перспективы. Т. 1. М., 1995.

Войшвилло 1967 – *Войшвилло Е.К.* Понятие. М., 1967.

Вольф 1978 – *Вольф Е.М.* Грамматика и семантика прилагательного. М., 1978.

Вольф 1979 – *Вольф Е.М.* Прилагательное в тексте (“система языка” и “картина мира”) // Лингвистика текста и поэтика. М., 1979.

- Вольф 1985 – *Вольф Е.М.* Функциональная семантика оценки. М., 1985.
- Воробьев 1996 – *Воробьев В.В.* Теоретические и прикладные аспекты лингвокультурологии: Автореф. дис. ...докт. филол. наук. М., 1996.
- Воробьев 1997 – *Воробьев В.В.* Лингвокультурология (теория и методы). М., 1997.
- Воробьев Ю. 1993 – *Воробьев Ю.А.* Культурно-специфические элементы компетенции говорящего и возможность их лексикографической экспликации // Прагматика. Семантика. Грамматика. М., 1993.
- Воробьев Ю. 1994 – *Воробьев Ю.А.* Лексика немецкого языка в культурологическом аспекте: (Опыт лексикографического описания на материале тематической группы “пища”): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1994.
- Вучкова 1984 – *Вучкова В.* Культурно-коннотированная лексика в словаре и в переводе: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1984.
- Гадамер 1988 – *Гадамер Х.-Г.* Истина и метод. М., 1988.
- Гайсина 1981 – *Гайсина Р.М.* Лексико-семантическое поле глаголов отношения в современном русском языке. Саратов, 1981.
- Гак 1971 – *Гак В.Г.* К проблеме гносеологических аспектов семантики слова // Вопросы описания лексико-семантической системы языка: Тезисы докладов. Ч.1. М., 1971.
- Гак 1972 – *Гак В.Г.* К проблеме семантической синтагматики // Проблемы структурной лингвистики, 1971. М., 1972.
- Гак 1973 – *Гак В.Г.* Высказывание и ситуация // Проблемы структурной лингвистики, 1972. М., 1973.
- Гак 1977 – *Гак В.Г.* Сопоставительная лексикология. М., 1977.
- Гак 1987 – *Гак В.Г.* Лингвистические словари и энциклопедическая информация // Вопросы языкознания. 1987. № 2.
- Гак 1988а – *Гак В.Г.* Фразеология, образность и культура // Советская лексикография. М., 1988.
- Гак 1988б – *Гак В.Г.* Проблема создания универсального словаря // Национальная специфика языка и ее отражение в нормативном словаре. М., 1988.
- Галкина-Федорук 1954 – *Галкина-Федорук Е.М.* Современный русский язык. Лексика. М., 1954.
- Ганжа 1970 – *Ганжа Р.С.* Изучение глагольной семантики // Русский язык в школе. 1970. № 4.
- Гарипова 1982 – *Гарипова Н.Д.* К семантической характеристике имен качества // Исследования по семантике. Уфа, 1982.
- Гаспаров 1996 – *Гаспаров Б.М.* Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования. М., 1996.
- Гачев 1988 – *Гачев Г.Д.* Национальные образы мира. Общие вопросы. М., 1988.
- Гачев 1992 – *Гачев Г.Д.* Наука и национальные культуры: (Гуманитарный комментарий к естествознанию). Ростов. 1992.
- Гачев 1995 – *Гачев Г.Д.* Национальные образы мира. Космо-Психо-Логос. М., 1995.
- Герд 1995 – *Герд А.С.* Введение в этнолингвистику. СПб, 1995.
- Гинзбург 1978 – *Гинзбург Р.С.* Значение слова и методика комплексного анализа

// Иностр. яз. в школе. 1978. № 5.

Гловинская 1990 – *Гловинская М.Я.* Русские речевые акты *поздравлять* и *желать* // Язык: система и подсистемы. М., 1990.

Гловинская 1992 – *Гловинская М.Я.* Русские речевые акты и вид глагола // Логический анализ языка: Модели действия. М., 1992.

Гловинская 1993 – *Гловинская М.Я.* Семантика глаголов речи с точки зрения теории речевых актов // Русский язык в его функционировании: Коммуникативно-прагматический аспект. М., 1993.

Говердовский 1977 – *Говердовский В.И.* Опыт функционально-типологического описания коннотации: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1977.

Говердовский 1979 – *Говердовский В.И.* История понятия коннотации // Филологические науки. 1979. № 2.

Говердовский 1989 – *Говердовский В.И.* Коннотемная структура слова. Харьков, 1989.

Голев 1989 – *Голев Н.Д.* Динамический аспект лексической мотивации. Томск, 1989.

Горский 1957 – *Горский Д.П.* Роль языка в познании // Мышление и язык. М., 1957.

Горячева 1986 – *Горячева Т.В.* К изучению славянской метеорологической терминологии // Этимология 1984. М., 1986.

Григоренко 1994 – *Григоренко О.В.* Лексическая сочетаемость разнокатегориальных слов, обозначающих звучание: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 1994.

Григорян 1996 – *Григорян В.М.* Слово и его подчиняющие свойства // Словарь. Грамматика. Текст. М., 1996.

Гройс 1992 – *Гройс Б.* Поиск русской национальной идентичности // Вопросы философии. 1992. № 1.

Грот 1876 – *Грот Я.К.* Филологические разыскания. Т. 1. СПб, 1876.

Грубер 1995 – *Грубер Дж. С.* Ролевые конфигурации и синтаксическая структура // Лингвистика на исходе XX века: итоги и перспективы. Т.1. М., 1995.

Грузберг 1984 – *Грузберг Л.А.* К социолингвистическому описанию семантики слова // Семантическая структура слова. Кемерово, 1984.

Гудавичюс 1989 – *Гудавичюс А.Й.* Принципы построения и содержание сопоставительной семасиологии (на материале русского и литовского языков): Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1989.

Гумбольдт 1985 – *Гумбольдт В.* Характер языка и характер народа // Гумбольдт В. Язык и философия культуры. М., 1985.

Гумилев 1989 – *Гумилев Л.Н.* Этногенез и биосфера Земли. Л., 1989.

Гуревич 1972 – *Гуревич А.Я.* Категории средневековой культуры. М., 1972.

Денисов 1974 – *Денисов П.Н.* Очерки по русской лексикологии и учебной лексикографии. М., 1974.

Денисов 1980 – *Денисов П.Н.* Лексика русского языка и принципы ее описания. М., 1980.

Денисова 1987 – *Денисова М.А.* Россияведческий аспект учебной лексикографии: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1987.

Дивина 1996 – *Дивина Е.А.* Синтагматика семантического поля цвета в русском

языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 1996.

Долотова 1989 – *Долотова Г.В.* Фразеологические кальки с французского в русском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1989.

Ельмслев 1960 – *Ельмслев Л.* Прологомены к теории языка // Новое в лингвистике. Вып. 1. М., 1960.

Ермакова 1995 – *Ермакова О.П.* О синтаксической обусловленности и синтаксической подвижности метафор // Филологический сборник: (К 100-летию со дня рождения акад. В.В.Виноградова). М., 1995.

Жданова 1997 – *Жданова О.П.* Семантика глаголов поведения в культурологическом освещении // Русское слово в языке, тексте и культурной среде. Екатеринбург, 1997.

Жолковский, Мельчук 1967 – *Жолковский А.К., Мельчук И.А.* О семантическом синтезе // Проблемы кибернетики. 1967. Вып. 19.

Звегинцев 1968 – *Звегинцев В.А.* Теоретическая и прикладная лингвистика. М., 1968.

Звегинцев 1973 – *Звегинцев В.А.* Язык и лингвистическая теория. М., 1973.

Зимин 1994 – *Зимин В.И.* Лексическое значение как объект комплексного описания в словарях: Автореф. дисс. ... докт. филол. наук. Краснодар, 1994.

Золотова 1982 – *Золотова Г.А.* Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. М., 1982.

Иванов, Топоров 1965 – *Иванов Вяч.Вс., Топоров В.Н.* Славянские языковые моделирующие системы. М., 1965.

История лексики... 1981 – *История лексики русского литературного языка конца XVII – начала XIX века.* М., 1981.

Кант 1965 – *Кант И.* Критика чистого разума // Соч. Т.4. М., 1965.

Карасик 1996 – *Карасик В.И.* Культурные доминанты в языке // Языковая личность: культурные концепты. Волгоград: Архангельск, 1996.

Караулов 1976 – *Караулов Ю.Н.* Общая и русская идеография. М., 1976.

Караулов 1981 – *Караулов Ю.Н.* Лингвистическое конструирование и тезаурус литературного языка. М., 1981.

Караулов 1987 – *Караулов Ю.А.* Русский язык и языковая личность. М., 1987.

Караулов 1988 – *Караулов Ю.Н.* Словарь и человек // Теория языка и словари. Кишинев, 1988.

Кацнельсон 1965 – *Кацнельсон С.Д.* Содержание слова, значение и обозначение. М; Л., 1965.

Кацнельсон 1972 – *Кацнельсон С.Д.* Типология языка и речевое мышление. Л., 1972.

Киселевский 1979 – *Киселевский А.И.* Об определениях в энциклопедиях и толковых словарях // Вопросы языкознания. 1979. № 2.

Кифер 1978 – *Кифер Ф.* О пресуппозициях // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 8. М., 1978.

Классы слов... 1979 – *Классы слов и их взаимодействие.* Свердловск, 1979.

Классы слов... 1988 – *Классы слов с синтагматическим аспекте.* Свердловск, 1988.

Клишин, Фонакова 1996 – *Клишин А.И., Фонакова О.И.* Опыт описания универсальных семантических моделей пространственной метафоры (конкретное –

абстрактное) // Семантика и коммуникация. Спб., 1996.

Козельская 1984 – *Козельская Н.А.* Лексико-семантическая группа глаголов изменения функционального состояния в современном русском языке: (К проблеме формирования): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 1984.

Колесов 1995 – *Колесов В.В.* Ментальные характеристики русского слова в языке и в философской интуиции // Язык и этнический менталитет. Петрозаводск, 1995.

Колшанский 1975 – *Колшанский Г.В.* Соотношение субъективных и объективных факторов в языке. М., 1975.

Колшанский 1980 – *Колшанский Г.В.* Контекстная семантика. М., 1980.

Колшанский 1990 – *Колшанский Г.В.* Объективная картина мира в познании и языке. М., 1990.

Комлев 1966 – *Комлев Н.Г.* О культурном компоненте лексического значения // Вестн. Моск. гос. ун-та. Сер. 10. Филология. 1966. № 5.

Комлев 1969 – *Комлев Н.Г.* Компоненты содержательной структуры слова. М., 1969.

Комлев 1988 – *Комлев Н.Г.* Семантика слова в речевой реализации: (К основаниям денотативной грамматики): Автореф. дисс. ...докт. филол. наук. Москва, 1988.

Комлев 1992 – *Комлев Н.Г.* Слово в речи. М., 1992.

Комри 1995 – *Комри Б.* Типология падежного маркирования предикатных имен // Лингвистика на исходе XX века: итоги и перспективы. Т.1. М., 1995.

Кондаков 1975 – *Кондаков Н.И.* Логический словарь-справочник. М., 1975.

Копнин 1966 – *Копнин П.В.* Введение в марксистскую гносеологию. Киев, 1966.

Копыленко, Попова 1978 – *Копыленко М.М., Попова З.Д.* Очерки по общей фразеологии: Проблемы, методы, опыты. Воронеж, 1978.

Корованенко 1995 – *Корованенко Т.А.* Проблемы семантики в новом академическом словаре // Очередные задачи русской академической лексикографии. Спб., 1995.

Косовский 1974 – *Косовский Б.И.* Общее языкознание: Учение о слове и словарном составе языка. Минск, 1974.

Косовский 1975 – *Косовский Б.И.* Типы значений слова // Методы изучения лексики. Минск, 1975.

Костомаров 1993 – *Костомаров Н.И.* Домашняя жизнь и нравы великорусского народа: Утварь, одежда, пища и питье, здоровье и болезни, нравы, обряды, прием гостей. М., 1993.

Котелова 1977 – *Котелова Н.З.* Лексическая сочетаемость слова в словаре // Современная русская лексикография 1976. Л., 1977.

Котелова 1995 – *Котелова Н.З.* Лексическая сочетаемость в Новом академическом словаре // Очередные задачи русской академической лексикографии. Спб, 1995.

Кошель 1980 – *Кошель Г.Г.* Оценочные предикативные номинации в современном английском языке: Дисс. ... канд. филол. наук. М., 1980.

Кругликова 1988 – *Кругликова Л.Е.* Структура лексического и фразеологического значения. М., 1988.

Кубрякова 1986 – *Кубрякова Е.С.* Номинативный аспект речевой деятельности. М., 1986.

Кузнецов 1980 – *Кузнецов А.М.* Структурно-семантические параметры в лексике. М., 1980.

Кузнецова 1996 – *Кузнецова Н.Н.* Расширение семантической структуры прилагательных, определяющих внешность человека, в русских народных сказках // Семантика языковых единиц: Доклады V Международной конференции. М., 1996.

Кузнецова 1969 – *Кузнецова Э.В.* Метод ступенчатой идентификации в описании лексико-семантической группы слов // Учен. зап. Тарт. гос. ун-та. Вып. 228. Тарту, 1969.

Кузнецова 1989 – *Кузнецова Э.В.* Лексикология русского языка. М., 1989.

Купина 1995 – *Купина Н.А.* Тоталитарный язык: Словарь и речевые реакции. Екатеринбург; Пермь, 1995.

Купина 1995а – *Купина Н.А.* Категории тоталитарного мышления в зеркале языка // Ежегодник НИИ русской культуры Урал. гос. ун-та. Екатеринбург, 1995.

Купина 1996 – *Купина Н.А.* Лингвоидеологические аспекты разговорного текста // Русская разговорная речь как явление городской культуры. Екатеринбург, 1996.

Курицына 1977 – *Курицына Л.А.* Семасиологическое исследование глаголов с узкой семантикой: Дисс. ... канд. филол. наук. Кострома, 1977.

Лейбниц 1983 – *Лейбниц Г.В.* Новые опыты о человеческом разумении автора системы предустановленной гармонии // Лейбниц Г.В. Соч.: в 4 т. Т.2. М., 1983.

Лексико-семантические группы 1989 – *Лексико-семантические группы русских глаголов.* Иркутск, 1989.

Леонтьев 1965 – *Леонтьев А.А.* Слово в речевой деятельности. М., 1965.

Леонтьев 1971 – *Леонтьев А.А.* Психологическая структура значения // Семантическая структура слова. М., 1971.

Лихачев 1979 – *Лихачев Д.С.* Поэтика древнерусской литературы. М., 1979.

Ломтев 1976 – *Ломтев Т.П.* Общее и русское языкознание. М., 1976.

ЛОРЯ – *Лексическая основа русского языка: Комплексный учебный словарь.* М., 1984.

Лотман 1987 – *Лотман Ю.М.* Несколько мыслей о типологии культур // Языки культуры и проблемы переводимости. М., 1987.

ЛСГРГ – *Лексико-семантические группы русских глаголов: Учебный словарь-справочник.* Свердловск, 1988.

Лукин 1990 – *Лукин В.А.* Семантические примитивы русского языка. М, 1990.

Лукинова 1986 – *Лукинова Т.Б.* Лексика славянского язычества // Этимология 1984. М., 1986.

Лукиянова 1976 – *Лукиянова Н.А.* О соотношении понятий *экспрессивность, эмоциональность, оценочность* // Актуальные проблемы лексикологии и словообразования. Вып.5. Новосибирск, 1976.

Лукиянова 1979 – *Лукиянова Н.А.* Некоторые вопросы диалектной лексикологии. Новосибирск, 1979.

Лукиянова 1986 – *Лукиянова Н.А.* Экспрессивная лексика разговорного употребления: проблемы семантики. Новосибирск, 1986.

Лукиянова, Черемисина 1986 – *Лукиянова Н.А., Черемисина М.И.* Образность как характеристика значения слова // Синтаксическая и лексическая семантика.

Новосибирск, 1986.

Ляпон 1988 – *Ляпон М.В.* Семантика реляционных единиц и их словарное толкование // Словарные категории. М., 1988.

МакКоли 1981 – *МакКоли Дж.Д.* О месте семантики в грамматике языка // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1981.

Мандельштам 1987 – *Мандельштам О.Э.* Слово и культура. М., 1987.

Маркарян 1987 – *Маркарян Э.Б.* Философско-методологические проблемы анализа языка науки. Ереван, 1987.

МАС – *Словарь русского языка: В 4 т. 2-е изд.* М., 1981–1984.

Матвеев 1986а – *Матвеев А.К.* Методы топонимических исследований. Свердловск, 1986.

Матвеев 1986б – *Матвеев А.К.* К интерпретации одной условной топонимической системы // Этимология 1984. М., 1986.

Матвеева 1986 – *Матвеева Т.В.* Лексическая экспрессивность в языке. Свердловск, 1986.

Медведев 1972 – *Медведев А.А.* Методы построения словарных определений для слов конкретной лексики. Киев, 1972.

Мейе 1954 – *Мейе А.* Сравнительный метод в историческом языкознании. М., 1954.

Мелерович 1982 – *Мелерович А.М.* Семантическая структура фразеологических единиц в современном русском языке как лингвистическая проблема: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Л., 1982.

Мельчук 1995 – *Мельчук И.А.* Русский язык в модели “Смысл \leftrightarrow Текст”. М.; Вена, 1995.

Мещанинов 1978 – *Мещанинов И.И.* Члены предложения и части речи. Л., 1978.

Микулина 1981 – *Микулина Л.Т.* Отражение национальной культуры в толковом словаре // Современная русская лексикография 1980. Л., 1981.

Михайлова 1984 – *Михайлова О.А.* К вопросу об изучении глаголов с предметными семами // Проблемы глагольной семантики. Свердловск, 1984.

Михайлова 1985 – *Михайлова О.А.* Глаголы со специализированными предметно-субъектными семами в современном русском языке: Дисс. ... канд. филол. наук. Свердловск, 1985.

Михайлова 1987 – *Михайлова О.А.* Предикатные компоненты семантики глагола // Семантика слова и синтаксической конструкции. Воронеж, 1987.

Михеев 1983 – *Михеев А.В.* Психолингвистическое исследование семантических отношений: (На материале слов-цветообозначений): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1983.

Михеев, Рюмина, Фрумкина 1985 – *Михеев А.В., Рюмина Н.А., Фрумкина Р.М.* Основные результаты анализа трех тематических групп слов “конкретной” лексики // Лингвистические и психолингвистические структуры речи. М., 1985.

Моран 1989 – *Моран Л.* Лексико-семантическое поле в системе его денотативных и оценочных значений: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Минск, 1989.

Морковкин 1988 – *Морковкин В.В.* Антропоцентрический versus лингвоцентрический подход к лексикографированию // Национальная специфика языка и ее отражение в нормативном словаре. М., 1988.

Морковкин 1990 – *Морковкин В.В.* Основы теории учебной лексикографии, М., 1990.

Морковкин, Морковкина 1997 – *Морковкин В.В., Морковкина А.В.* Русские агнонимы (слова, которые мы не знаем). М., 1997.

Мостовая, Фрумкина 1987 – *Мостовая А.Д., Фрумкина Р.М.* Семантические отношения на именах конкретной лексики: опыт описания // Экспериментальные методы в психолингвистике. М., 1987.

Мостовая 1990 – *Мостовая А.Д.* Гипо-гиперонимия и другие семантические отношения на конкретных существительных // Язык и структура знания. М., 1990.

Муравьев 1991 – *Муравьев В.* Рев времени // Из глубины. М., 1991.

Мурзин 1994 – *Мурзин Л.Н.* Язык, текст и культура // Человек - Текст - Культура. Екатеринбург, 1994.

Мурзин 1996 – *Мурзин Л.Н.* О лингвокультурологии, ее содержании и методах // Русская разговорная речь как явление городской культуры. Екатеринбург, 1996.

Мурзин 1997 – *Мурзин Л.Н.* О степенях свободы языка // Русское слово в языке, тексте и культурной среде. Екатеринбург, 1997.

Найда 1962 – *Найда Е.Л.* Анализ значения и составление словарей // Новое в лингвистике. Вып. 2. М., 1962.

Найда 1970 – *Найда Ю.А.* Наука перевода // Вопросы языкознания. 1970. №4.

Налимов 1979 – *Налимов Р.В.* Вероятностная модель языка: О соотношении естественных и искусственных языков. М., 1979.

Национально-культурная специфика 1977 – *Национально-культурная специфика речевого поведения.* М., 1977.

Национально-культурная специфика 1982 – *Национально-культурная специфика речевого общения народов СССР.* М., 1982.

Недашковская 1990 – *Недашковская Т.Е.* Семантическая характеристика слова в толковых словарях русского языка советского периода (семантическая неопределенность лексического значения): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Киев, 1990.

Никитин 1991 – *Никитин Е.П.* Духовный мир: органичный космос или разбегаящаяся вселенная? // Вопросы философии. 1991. №8.

Никитин 1974 – *Никитин М.В.* Лексическое значение в слове и словосочетании. Владимир, 1974.

Никитин 1983 – *Никитин М.В.* Лексическое значение слова. М., 1983.

Никитина 1993 – *Никитина С.Е.* Устная народная культура и языковое сознание. М., 1993.

Николаева 1987 – *Николаева М.А.* О логико-семантических работах современных французских лингвистов // Вопросы языкознания. 1987. №6.

Николаева 1983 – *Николаева Т.М.* Качественные прилагательные и отражение "картины мира" // Славянское и балканское языкознание. М., 1983.

Новиков 1982 – *Новиков Л.А.* Семантика русского языка. М., 1982.

Новое 1980 – *Новое* в русской лексике. Словарные материалы – 77. М., 1980.

Новое 1981 – *Новое* в русской лексике. Словарные материалы – 78. М., 1981.

Новое 1982 – *Новое* в русской лексике. Словарные материалы – 79. М., 1982.

Новое 1986 – *Новое* в русской лексике. Словарные материалы – 82. М., 1986.

Ономасиологические аспекты 1993 – *Ономасиологические аспекты семантики.*

Сб. науч. ст. Волгоград, 1993.

Осильбекова 1986 – *Осильбекова Д.А.* Семантическая структура отлагательных локативных существительных и принципы их семантизации в толковых словарях русского языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ташкент, 1986.

Павел 1983 – *Павел В.К.* Лексическая номинация: На материале молдавских народных говоров. Кишинев, 1983.

Падучева 1989 – *Падучева Е.В.* Наречие как кванторное слово // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. Т. 48. 1989. № 1.

Панфилов 1977 – *Панфилов В.З.* Философские проблемы языкознания: (Гносеологические аспекты). М., 1977.

Пауль 1960 – *Пауль Г.* Принципы истории языка. М., 1960.

Пацева 1991 – *Пацева М.А.* К проблеме национально-культурной специфики значения слова: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1991.

Пестова 1988 – *Пестова О.Г.* Символическое значение слова как особый объект лингвистической семантики. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 1988.

Петрищева 1984 – *Петрищева Е.Ф.* Стилистически окрашенная лексика русского языка. М., 1984.

Пешковский 1956 – *Пешковский А.М.* Русский синтаксис в научном освещении. М., 1956.

Плотников 1981 – *Плотников Б.А.* Исследование лексического значения путем квантированного анализа дистрибутивных свойств слова: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Минск, 1981.

Плотников 1984 – *Плотников Б.А.* Основы семасиологии. Минск, 1984.

Плунгян 1991 – *Плунгян В.А.* К описанию африканской наивной картины мира (локализация ощущений и понимание в языке догон) // Логический анализ языка: Культурные концепты. М., 1991.

Полевые структуры 1989 – *Полевые структуры в системе языка.* Воронеж, 1989.

Поливанов 1968 – *Поливанов Е.Д.* Статьи по общему языкознанию. М., 1968.

Попова, Стернин 1984 – *Попова З.Д., Стернин И.А.* Лексическая система языка. Воронеж, 1984.

Постовалова 1988 – *Постовалова В.И.* Картина мира в жизнедеятельности человека. // Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира. М., 1988.

Потебня 1958 – *Потебня А.А.* Из записок по русской грамматике. Т. 1-2. М., 1958.

Прохвачева 1996 – *Прохвачева О.Г.* Образ “приватного” пространства в языковой картине мира: (На материале русской и английской фразеологии) // Языковая личность: культурные концепты. Волгоград; Астрахань, 1996.

Процессы формирования 1966 – *Процессы формирования лексики русского литературного языка от Кантемира до Карамзина.* М., 1966.

Путягин 1975 – *Путягин Г.А.* О принципах организации групп слов в лексической системе: (На материале имен существительных, называющих человека по возрасту, росту, степени физической силы и степени физической красоты): Дис.... канд. филол. наук. Воронеж, 1975.

Рассел 1957 – *Рассел Б.* Человеческое познание. М., 1957.

Рахилина 1990 – *Рахилина Е.В.* Семантика или синтаксис? München, 1990.

- Резанова 1982 – *Резанова З.И.* Словообразующие возможности существительных со значением артефакта // Вопросы языка и его говоров. Томск, 1982.
- Резанова 1984 – *Резанова З.И.* Имя биофакта как мотиватор субстантива // Семантическая структура слова. Кемерово, 1984.
- Рей, Делесаль 1983 – *Рей А., Делесаль С.* Проблемы и антиномии лексикографии // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 14. М., 1983.
- Розина 1988 – *Розина Р.И.* Таксономические отношения в лексике и их отражение в словаре // Национальная специфика языка и ее отражение в нормативном словаре. М., 1988.
- Розина 1991 – *Розина Р.И.* Человек и личность в языке. // Логический анализ языка: Культурные концепты. М., 1991.
- Роль человеческого фактора 1988 – *Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира.* М., 1988.
- РСС – *Русский семантический словарь: Опыт автоматического построения тезауруса: от топонимии к слову.* М., 1982.
- Русское слово 1987 – *Русское слово в лингвострановедческом аспекте.* Воронеж, 1987.
- Рюмина 1987 – *Рюмина Н.А.* Изучение семантики “конкретной” лексики психолингвистическими методами: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1987.
- Саевич 1986 – *Саевич С.Т.* Локативно-валентные глаголы в системе средств выражения пространственных отношений в современном русском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1986.
- СД – *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М., 1994.
- Селиверстова 1968 – *Селиверстова О.Н.* Значение слова и информация // Теория речевой деятельности. М., 1968.
- Селиверстова 1975 – *Селиверстова О.Н.* Компонентный анализ многозначных слов. М., 1975.
- Семантика и категоризация 1991 – *Семантика и категоризация.* М., 1991.
- Семантические типы 1982 – *Семантические типы предикатов.* М., 1982.
- Сепир 1993 – *Сепир Э.* Язык и среда // Избр. тр. по языкознанию и культурологии. М., 1993.
- Сергеев 1983 – *Сергеев В.Н.* Зооморфизмы в языке и в словаре // Современная русская лексикография, 1981. Л., 1983.
- Сергеева 1989 – *Сергеева Л.А.* Функциональная типология качественных прилагательных в современном русском языке // Исследования по семантике. Уфа, 1989.
- Серебренников 1983 – *Серебренников Б.А.* О материалистическом подходе к явлениям языка. М., 1983.
- Скляревская 1978 – *Скляревская Г.Н.* Заметки о лексикографической стилистике // Современность и словари. Л., 1978.
- Скляревская 1983 – *Скляревская Г.Н.* К вопросу о метафоре как объекте лексикографии // Современная русская лексикография, 1981. М., 1983.
- Скляревская 1988 – *Скляревская Г.Н.* Категория образности и толковый словарь литературного языка // Советская лексикография. М., 1988.
- Скляревская 1995а – *Скляревская Г.Н.* Функционально-стилистическая

характеристика лексики в Новом академическом словаре // Очередные задачи русской академической лексикографии. СПб., 1995.

Скляревская 1995б – *Скляревская Г.Н.* Прагматика и лексикография // Язык – система. Язык – текст. Язык – способность. М., 1995.

Скляревская 1996 – *Скляревская Г.Н.* Реальный и ирреальный мир в толковом словаре: (К вопросу о прагматическом компоненте слова) // Семантика и коммуникация. Вып. 4. СПб, 1996.

Скляревская 1996а – *Скляревская Г.Н.* Русский язык конца XX века: версия лексикографического описания // Словарь. Грамматика. Текст. М., 1996.

Славе 1976 – *Славе Е.* Коннотация // Проблемы общего языкознания: Общественные науки за рубежом. Сер. 6. Языкознание. 1976. №3.

Славин 1971 – *Славин А.В.* Наглядный образ в структуре познания. М., 1971.

Смирницкий 1956 – *Смирницкий А.И.* Лексикология английского языка. М., 1956.

Соколовская 1979 – *Соколовская Ж.П.* Система в лексической семантике. Киев, 1979.

Соколовская 1980 – *Соколовская Ж.П.* Семантемы-прилагательные современного русского языка // Исследования по семантике. Уфа, 1980.

Соколовская 1988 – *Соколовская Ж.П.* Лексическая сочетаемость как результат взаимодействия семем // Исследования по семантике. Уфа, 1988.

Солганик 1987 – *Солганик Г.Я.* Значение слова и представление // Семантика слова и синтаксической конструкции. Воронеж, 1987.

Солнцев 1977 – *Солнцев В.М.* Язык как системно-структурное образование. М., 1977.

Соловьева 1989 – *Соловьева Н.В.* Место предметного компонента в психологической структуре значения глагола: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 1989.

Сорокин 1965 – *Сорокин Ю.С.* Развитие словарного состава русского литературного языка. 30–90-е годы XIX века. М.; Л., 1965.

Сороколетов 1988 – *Сороколетов Ф.П.* О словаре современного русского литературного языка // Национальная специфика языка и ее отражение в нормативном словаре. М., 1988.

Соссюр 1977 – *Соссюр Ф. де.* Труды по языкознанию. М., 1977.

СОШ – *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка. 4-е изд. М., 1997.

ССРЛЯ – Словарь современного русского языка: В 20 т. 2-е изд. М., 1991–1993. Т. 1–4.

Степанов 1964 – *Степанов Ю.С.* О предпосылках лингвистической теории значения // Вопросы языкознания. 1964. № 5.

Степанов 1974 – *Степанов Ю.С.* Эмиль Бенвенист и лингвистика на пути преобразований. [Вступ. ст.] // Бенвенист Э. Общая лингвистика, М., 1974.

Степанов 1975 – *Степанов Ю.С.* Основы общего языкознания. М., 1975.

Степанов 1977 – *Степанов Ю.С.* Номинация, семантика, семиотика // Языковая номинация. Общие вопросы. М., 1977.

Степанов 1981 – *Степанов Ю.С.* Имена, предикаты, предложения: (Семиологическая грамматика). М., 1981.

Степанова 1985 – *Степанова В.В.* Границы слова в тексте // Проблемы лексико-синтаксической координации. Л., 1985.

Стернин 1979 – *Стернин И.А.* Проблемы анализа структуры значения слова. Воронеж, 1979.

Стернин 1980 – *Стернин И.А.* Из наблюдений над вероятностными семами в значении слова // Сопоставительно-семантические исследования русского языка. Воронеж, 1980.

Стернин 1985 – *Стернин И.А.* Лексическое значение слова в речи. Воронеж, 1985.

Сулименко 1966 – *Сулименко Н.Е.* Качественные прилагательные в их отношении к типам лексических значений: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Л., 1966.

Тарланов 1993 – *Тарланов З.К.* Язык. Этнос. Время. Петрозаводск, 1993.

Тарланов 1995 – *Тарланов З.К.* Этнический язык и этническое видение мира // Язык и этнический менталитет. Петрозаводск, 1995.

Телия 1977 – *Телия В.Н.* Вторичная номинация и ее виды // Языковая номинация (виды наименований). М., 1977.

Телия 1980 – *Телия В.Н.* Семантика связанных значений слов и их сочетаемость // Аспекты семантических исследований. М., 1980.

Телия 1981 – *Телия В.Н.* Типы языковых значений. связанное значение слова в языке. М., 1981.

Телия 1986 – *Телия В.Н.* Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. М., 1986.

Телия 1995 – *Телия В.Н.* К проблеме связанного значения слова: гипотезы, факты, перспективы // Язык – система. Язык – текст. Язык – способность. М., 1995.

Токарев 1973 – *Токарев С.А.* Андре Леруа-Гуран и его труды по этнографии и археологии // Этимологические исследования за рубежом: Критические очерки. М., 1973.

Толстая 1991 – *Толстая С.М.* Аксиология времени в славянской народной культуре // История и культура. М., 1991.

Толстой 1968 – *Толстой Н.И.* Некоторые проблемы сравнительной славянской семасиологии // Славянское языкознание. М., 1968.

Толстой 1982 – *Толстой Н.И.* Некоторые проблемы и перспективы славянской и общей этнолингвистики // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1982. Т. 41. № 5.

Толстой, Толстая 1993 – *Толстой Н.И., Толстая С.М.* Слово в обрядовом тексте (культурная семантика слав. *vesel-) // Славянское языкознание. XI Международный съезд славистов: Доклады российской делегации. М., 1993.

Томахин 1988 – *Томахин Г.Д.* Прагматический аспект лексического фона слова // Филологические науки, 1988, № 5.

Топоров 1983 – *Топоров В.Н.* Пространство и текст // Текст: семантика и структура. М., 1983.

Топоров 1988 – *Топоров В.Н.* Модель мира // Мифы народов мира. Т.2. М., 1988.

Торопцев 1975 – *Торопцев И.С.* Исходные моменты лексической объективации // Проблемы ономастологии. Курск, 1975.

Трипольская 1984 – *Трипольская Т.А.* Семантическая структура экспрессивного

слова и ее лексикографическое описание: Дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 1984.

Трипольская 1985 – *Трипольская Т.А.* Семантическая структура слова и ее лексикографическое описание: (На материале эмоционально-оценочных существительных со значением лица): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 1985.

Трубачев 1980 – *Трубачев О.Н.* Реконструкция слов и их значений // Вопросы языкознания. 1980. № 3.

Убийко 1988 – *Убийко В.И.* Система и функционирование прилагательных, обозначающих черты характера // Исследования по семантике. Уфа, 1988.

Ульман 1962 – *Ульман Ст.* Дескриптивная семантика и лингвистическая типология // Новое в лингвистике. Вып. 2. М., 1962.

Урысон 1995 – *Урысон Е.В.* Фундаментальные способности человека и наивная "анатомия" // Вопросы языкознания. 1995. №3.

Успенский 1989 – *Успенский Б.А.* История и семиотика (восприятие времени как семиотическая проблема): Статья 2-я // Труды по знаковым системам. Вып. 23. Тарту, 1989.

Успенский 1995 – *Успенский Б.А.* Поэтика композиции // Семиотика искусства. М., 1995.

Уфимцева 1974 – *Уфимцева А.А.* Типы словесных знаков. М., 1974.

Уфимцева 1980 – *Уфимцева А.А.* Семантика слова // Аспекты семантических исследований М., 1980.

Уфимцева 1986 – *Уфимцева А.А.* Лексическое значение: (Принцип семиологического описания лексики). М., 1986.

Уфимцева 1988 – *Уфимцева А.А.* Роль лексики в познании человеком действительности и в формировании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. М., 1988.

Филатова 1978 – *Филатова Л.А.* Глагольные средства выражения пространственного дейксиса в английском и немецком языках: Дис. ... канд. филол. наук. М., 1978.

Филлмор 1981 – *Филлмор Ч.* Дело о падеже // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 10. М., 1981.

Филлмор 1983 – *Филлмор Ч.* Об организации семантической информации в словаре // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 14. М., 1983.

Флоренский 1993 – *Флоренский П.А.* Анализ пространственности и времени в художественно-изобразительных произведениях. М., 1993.

Фреге 1977 – *Фреге Г.* Смысл и денотат // Семиотика и информатика. Вып. 8. М., 1977.

Фрумкина 1984 – *Фрумкина Р.М.* Цвет, смысл, сходство. М., 1984.

ФЭС – *Философский энциклопедический словарь.* М., 1983.

Хмелевский 1989 – *Хмелевский А.П.* Национально-культурный компонент газетной лексики: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Минск, 1989.

Хроленко 1991 – *Хроленко А.Т.* Своеобразие фольклорного слова // Русский фольклор. Вып. 26. Л., 1991.

Цветков 1984 – *Цветков Н.В.* Методология компонентного анализа, его сферы и границы: (На материале лексики русского языка). Автореф. дис. ... канд. филол.

наук. М., 1984. – 16 с.

Цивьян 1973 – *Цивьян Т.В.* О некоторых способах отражения в языке оппозиций “внутренний/внешний”. // Структурно-типологические исследования в области славянских языков. М., 1973.

Цивьян 1990 – *Цивьян Т.В.* Лингвистические основы балканской модели мира. М., 1990.

Черемисина 1976 – *Черемисина М.И.* Образные значения зоонимов в словарях // Актуальные проблемы лексикологии и словообразования. Вып. 5. Новосибирск, 1976.

Черемисина 1979 – *Черемисина М.И.* Экспрессивный фонд и пути его изучения // Актуальные проблемы лексикологии и словообразования. Вып. 8. Новосибирск, 1979.

Чикобава 1967 – *Чикобава А.С.* К вопросу о взаимоотношения мышления и речи в связи с ролью коммуникативной функции // Язык и мышление. М., 1967.

ЧС 1977 – *Частотный словарь русского языка.* / Под ред. Л.Н.Засориной. М., 1977.

Чудинов 1988 – *Чудинов А.П.* Типология варьирования глагольной семантики. Свердловск, 1988.

Шапиро 1941 – *Шапиро А.Б.* О залогах в современном русском языке // Учен. зап. Моск. гос. пед. ин-та. 1941. Вып. 1.

Шатуновский 1983 – *Шатуновский И.Б.* Синтаксически обусловленная многозначность (имя номинального класса → имя естественного класса) // Вопросы языкознания. 1983. № 2.

Шахматов 1927 – *Шахматов А.А.* Очерк современного русского литературного языка. М., 1927.

Шахова 1980 – *Шахова Л.И.* Структурно-функциональная характеристика ЛСГ существительных “чувственные переживания” в русском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Киев, 1980.

Шаховский 1982 – *Шаховский В.И.* К типологии коннотаций // Аспекты лексического значения. Воронеж, 1982.

Шаховский 1983 – *Шаховский В.И.* Эмотивный компонент значения и методы его описания. Волгоград, 1983.

Шаховский 1987 – *Шаховский В.И.* Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. Воронеж, 1987.

Шаховский 1996 – *Шаховский В.И.* Эмоциональные культурные концепты: параллели и контрасты // Языковая личность: Культурные концепты. Волгоград; Архангельск, 1996.

Шведова 1981 – *Шведова Н.Ю.* Однотомный толковый словарь (специфика жанра и некоторые перспективы дальнейшей работы) // Русский язык: Проблемы художественной речи. Лексикология и лексикография. М., 1981.

Шведова 1988 – *Шведова Н.Ю.* Парадоксы словарной статьи. // Национальная специфика языка и ее отражение в нормативном словаре. М., 1988.

Шипицына 1975 – *Шипицына Г.М.* Сущность категории “лексико-семантическая группа” и методика выделения лексико-семантических групп имен прилагательных // Проблемы изучения слова. Свердловск, 1975.

Шипицына 1979 – *Шипицына Г.М.* О структуре лексико-семантических групп

прилагательных, характеризующих человека, в русском языке // Классы слов и их взаимодействие. Свердловск, 1979.

Шмелев 1964 – *Шмелев Д.Н.* Очерки по семасиологии русского языка. М., 1964.

Шмелев 1973 – *Шмелев Д.Н.* Проблемы семантического анализа лексики. М., 1973.

Шмелева 1983 – *Шмелева Т.В.* Предложение и ситуация в синтаксической концепции Т.П.Ломтева // *Филологические науки.* 1983. №3.

Шрамм 1979 – *Шрамм А.Н.* Очерки по семантике качественных прилагательных. Л., 1979.

Шрамм 1983 – *Шрамм А.Н.* О типах семантической структуры многозначных качественных прилагательных // *Исследования по семантике.* Уфа, 1983.

Шрамм 1989 – *Шрамм А.Н.* Семантическое развитие прилагательных в современном русском языке // *Вопросы исторической семантики русского языка.* Калининград, 1989.

Щерба 1958 – *Щерба Л.В.* Опыт общей теории лексикографии // *Избр. работы по языкознанию и фонетике.* Т.1. М., 1958.

Щерба 1974 – *Щерба Л.В.* Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974.

Языковая номинация 1977 – *Языковая номинация: Общие вопросы.* М., 1977.

Языковая номинация 1977а – *Языковая номинация: Виды наименований.* М., 1977.

Яковлева 1994 – *Яковлева Е.С.* Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия). М., 1994.

Янценецкая 1979 – *Янценецкая М.Н.* Семантические вопросы теории словообразования. Томск, 1979.

Bendix 1966 – *Bendix E.H.* Componential analysis of general vocabulary: the semantic structure of a set of verbs in English, Hindi and Japanese. The Hague, 1966.

Hallig, Wartburg 1952 – *Hallig R. und Wartburg W.* Begriffssystem als Grundlage für die Lexikographie. Berlin, 1952.

Katz and Fodor 1963 – *Katz J.J. and Fodor J.A.* The structure of a semantic theory // *Language.* 1963. Vol. 39, № 1.

Katz and Postal 1964 – *Katz J.J. and Postal P.M.* An integrated theory of linguistic descriptions. Cambridge, 1964.

Lakoff 1975 – *Lakoff G.* Hedges: a study in meaning criteria and the logic of fuzzy concepts // *Contemporary research in philosophical logic and linguistic semantics.* Dordrecht; Boston, 1975.

Lewis 1972 – *Lewis D.* General Semantics. // *Semantics of Natural Language.* Urbana, 1972.

Mathiot 1968 – *Mathiot M.* An approach to the cognitive study of language. “International journal of American Linguistics”. 1968. Vol. 34, № 1 (Special issue).

Zadeh 1972 – *Zadeh L.* Fuzzy Set-Theoretic Interpretation of Hedges // *Dept. of Electrical Engineering. U. of California.* Berkeley, 1972.

Wierzbicka 1985 – *Wierzbicka A.* Lexicography and conceptual analysis. Ann Arbor: Karoma, 1985.

Wierzbicka 1992 – *Wierzbicka A.* Semantics, culture, and cognition: universal human concepts in culture-specific configurations. N.Y. Oxford University Press, 1992.

Научное издание

Ольга Алексеевна Михайлова

**ОГРАНИЧЕНИЯ В ЛЕКСИЧЕСКОЙ СЕМАНТИКЕ:
Семасиологический и лингвокультурологический аспекты**

Редактор Р.Н.Кислых

Компьютерный набор Ю.Н.Михайлов

Подготовка оригинал-макета А.Н.Стуликов

ЛР № 020257 от 22.11.96 г.

Подписано в печать 25.05.98. Формат 60х 84^{1/16}. Печать офсетная. Бумага
для множительных аппаратов. Усл. печ. л.13,8. Уч.-изд. л.14,5.
Тираж 200. Заказ 549 .

**Издательство Уральского университета.
620219, Екатеринбург, ГСП-830, пр. Ленина, 13^Б.**

Отпечатано в типографии "Полиграфист", ул.Тургенева, 20.